

ЛУКИ

декабрь
2000
часть 6

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

№6 **(16)**

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501. Тел.
(345-2) 25-12-84
e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Сдано в набор 10.12.2000.
Подписано в печать 20.12.2000.
Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать. Бумага офсетная №1.
Тираж 500. Заказ №2024.
Корректор М. Дистанова
Операторы ПЭВМ А. Володин и
Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУП «Заурал-Пресс».
640627, г. Курган, ул.К. Маркса, 106.

Подписывая «В печать!» третий номер, который выходит при содействии комитета по СМИ и полиграфии Ханты-Мансийского автономного округа (председатель А.К. Мишунин), хочется от имени читателей поблагодарить властные структуры Югории за финансовую помощь.

Ю. Мандрика,
редактор журнала

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

- Д. Сизов.* «...жир сантиментов
и слякоть злословья...» 3

ПРОЗА

- Д. Пивненко.* Косы черные, расплетенные. Повесть.
Окончание. 6

БИБЛИОГРАФИЯ

- Книги, вышедшие в издательстве Ю. Мандрики
в 2000 г. 141
Содержание журнала «Лукич» за 2000 г. 155

КРАЕВЕДЕНИЕ

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

- Михаил Плотников: Из дела о расстреле 56

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

- С. Пархимович.* Загадки «дней задревних» 43

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

- С. Кубочкин.* «Юбилейный год»: По материалам
следственного дела В.В. Князева 90

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- Л. Шульц.* Салымские остяки: Из материалов
к этнографии южных остяков 104

СООБЩЕНИЯ

- В. Первалов.* «Большой» пожар в Тобольске... 145
В. Ефремов. К вопросу о клеймах 151

TRIVIA (мелочи)

- Суета вокруг «Лукича» 159

**К сведению
читателей!**

В следующем, 2001 г. журнал будет издаваться ежеквартально и будет иметь исключительно краеведческую направленность.

Сизов Даниил Викторович родился 30 ноября 1974 года в Тюмени. Закончил исторический факультет Тюменского государственного университета. Работал в музее «Штаб-квартира В.К. Блюхера». В настоящее время заочно учится на пятом курсе филологического факультета ТГУ. Работает дворником.

**«...Жир сантиментов
и слякоть
злословья...»**

В купе

В купе четыре пассажира,
Четыре разные лица,
Войны четыре или мира,
Начала, а скорей конца.
Четыре разные судьбины,
Семья — на сутки-полторы,
Две женщины и два мужчины,
Как брата два и две сестры.
Вчера, прощаясь на перроне,
Не знали — узы есть прочней
Семейных — в проездном
купоне,
Хоть ненадолго, но точней.
«У вас восьмое? Верх за вами,
А вы — чуть дальше, гражданин,
Да не ходите вы кругами,
Билет один и вы один».
Такие окрики — не редки,
Но кто поймет их злую суть,
Когда все люди, как виньетки
В ненужной книге —
пролистнул и в путь,
Забыв за столиком соседним,
Быть может, ценный фолиант,
Нечитанный никем последним,
Хоть тот последний — не педант,
Но он предпочитает строгость
И избегает лишних встреч,

Как предпоследний
и его убогость.
Но лучше стать огнем, чем жечь
Прелестные билеты и перроны,
У насыпи растущие цветы,
С двойными стеклами
вечерние вагоны
И пассажиров
безымянные кресты —
На сельском кладбище
мелькнувши беспробудно,
Проводником забытые,
они отметки ждут,
Но в их купе войти нетрудно —
Четыре пассажира рядом тут.

* * *

Цинциннату Ц.

Забыв шутовские трущобы,
Взойди и с собой позови
На плаху неведенья злобы
По шагким ступенькам любви.

Не верь, что палач в исступленье
Топор расчехляет на бис.
На холст твоего преступленья
Наносится гадкий эскиз.

Муаровый месяц потушен —
Не нужен свидетельский глаз.
«Ты будешь законопослушен!», —
Грохочет внушительный бас.

Не слушая, выйди свободно
Из хляби навязчивых лет.
Прощенье здесь Смерти подобно,
А Жизни подобия нет!

* * *

Траур черного неба
Объясняет погибший день.
Поле несжатого хлеба
Объясняет людскую лень.

Вера в Себя или в Бога
Объясняет бессилие зла,
А серые камни острога —
Разные пути ремесла.

Тронность надежд незримых
Объясняет мыслей гурьбу,
Слезы из глаз любимых
Объясняют чью-то судьбу.

Наваждение

Дыханье ночи тяжелой тенью,
Скользнув украдкой на паркет,
Укутает смертельной ленью
К виску прижатый пистолет.

Маститые и верные поэты,
Бессильные, томятся в стеллажах.
О чем безмолвствуют

с укором силуэты,
Запрытавшись на разных этажах?..

Сомнение Дон Кихота XX века

Таверна примет нас печально,
Мы колесили столько лет,
Ночлег не шли

искать специально,
Есть — хорошо, а нет — так нет.

Дубовый стол и две скамейки —
Теперь в музее наших бед,
Остатки жареной индейки
На запоздалый наш обед.

И двери скрип, и тень порога,
И хрип хозяина: «Ну, в путь...»,
И вкус обеденного грога,
И шарф, надетый как-нибудь.

Все это выцветет когда-то,
Как в церкви фреска на стене,
Исчезнет шлем, исчезнут латы,
И конь растает в табуне.

И пусть его былая резвость
Послужит ветру, а не мне.
И пусть моя былая трезвость
Ко мне вернется — грех в вине.

Но потечет вино на землю
И станет горестным вином,
И мир, какой ему не внемлет,
С ним опьянеет заодно!

* * *

Я смеюсь, я вдали от тебя,
Ты не знаешь мое вопрошанье
О любви, да и, в общем, меня
Ты не знаешь, уютно незнанье.

Я грущу, но как новый остряк
Пред тобой пустоту заполняю,

*Дмитрий Валентинович Пивненко (Токеа)
родился в 1947 г. в г. Харькове.
Окончил Харьковский политехнический институт. С 1978 года живет на Севере. Работает начальником электротехнической группы в тресте «Югорскремстройгаз».*

Печатался в журнале «Мир Севера». Автор книги «Новейший завет».

*Косы черные, расплетенные**

Повесть

* * *

Естественно, что друзьям было интересно обследовать окрестности поселка. Они так и делали. И вот, прогуливаясь по заснеженному лесу, они однажды вышли к отдаленному островку на реке, настолько заросшему деревьями, что он почти не отличался от окружающего реку леса — во всяком случае, зимой. Там они, к своему удивлению, наткнулись на следы жилья, заброшенного, по-видимому, очень и очень давно. Неподалеку на дереве висел полустлевший деревянный ящичек, отдаленно напоминающий большой скворечник. Чем-то загадочным и необычным веяло от места на стылой реке.

И при случае, когда и Аля, и Надя снова гостили в их комнате, Игорь спросил как бы невзначай:

— А что за поселение было у вас на одном островке — вверх по реке, километров за десять отсюда?

— Это Ялпынг-тупм — «святой остров» по-нашему, — ответила Аля.

— А почему «святой»? Там что, шаманы жили?

— Нет, — вмешалась Надя, — там наших девушек прятали!

— От кого? — удивился Толик. — Да и зачем их прятать?

— Как — от кого, как — зачем?! — Надя даже всплеснула руками. — Разве никто из вас не знает, что мансийские девушки всегда считались самыми красивыми на Севере? Это действительно так, ну а в нашем пауле — лучшие даже из манси! И раньше сюда за невестами ездили и ханты, и зыряне, и ненцы. Ездили отовсюду — и с Ямала, и с Таймыра, и из тунгусской тайги, и даже с Чукотки. И как только до нас доходил слух, что чужой салын-сун

к нам направляется, то самая старая и надежная шаманка уводила всех молодых девушек на этот остров, где они и прятались в землянках от незваных гостей. И только тогда она их оттуда отпускала, когда волшебное окно показывало, что чужаки пришли с добрыми намерениями, да и женихи среди них неплохие водились. Но не всякой шаманке можно было доверить это святое дело — невест беречь от злых людей; она ведь и сама должна быть святой женщиной. Отсюда и пошло: «святой остров».

Игорь и Анатолий в ответ только переглянулись. Ничего себе, а? Хороших же они себе подружек отхватили — из самых красивых здесь! Вот лишь неизвестно, правда ли все это? Ведь девичья фантазия вполне могла столь же вольно истолковать древние предания собственного народа, как и все остальные события. Тем более что из местных легенд ребятам было ведомо, что женщинам в здешних святых местах вообще бывать не полагалось...

* * *

Ну а если серьезно, то некоторая доля правды в Надиных речах все же была. Конечно же, далеко не всем туземным девушкам было необходимо прятаться от женихов на заброшенном острове — не на каждую эти самые женихи и польстились бы. Но ведь были и такие, которые заслуживали самого

пристального внимания — по крайней мере и Аля, и Надя выглядели очень даже ничего. За такими невестами можно было не полениться и сгонять за тысячу-другую километров по любому морозу.

Что и говорить, Игорю было приятно даже просто идти рядом с Алей. Конечно, к этому примешивался и определенный эгоизм: лестно ощущать себя рыцарем дамы, на которую с завистью глядят другие. Но ведь и любил он ее, откровенно говоря, все же по-настоящему. А кроме того, возникало некое чувство покровительства — возле такой малютки он как бы становился выше, сильнее и невольно чувствовал себя почти богатырем. И он шагал с юной мансийкой, удивляясь про себя: почему там, где его журавлиные ноги делают шаг, а ей нужно делать два, часто, тем не менее, ему приходится догонять Алю, а не наоборот? Несть числа загадкам в нашей жизни.

Но иногда Игорь все же понимал, что они с Алей каждый в отдельности смотрятся куда лучше, чем вдвоем — слишком уж малосовместимой на вид парой были они. Ни единой общей черты отыскать в них было попросту невозможно — ни в росте, ни в облике, ни в «масти», если можно так выразиться. Однако, как ни странно, именно это обстоятельство зачастую оказывалось

наиболее прочной нитью, накрепко связывающей их друг с другом. Так, может, как раз именно этот фактор взаимного притяжения и именуется в диалектике тем самым мудреным выражением — «единство и борьба противоположностей»?

* * *

Еще Игоря поражала в Але какая-то утонченнейшая чувствительность ко всему художественному. В частности, к усложненным формам современной музыки, уже ставшей классикой.

Небольшой кассетный стереомагнитофон — абсолютно отечественный, но в общем неплохой — вмещал на своих коричневых лентах все лучшее, по мнению Игоря, что было в сегодняшней западной музыке. И казалось вполне естественным, что деревенским девчонкам, главной музыкальной вершиной для которых могла быть разве что Алла Пугачева, вряд ли смогли бы понравиться виртуозные, но сложные гитарные каденции Эрика Клэптона, Фрэнка Заппы или Джимми Пейджа. Однако врожденное стремление к красоте — своеобразная первобытная эстетичность, а также чувствительнейший к оттенкам слух и тут вывели себя. Аля оказалась отменной слушательницей, хотя и понимающей музыку несколько своеобразно.

Слушая, например, известно-го клавишника Кейта Эмерсо-

на, Аля как-то необычно замилала, будто красивый зверек, чутко внимающий всем звукам дикого леса. И выдала однажды такое, что надолго запомнилось Игорю:

— Я даже и не представляла себе раньше, что так могут играть обычные люди — такие, как мы с тобой. А может, они все же не такие, может, у них не две руки, а несколько?..

— Рук-то у них всего две, но все равно люди они необычные. По крайней мере, не такие, как я. Их, похоже, сам Бог своей искрой отметил. И тебя, скорее всего, тоже слегка коснулся, вот только ты сама об этом не догадываешься...

* * *

Игоря немного рассмешило прозвище, данное его подружке кем-то из местных острословов: «Алька-убийца». Конечно же, ничего нелепей и придумать было нельзя — к этой разбойно звучащей кличке микроскопическая Алька подходила менее всех возможных кандидатур. Однако кличка эта существовала, какой бы странной она ни казалась. Очевидно, далеко не одному Игорю поведала Аля историю об утопленном ею в болоте «биче», надеясь, видимо, придать себе репутацию грозной женщины, не дающей спуску никому. Но, надо признать, добилась тем Алька совершенно противоположного результата. Испугать ей так никого и не удалось.

* * *

Прекрасной морозной и безветренной ночью Игорь снова шел с Алькой по дороге, разделяющей трассовый поселок и мансийский паул. Он вел ее домой, так как ей сегодня пришлось задержаться на работе — по зимнику прибыли командированные водители, которых необходимо было срочно расселить.

Снова сияли яркие и близкие звезды, светила полная луна, ослепительно белый снег искрился и переливался голубыми и лиловыми сполохами, и, несмотря на темную северную ночь, вокруг было видно почти все — но не так, как днем, а как-то призрачно, нереально, сказочно. Даже какой-нибудь пенек, вместе со своей бездонно-черной тенью, чудился неким злобным фантастическим вурдалаком. Или еще чем-то маловероятным. Глядя на него, Игорь то ли в шутку, то ли всерьез сказал Альке:

— Посмотри: ведь правда на медведя похоже! А может, это и есть медведь? На зиму спать не лег, проголодался, вот и притаился. Чтобы нас дождаться, а затем поужинать...

Даже в призрачном полумраке Игорь увидел, как резко и болезненно изменилось Алькино лицо. Одновременно и страх, и злость, и крайняя степень упадка воли отразились на нем.

— Не ворожи, дурак, — даже не произнесла, а как-то прошипела она.

Игорь не понял, что же так потрясло и напугало ее. Сказанное воспринималось им не более чем досужая болтовня во время прогулки. И он попытался спасти положение, переходя на откровенно насмешливый тон:

— Да ты-то чего так волнуешься? На тебя он и нападать не станет, нужна ты ему сильно... Сколько ему там с тебя поживы? Да и на меня он не бросится — не захочет об мои кости зубы ломать. Так что не бойся — ничего нам с тобой не грозит.

Но до самой Алиной избенки его подруга не могла окончательно прийти в себя. Да и там долго еще дулась на Игоря, будто он совершил какой грех.

И лишь потом Игорь узнал, что у многих жителей полных стран медведь считается чем-то вроде брата по крови, с которым у людей просто разошлись пути. Но чтобы люди не забывали о своем родстве, медведь иногда напоминает о себе самым чувствительным образом — то задерет корову или домашнего оленя, то мигилу разроет, а то и живого человека «приласкает» до смерти — что, может быть, даже лучше, чем остаться на всю оставшуюся жизнь искалеченным. Поэтому ни в коем случае нельзя всуе вспоминать его имя. Даже у местной молодежи, внешне не верящей ни во что, до нынешнего времени силен этот страх перед дальним «родственником».

* * *

С Алиной семьей у Игоря тоже сложились не очень понятные отношения. Вышедшая, наконец, из больницы мать на него глядела, как на пустое место, и в основном молчала при нем. И лишь однажды, непонятно с чего разговорившись, она обратилась к нему и произнесла со своим невероятным акцентом, превращающим ее слова в малопонятную мешанину звуков:

— Раньше у нас русских боялись, в лес от них уходили. А сейчас наши нетне-агит сами за ними гоняются, детей от них нагуливают и матерям своим в поле приносят.

Но в целом она относилась к Игорю хоть и без особой приязни, но и без открытой враждебности. Скорее, просто равнодушно. Мол, не ты у моей дочки первый, не тебе и последним быть.

Брат Алин был намного общительнее и зачастую попросту надоедал Игорю. Но был он притом совершенно безобиден. И лишь однажды он чуть было не довел Игоря до рукоприкладства. А случилось это так.

В тот вечер Ваську одолел приступ национальной болезни, и он приполз домой пьяным вдрызг, что, впрочем, случилось с ним нередко, несмотря на царящий в поселке «сухой закон». Однако недаром говорят, что свинья грязь найдет: для очень того желающих в ход

шли одеколон, денатурат, водночая бражка и прочая пакость, которую, на брезгливый взгляд Игоря, пить было просто невозможно. Но все это пили многие, и пили не без удовольствия.

Так вот, пьяный Васька ввалился в дверь и ни с того ни с сего принялся требовать у Игоря, чтобы тот принес ему из общаги флакон одеколona — «фунфырь» на здешнем сленге. Игорь сначала не обратил внимания на этот пьяный бред. И лишь когда Васька стал орать ему чуть ли не в самое ухо, он спросил одуревшего братца:

— А зачем тебе одеколон? Неужели пить будешь?

— Буду! — с хмельной решимостью ответил Васька. — Только зверь не пьет водки, а человек пить должен!

— Так была бы то водка, а то одеколон... Тьфу, гадость, и как его только пить можно?!

— А он даже лучше, чем водка — крепче и пахнет вкусно. Так что, несешь или нет?

— Сейчас все брошу и побегу тебе фунфыри искать! Делать мне больше нечего. Отстань!

— Тогда убирайся вон из моего дома! — раскричался Васька. — Не зять ты мне больше! Да и вообще не человек, а зверь, только прикидываешься человеком! Где мое ружье, где мой топор?!

— А ну пошли, — встал выведенный из терпения Игорь и взял

разбушевавшегося братца за плечо. — Давай во двор выйдем.

Тот разом присмирел и покорно вышел вслед за Игорем за порог.

— Ты меня убивать ведешь, да? — жалобным голосом спросил он. И у Игоря мгновенно пропала вся злость на него — такого малорослого, тщедушного, жалкого...

— Да нет, живи еще... Пока... Но не забывай мою доброту!

И Игорь вновь вошел в дом. Вслед за ним вперся и Васька, будучи несказанно рад тому, что избежал мордобития. Кое-как доштался он до своей кровати, завалился на нее, в чем стоял, и тут же уснул сном праведника.

* * *

Какие чудесные голоса у девушек-северянок — волшебные, загадочные, будто звуки дикой природы. И похожи они чем-то на голоса диковинных птиц. Кому-то это может показаться странным, но при всей своей резкости, звучности, не то чтобы громкости, но какой-то «слышности», что ли, голоса эти очень приятно слушать, внимать им. Чем-то они похожи на вокал известных венгерских рок-певиц — таких, как Жужа Конц, Кати Ковач, Шаролта Залатнай и подобных. А ведь венгры, если верить истории, тоже пришли на равнины Дуная с Приполярного Урала, то есть имели хоть и отдален-

ных, но общих предков с уграми Северного Приобья, или «югрой» по-старинному. Конечно же, нынешние мадьяры сильно отличаются и внешне, и культурой от манси и ханты — своих приполярных родственников по языку и происхождению, но не надо забывать, что за много веков они ассимилировали в себе столько германцев, славян, римлян и прочих соседей, что по крови давно уже стали практически чистыми европейцами. И лишь голоса у некоторых венгерских женщин остались такими же, как у их прапрапрабабок — голоса, которыми можно свободно перекликаться в бескрайней снежной пустыне. Это могут быть голоса «двойные», будто слова произносятся дуэтом, или даже «тройные» — с какими-то неслыханными раскатами и подголосками.

Вот и голоса большинства мансийских девушек звучали так, словно в них пряталось эхо. И смех их, возникающий мгновенно, будто из ничего, казался столь же своеобразным. А их речь, когда они забывают о том, что им надо «играть роль», представляется чем-то более значительным, чем суждено им быть на самом деле, — просто завораживает... Это нужно только слушать — с их интонацией, их произношением, звучанием их голоса, что не передашь на бумаге привычными для нас способами. Разве что китайскими иероглифами,

которые, как известно, передают не побуквенный состав слова, а его глубинный смысл, его истинное значение, интонацию и само настроение, с которыми оно должно быть произнесено.

То, как говорят по-русски молодые северяне, нельзя, пожалуй, даже назвать акцентом. Северным языкам вообще свойственна резкость, вызванная жизненной необходимостью быть услышанным здесь. Дикция у них достаточно правильная, разве что они несколько четче выговаривают все буквы, то есть произносят слова практически так же, как они и пишутся. И в этом нет ничего удивительного. Ведь все они с раннего детства, а точнее — с шестилетнего возраста попадают в подготовительные группы школ-интернатов, где их вначале обучают русскому языку, а уж затем на этом языке преподают им все школьные предметы. И так до самого окончания для кого восьмилетки, а для кого и средней школы. Поэтому местная молодежь владеет русским языком, в общем-то, не хуже, чем родным.

Интернаты... Трудно однозначно ответить, чего больше — добра или зла — принесли они таежным и тундровым обитателям. Раньше из поколения в поколение, от отца к сыну, от бабушки к внучке передавался пусть и первобытный, но необходимый опыт предков, без которого было немислимо вы-

жить в этих суровых краях — это ведь вам не высшая математика! А сейчас, в период «всеобщего образования», добились в основном того, что местные юноши и девушки, получая суррогат образования (а чего еще можно ожидать при почти полном отсутствии квалифицированных учителей?!), не умели, в основной массе, делать и того, что умели их родители и деды. Из-за разрыва с семьями они растеряли характерные только для этих народностей уникальнейшие способности, а вот готовых продолжать обучение вплоть до вуза было среди них немного. Трудно сейчас найти среди молодых северянок ту, что смогла бы оленьими жилами сшить из оленьих же шкур сахи, мольшянг или вайыт. Все они теперь носят покупную одежду и обувь, притом некоторые стараются не отстать от моды центральных областей, а ведь стиль одежды здесь, на Севере, вырабатывался веками. И расплатой за пренебрежение к традиционной одежде были тяжелые болезни и даже гибель.

Таким же образом местной молодежи отбрасывались местные традиционные виды деятельности. Никто не хотел жить в чуме, пасти оленей, таскать из-под льда тяжелые сети с рыбой; даже на вольную и прибыльную жизнь охотника-промысловика мало находилось желающих. Сейчас, в связи с освоением газо- и нефте-

носных районов Крайнего Севера, многие из аборигенов пытались найти себя на стройках, ГКС, буровых площадках, электростанциях. Однако, поскольку среди них явно недостаточно было нужных специалистов, работали они, как правило, сторожами, уборщицами, дворниками, подсобными рабочими; в лучшем случае, если позволяло здоровье — грузчиками или сантехниками. А часто не работали нигде, будучи изгнанными даже со столь непрестижных должностей за свою привязанность к вольнице. И лишь некоторые из ребят, отслуживших в армии и приобретших там какую-либо полезную профессию, например, водителя, могли рассчитывать на более-менее приличную работу и, соответственно, зарплату. Потому-то многие здешние молодые ребята с удовольствием (в отличие от ребят из более культурных местностей) идут в армию, большей частью — в стройбаты или во внутренние войска. Но из-за довольно распространенных в этих краях детских болезней, вызванных особо тяжелыми условиями жизни, как то: ревматизм, туберкулез и им подобные недуги, многим не суждено испытать даже такого сомнительного удовольствия, как солдатская служба.

Девушки в большинстве своем проходили через профтехучилища в Тюмени, иногда в Свердловске, а иногда и еще дальше — там, куда забрасы-

вала их кочевая натура. Но брали их в основном на те специальности, где постоянно ощущалась нехватка учащихся — в группы строителей, монтажников, сварщиков, на прочие тяжелые и грязные рабочие профессии. И вовсе не учитывались их неординарные врожденные качества, свойственные почти исключительно представителям только этих национальностей. Отличные, ни с чем не сравнимые зрение и слух, подвижность, необычайно высокая точность в движениях, великолепная позиционная память, обостренная способность как к интуитивным, так и к осозанным действиям. Видимо, пэтэушное руководство мало волновало, что будет с этими девочками после окончания училища; оно, скорее всего, заботилось лишь о плане набора. Иначе оно бы задумалось: сможет ли такая северная Дюймовочка таскать по этажам ведра с краской или раствором весом чуть ли не с ее собственный. И не лучше ли подготовить из нее, к примеру, первоклассную сборщицу радиоаппаратуры, где всецело использовались бы вышеназванные качества и вовсе не обязательными были ни глубокие теоретические познания в радиотехнике, ни грубая физическая сила. Вот и получалось, что мало кто из местных девушек работал по профессии, даже если эта профессия и была.

Ну а если уж быть откровенным до конца, то, говоря об Але Вынгелевой, нужно заметить, что и эта ее нынешняя работа была, мягко выражаясь, не совсем для нее подходящей. Ведь вахтерша столь «богатырского» облика и такой шальной отваги мало что смогла бы сделать в случае возникновения кризисной ситуации — например, драки, которая была очень даже возможна, учитывая населяющий общежитие контингент. И уж тем более не сумела бы она в этом случае навести здесь порядок, а ведь именно так она должна была поступать согласно своей должностной инструкции.

* * *

Надо отметить, что Аля ко всему оказалась еще и отчаянной трусихой.

Как-то в воскресенье во время своего дежурства она заглянула в комнату к нашим ребятам. Там царил ужасный беспорядок — небрунный стол, мусор на полу, пыль и даже окурки на подоконнике.

— Ну что вы за мужики?! — возмущенно высказалась Аля. — Разве вам самим не противно в этом бардаке сидеть? Видно, пока вам не уберут, вы так в грязи с головой и утонете. Придется мне за вас поработать! Ладно, не благодарите, потом расплатитесь...

И она с решительным видом взялась за веник и тряпку. Игорь хотел встать с кресла и помочь ей, но Анатолий незамет-

ным жестом осадил его. Мол, нечего нам нотации читать, как хотим, так и живем, а если тебе не нравится, то и убирай сама. И Игорь остался на прежнем месте.

Аля вытерла подоконник и стол, смела с пола обрывки бумаги, каких-то ниток, окурки и прочую дрянь, ссыпала все это в наполовину заполненное мусорное ведро и потащила его во двор — туда, где стоял огромный железный ящик, предназначенный специально для этого.

Не прошло и десяти секунд, как раздался Алин визг, от которого чуть не заложило уши, какой-то грохот и сразу вслед за ним — громкое топанье по деревянной лестнице.

Игорь мгновенно вскочил с кресла, и в голове его заплясали мысли о том, что бедную Альку обижает какой-нибудь пьяный нахал. Или даже кое-что похуже того. Он вылетел на лестничную клетку — благо вход на нее открывался прямо напротив отворенной двери их комнаты, — готовый растерзать обидчика и свернуть тому шею.

Все это произошло настолько быстро, что вся картина предстала перед ним в своем почти первоначальном виде: на площадке между двумя лестничными пролетами перекачывалось брошенное Алькой впопыхах ведро. Сама Аля с искаженным от ужаса лицом прыгала вверх по лестни-

це через три ступени сразу, что казалось просто невозможным при длине ее ног. А узковатые прежде глазки сейчас были распахнуты настолько широко, что в это даже поверить было трудно. На площадке же — между среди рассыпанного мусора и пустых консервных банок — бегали две серенькие мышки, перепуганные, очевидно, не меньше самой Альки. Видимо, они забрели в ведро, привлеченные вкусным для них запахом разных объедков, и затаились там, а когда Алька стала выносить мусор, они попытались выпрыгнуть из ведра, чем настращали «храбрую и грозную женщину-убийцу» едва ли не до смерти.

Так что Игорю в тот раз пришлось самому собирать мусор и выносить ведро.

* * *

И готовила Аля крайне невкусно. Собственно говоря, винить ее за то было нельзя, ибо ей просто не у кого было учиться этому искусству. Мать ее, как, впрочем, и подавляющее большинство женщин автохтонной национальности, готовила точно так же — лишь бы с голоду не умереть. Надо полагать, это было связано с тем, что они с детства привыкали кое-как перехватить на бегу, нечто состряпать в полупоходных условиях неустроенного бытия и вообще — питаться чем-то сухеным, вяленым и засоленным.

Не было у них никогда ни чревоугодничества, ни священнодействия за плитой или за столом. И поэтому есть ихстряпню человеку непривычному можно было только из уважения к ним самим, в крайнем случае — с чрезмерной голодухи. Пословица: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок», была придумана явно не в этой стороне света.

Игорю однажды довелось отведать суп из убитого Васькой глухаря, сваренный нынешней «тещей». Было похоже, что и сам глухарь, и сопровождающие его макароны и картошка были положены в воду одновременно. И, соответственно, равные отрезки времени прокипели там. Поэтому блюдо это можно было смело называть «глухарь в клейстере». И уж если пожилая, пережившая мужа и двоих умерших в малолетстве детей женщина готовила такие супчики, что можно было сказать о ее юной дочери? Да, если бы Игорь оказался гурманом, то решиться на разрыв с Алей ему было бы несравненно проще...

* * *

Однако было в Але нечто такое, что сделало бы ее лучшей из жен, возможных в этом далеко не совершенном мире. А именно: способность мгновенно снимать у любимого человека и усталость, и раздражительность, и мрачное настроение, и даже такое состояние,

когда весь свет не мил. Необычайная женственность и первобытная ласка, не замутненная никакими рациональными условиями, интуитивное отношение к мужчине как к защитнику и добытчику делали ее буквально незаменимой женщиной — несмотря на всю неровность ее поведения.

Был аварийный день. Будто черти свой праздник справляли — все не ладилось в цехе у Игоря, хоть ты тресни. Крик и беготня, остановы и запуски вымотали Игоря буквально до дна. И, ко всем радостям этого дня, он еще четыре часа провел на работе сверх положенного времени, так как на подобных предприятиях инженер — все равно что командный состав на море, которому надлежит покидать тонущий корабль последним. И ничего с этим не поделаешь — всяческие аварии и прочие несуразности очень даже возможны здесь и бывают намного чаще, чем того хотелось бы. Игорь даже немного похудел и осунулся за этот проклятый день.

Когда же он вечером пришел к Але, она шестым чувством — дикарской интуицией — почувствовала, что Игорю пришлось нынче тяжело. Ласковой кошечкой она подкралась к нему, погладила своей смуглой ручкой и промолвила так, как могла промолвить лишь она одна на целом свете:

— Устал, маленький мой... — Она глядела на него снизу вверх,

будто он сидел на дереве — настолько Игорь был выше ее. Но слово «маленький» произнесла таким тоном, что Игорю и впрямь почудилось: с ним, маленьким и беспомощным, разговаривает заботливая старшая сестра. Он сел прямо на пол, протянул к Але руки и изрек первые пришедшие ему на ум строки:

Любите усталых мужчин,
Вернувшихся к вам.

Любите!

На плечи усталые их
Нежные руки кладите.

Он и сам не знал, придумал ли он это четверостишие тут же, вычитал ли где-то или просто услышал некогда краем уха, да и переврал сейчас, но оказалось оно здесь очень кстати. И словно не к девице весьма свободных нравов пришел он в убогий туземный олын-кол, а к себе домой, в счастливый семейный уют, к любящей и горячо любимой женушке. И он нежно гладил Алины косы, расплетал их, наматывал на пальцы ее черные прекрасные волосы, любовался ими...

* * *

В цехе, где работал Игорь, да и, пожалуй, на всей компрессорной станции знали о их романе. Что не мудрено — в таком маленьком посёлочке все знают друг о друге всё. Одним словом, скрыть здесь ничего нельзя — все на виду и все в курсе всяческих событий и сплетен.

Один из цеховых слесарей, прославившийся неумеренным

пристрастием к выпивке всего, что горит и льется, и высохший от этого словно тощий мансийский ёхыл, оказался, к тому же, и большим любителем пошлых острот и сальных шуточек. Он не мог удержаться от того, чтобы не зацепить кого-нибудь своей насмешкой, хоть сам был очень далек от совершенства. Невзирая на свое мусульманское происхождение, он частенько напивался до свинского состояния. Не служило уроком для него и то, что за свое паянничанье бывал он неоднократно бит. Как-то раз он спросил у Игоря, нарочито гнусавя, дабы сойти за «блатного»:

— И как только у тебя с тобой шмокодявкой все эти дела получаются? Ну, вот эти — самые главные?.. Ведь она тебе как раз по самый пуп!

«Блатной» тон делал его речь еще более омерзительной. Ну а он, между тем, продолжал:

— Ты хоть на ней от жалости не плачешь? А то она такая мелкота!..

Игорь повернулся в его сторону:

— Я же тебя не спрашиваю, как ты со своей женой справляешься, — ответил он голосом, не обещавшим ничего хорошего для вопрошавшего. — А у нее ведь каждая ляжка больше тебя самого весит. Поэтому пусть каждый останется при своих проблемах, да и тебе от этого только лучше будет. Не так больно! А то смотри, как бы тебе

плакать не пришлось. От жалости. Только к самому себе.

* * *

Иногда Игорь вспоминал о своей законной супруге, о сыне, живших так далеко — и не только в расстоянии, но и в сознании — будто находились они на какой-то другой планете, куда и свет доходит с опозданием. И тогда им овладевало чувство некоторого раскаяния — ведь получалось, что он обманывает обеих женщин: он не мог представить себе окончательного разрыва с женой, но и Алю бросить тоже был не в силах. Однако нельзя безнаказанно сидеть сразу на двух стульях... Он писал письма домой, но жена что-то, видимо, чувствовала своей женской интуицией и в ответных посланиях прозрачно намекала ему, чтобы он одумался, иначе вполне может потерять навсегда и ее, и маленького сына и взамен не приобрести ничего. Не было у него стопроцентной уверенности в привязанности Алевтинки к нему. Словом, он рисковал остаться один.

А ведь прежде Игорь так любил свою жену, что ему казалось: сильнее и любить-то невозможно. Даже изменял он ей порой только ради того, как ни парадоксально это звучит, чтобы хоть как-то притупить остроту этой любви, хотя бы на считанные минуты избавиться от постоянного влечения к ней, от какой-то особой нежности,

непреодолимой тревоги за нее, сосущей мозг хуже примитивной ревности.

Большинству окружающих новое увлечение Игоря могло показаться просто блажь, хотя бы потому, что жену Игоря многие посчитали бы намного красивее Али по всем статьям. Эта сугубо городская и современная молодая женщина, прекрасно и со вкусом одевающаяся, имеющая массу поклонников, вполне смогла бы любому из них серьезно вскружить голову. Уж они-то, увидав Игоря рядом с Алей, сочли бы его попросту ненормальным. Но при всей ее яркости, Игореву жену свободно можно было бы отнести к одному из стандартных женских типов. Мы часто замечаем у некоторых впервые увиденных нами женщин знакомые черты известных киноактрис, журнальных фотомоделей, манекенщиц, а также своих бывших подруг. Не то чтобы все на одно лицо, но все же... И внезапно в глаза нам ударяет нечто необычное — не потому ли некоторых из нас притягивают женщины экзотичные, не похожие на привычные для нас лики и образы: негритянки, филиппинки, полинезийки, индианки... Ну а то, что в своих племенах они тоже могут оказаться достаточно типичными, нас тревожит мало, все равно их внешность — загадка для нас. Вот тут-то и подстерегает неожиданная Любовь — словно ненасытный хищник из засады.

Но увлечение экзотикой не проходит безнаказанно. Твоя жена — красавица, умница, образованна не хуже тебя самого, да и, наконец, она же мать твоего ребенка! А ты недолимо влюбляешься в плутикарку, которую вряд ли восприняли бы как равную в том обществе, что привычно для тебя. Похоже, что провидение наказывает тебя именно таким способом — наиболее болезненным для чувствительных, как ты, натур: любовью к той, без которой тебе не жить, но с которой не жить тем более. И даже придуманным тобою же ранее методом не притупить тебе этой любви — что возможно с одной, то положительно недопустимо с другой. Да еще с такой, что при ней на других женщин и смотреть-то опасно, а не то что приближаться к ним. Да и, признаваясь честно, не хочется этого делать — не тот это вариант. И не такая это женщина, чтобы безропотно принять подобное.

Все, сказанное выше, в полной мере подходило к нашей героине — Алевтине Вынгелевой. Тем более что ревнива Аля была просто до неприличия. Казалось бы, слова «ревность» и «верность» очень созвучны: всего две буквы следует переставить местами. А вот милая Аля, при всей своей необузданной ревности, о которой еще будет упомянуто, особой верностью Игорю, похоже, не отли-

чалась. Даже его присутствие не мешало ей строить глазки другим приезжим поклонникам, а уж в отсутствие Игоря — и принимать знаки их внимания, если не хуже. Но, может быть, таким провинциальным способом она хотела еще больше разжечь Игоря, лишней раз взбудоражить его чувства? Ведь что-то же держало ее возле него, не давало окончательно бросить Игоря. А может, девушки этой породы и не умеют ощущать любовь так, как ощущаем ее мы, может, у них чувство это проявляется как-нибудь иначе? Не будем говорить «по-дикарски», но все же иначе. Не так возвышенно, что ли. Может быть...

* * *

А Игорь и сам не мог отнестись к Але так же, как к прежним своим подружкам, которых, надо снова признаться, во времена оны было-таки немало. Что-то мешало ему поступать так с Алей, словно она оказалась не настоящей женщиной из плоти и крови, а неким любовным символом, олицетворением страсти... или чем-то напоминающим все это, но все же иным. Кроме того, Игорь чувствовал, что обидеть или обмануть ее — большой грех, будто обманул ты и обидел несмышленного младенца. И потому он был добр с нею и терпим, как ни с кем и никогда не бывал, невзирая ни на какие капризы или причуды ее.

А вдруг и правда это не любовь, а просто жалость к ней — такой маленькой и беспомощной? Но если бы дело обстояло именно так, то этим можно было бы объяснить страх за нее, переживания, заботу о ней, даже нежное к ней отношение, но никак не постоянную тягу к ней, словно она и впрямь обладала могучим любовным магнитом. Магнитом совершенно противоположной полярности, что и обусловило силу и направление этой тяги. Нет, это была любовь настоящая: Любовь с большой буквы — сильная и высокая, хоть и абсолютно безнадежная, то есть любовь без будущего. Но об этом сейчас не хотелось думать. И, наверное, только такой и может быть любовь с первого взгляда — иной ей не бывать!

* * *

Алина подруга Надя получила, наконец, долгожданную комнату в голубом ВЖК, или БАМовских вагончиках, как их здесь называли. Конечно же, они все вчетвером отпраздновали это новоселье, как смогли — даже слегка «спрыснули» его. Толик подарил Наде собственноручно нарисованный на ватмане ее портрет, исполненный весьма неплохо. А под портретом красовалась угловатая готическая фрактюра «SPERANTA», что и означало «Надежда» — Толик даже здесь решил блеснуть интеллектом. И портрет этот был водружен на самом видном месте — рядом с

зеркалом. Видимо, для того, чтобы Надя могла смотреть на себя одновременно и глазами любимого, и своими собственными.

После этого Толик пропал на целую неделю. Его не было видно нигде, кроме работы. Однако после работы он исчезал с непостижимой быстротой и прятался во вновь полученной «квартире», где им с Надеей уже некому было мешать.

Через неделю он вернулся в общагу — похудевший, с запавшими и потемневшими щеками.

— Ну что за бабы нынче пошли? — опустошенным голосом сказал он Игорю и упал на свою почти забытую кровать. — Помню, как у меня все только начиналось с Надюшкой — уж такая она была застенчивая девочка, такая паинька. Прошло всего каких-то несколько дней, и что же? Так отвязалась, что только держись! Прямо совсем бесстыжая стала. А сейчас, когда ей нечего бояться, что вопреки одна из сестричек или кто-нибудь из родителей, она вовсе в вампира превратилась. Чуть ли не под запором меня держала, чтобы я от нее никуда не сбежал. Такие вот дела!

— А ты, конечно, упирался, рвался выскочить, кричал, что тебе в нашу бичарню пора? Так, что ли?

— Ну, не совсем, но все же... Хоть какие-то приличия ведь надо ей соблюдать. А то прямо как где-нибудь на Гавайских островах!..

— Не осуждай никого, и сам не судим будешь. Да и нельзя их осуждать за это, и распущенными назвать тоже нельзя. Это их жизнь: первобытная, простодушная, бестолковая, но все равно — только их и ничья больше. И обвинять их в этом только лицемер может — кто из нас безгрешен? А они девочки славные, хоть у нас таких бы давно потаскухами прозвали. Но на такое только дураки откровенные способны — за такие слова я бы и морду набил.

— Да, я знаю, что ты во всем этих лопарок защищаешь. Но это потому, что ты и сам такой же лопарь, да еще и влюбленный вдобавок. Ты думаешь, меня одна Валентина спрашивала, что ты нашел в своей Алке? Вовсе не одна она, многие другие женщины, да и мужики тоже. А я им говорю, что об этом у тебя спросить надо. Но ты все равно не ответишь, потому что и сам этого не знаешь!

— Она очень хорошая и добрая. И вообще, она лучше всех...

— Нет, я вижу, что ты и в самом деле не на шутку вляпался! Ну что же, тогда разведись с Еленой и женись на Алевтине. Представляешь, сколько у тебя сразу родственников появится! От радости, что ты все-таки взял их замарашку, они тебя с ног до головы соболями и песцами обвешают — только держись крепче и не падай.

— Все-то ты насмехаешься, потому, наверное, что с Надей у тебя все очень легко и гладко проскочило и нигде ничего тебя не ошпарило? А вот мне совсем не до смеха. Не знаю, как мне развязаться со всем этим, просто не знаю. Но бросить ее, не мудрствуя лукаво — нет, это невозможно! И это при всем том, что я не хуже других вижу все ее недостатки: она и обидчива прямо-таки до вздорности, и глупья почти патологическая, и жестока бывает со мной не по-женски, и выпить не дура, и гульнуть где угодно и с кем угодно, и семь пятниц у нее на неделе, причем все почему-то на понедельник приходится — а вот я все-то этому ищущу и нахожущу оправдание. И ты знаешь, в чем оно? В том, что она — при всей своей простоте — очень неглупа и от этого многое понимает, но не всегда правильно воспринимает это и считает себя чуть ли не ущербной, неполноценной — особенно в сравнении с чужаками. И мы для них, по сути, чужаки; хоть и близкие, доброжелательные, старающиеся не обидеть, но — чужие. Уже хотя бы тем, что знаем больше. А Аля видит это, но смирится не может и желает хоть в чем-то оказаться выше нас, пусть даже придумывая бог знает что или унижая других... Ну а если даже и не оказаться, то хоть показаться — на минутку или на часок.

— А мне иногда кажется, что с нее просто надо снять штаны, но не для того, для чего ты это делаешь, а для того, чтобы ремнем да по филейным местам! Правда, там и промахнуться не мудрено... Ты ей слишком многое позволяешь по доброте душевной, вот она и не боится тебя — села прямо на шею и погоняет своим хореем, как собственного оленя. Ведь ты ее прямо идеализируешь, а точнее говоря — ты просто повелся на ней! «Очень неглупа...». А вот я лично никакого особого ума в ее рассуждениях не замечаю.

— Это потому, что ты ее еще очень плохо знаешь. С такими напористыми чужаками, как ты, она очень скованна, хоть и пытается выглядеть наглой. И, конечно же, кроме банальностей, ты от нее ничего не услышишь. Но поверь мне на слово, когда ее разговоришь, она «включается», и вот тогда ее послушать стоит. Тогда-то и видно, что на деле она очень душевная, добросердечная и мыслит весьма образно и интересно. И то, что она знает, знает уж точно и твердо. Мне даже иногда представляется, что из нее вполне могла бы получиться совсем неплохая поэтесса, например. Или сказочница, или фантазерка профессиональная. Не хуже многих признанных, по крайней мере.

— Ага, а получилась вахтерша в общаге — какой неужи-

данный пассаж судьбы! Да, тебе и действительно трудно будет от нее избавиться. Но если не избавишься, то пропадешь вместе с ней. Не приведи, как говорят, господь, но грозит тебе паршивая участь: или сопнешься с ней, или даже руки на себя наложишь. И вспомнишь ты мои слова тогда, Игорек, да поздно будет. Так-то! Не жить быку с кобылой, извини за грубость.

— Если уж покончу с собой, то и вспоминать некому будет...

— Ладно, не лови меня на слове, ты-то прекрасно понимаешь, что я сказать хотел. Подумай об этом.

* * *

А в один из вечеров Аля заявила Игорю, что хочет перекраситься в белый цвет. Игорь опешил до того, что буквально не мог произнести ни звука. Да и было отчего — мало того, что уродовать краской такой великолепный вороново-черный цвет было почти преступлением, нужно было еще и представить себе воочию круглое и скуластое Алино лицо с медно-смуглой кожей, но в обрамлении белых волос. Это было просто черт знает что!

— Ты что, с ума взаправду спятила или притворяешься?! — не выдержал Игорь — крайне редко, несмотря ни на что, говорил он с Алевтиной таким резким тоном. — Сама подумай, на кого ты похожа будешь?

— Ах, значит, я уже ни на что и не похожа? А может, тебе кажется, что я — вылитая мартышка?! — закричала снизу вверх Алька. — Конечно, для тебя теперь только Валька Эрлихша красавица! Точно ведь красавица, да?!

— При чем здесь она? — пожал плечами Игорь. — Опомнись, что ты городишь? Да я с ней только «здрасьте» да «пока», а ты мне уже неизвестно что приписываешь.

— Это я тебе приписываю?! Да она сама мне сказала, что отобьет тебя, потому что такая обезьяна, как я, мол, тебе совсем не пара! А ты уже и рад, бабник поганый!

— Но при чем здесь я? — удивилась чисто женской Алкиной логике сбитый с толку Игорь. — Может, она и вправду что-то такое тебе говорила, но я-то ей для этого никаких поводов не давал. Да ты ведь и сама должна видеть, что я все время с тобой, как пес на привязи. Когда же мне другим головы крутить?

— Врешь ты все! С чего бы она так — ни с того ни с сего — сказала мне это? Конечно, я же деревенщина черномазая, а она городская маркиза. Но я ей, жирафе немецкой, руки ноги укорочу — будет знать, как своей тощей задницей перед чужими мужиками вертеть! Ну а ты убирайся к ней, если хочешь, и чтобы я тебя больше не видела!

— Слушай, да ты меня уже делить с кем-то собралась, что ли?

— Делить?! Хрен тебе! И ей хрен, и еще кое-что! Да я тебя скорее пристрелю, чем отдам кому-нибудь! Понял?! Я белке в глаз попадаю, а уж в твой — так запросто!

— Ишь ты, — не удержался от известной доли ехидства Игорь. — А ведь сама недавно говорила, что замуж за меня не собираешься. И что скоро бросать будешь. И вот вдруг: «Никому не отдам! Застрелю!». А вдруг посадят за меня, как за человека? А вообще-то, чего тебе бояться, ты ведь многих уже настреляла — на кладбище не помещаются. Что и говорить, атаманша...

Тут уж Аля по-настоящему дала волю словам. Куда-то испарился весь океан женственности, и она покрыла бедного Игоря десятиэтажным матом с многочисленными балюстрадами, мезонинами, над- и пристройками. Было просто неопостижимо, как в столь миниатюрной и хрупкой девушке смогла разместиться такая сложная и тяжеловесная конструкция из самых нецензурных слов. Затем она, подпрыгнув распрямившейся коброй, вцепилась Игорю чувствительную пощечину, развернулась на каблучках и быстрыми злыми шажками удалилась прочь разъяренная, как маленькая субарктическая фурия.

Очень похоже, что почти все здешние женщины именно такие: себе могут позволить многое и вовсе не считают это чем-то предосудительным. Но чужую нравственность блюдут строго — даже намеки, нечаянно брошенный взгляд могут вызвать либо долгие пересуды с перемыванием всех косточек, либо, как в этом эпизоде, совершенно непредсказуемую, неадекватную и несоответствующую фактам реакцию.

* * *

Излишне и говорить, что Игорь, в который раз уже простив нелепую Алину несдержанность, назавтра снова был у нее дома. Она в таких случаях не подавала и виду, что еще недавно произошла ссора, а может, и не придавала этому значения, считая так: милые бранятся — только тешатся. Хоть была она чрезвычайно обидчивой, злопамятной она не бывала никогда. И, похоже, она уже раздумала расстреливать Игоря из отцовского ружья, а Игорь не напоминал ей об этом лишний раз. В сотый раз коря себя в душе за мягкотелость, он все равно возвращался к ней. Видимо, та веревочка, которой их связала злая судьба, оказалась необычайно прочной и держала их вместе, невзирая на любые размолвки, как говорится, намертво.

Игорь даже грешным делом предположил было, что его попросту околдовали, применив

какое-то неизвестное науке приворотное средство или магическое заклятье, доньше бытующее у народностей, живущих в гармонии с природой. А поскольку был он довольно впечатлителен, то вполне мог представить себе такую вот картину: таинственная темная пещера. Зловещие блики огня от костра в каменном кольце, пляшущие на закопченных стенах пещеры и на медных лицах собравшихся тут узкоглазых колдунов в звериных шкурах. И верховная шаманка Алевтина, расплетающая над костром свои прекрасные косы.

Распущенные волосы вздымаются, будто черное пламя. Алевтина бьет в грохочущий бубен высушенной лапой гагары и танцует некий чародейский танец, а остальные повторяют ее движения в каком-то трансе. Затем шаманка поднимает крышку с котла, наделенного языческим именем Ялпынг-Пут, а там клокочет зловеще-таинственное адское варево. И тогда она, произнеся громким голосом волшебное заклинание, бросает в котел клочок Игоревых волос, похищенный у него в одну из ночей, когда он крепко спал заговоренным сном. Вспышка озаряет пещеру, раздаются треск, гром и протяжный низкий свист, а лучики из сверкающих глаз Алевтины скачут в пространстве, словно темные молнии. Камлание завершается, и отныне Игорь на-

веки привязан к юной шаманке; даже не привязан, а прикопан цепью — толстой и тяжелой, будто ее косы.

Наваждение оказалось столь колоритным и образным, что Игорь даже испугался. Он решил, что сходит с ума. Да и сама любовь его к Але являлась чем-то сродни безумию. Образованный молодой человек, разумом он понимал, что все это не более чем сон, навеянный вылезающими из мрака подсознания суевериями, кошмар, бред, чужь... Но в его мозгу прочно застрял этот пугающий образ колдовского приворота.

* * *

Как бы между прочим Игорь поведал о своих фантазиях Анатолию. Однако тот, вопреки обыкновению, принял это вполне серьезно, воздержавшись на сей раз от своих постоянных колкостей и острот.

— Бог их знает, этих эскимосов, — задумчиво произнес он. — Может, и правда что-то у них есть, нам неизвестное и необъяснимое. Я ведь и сам чувствую, что привязался к своей обезьянке чуть ли не наповал. Но ты же помнишь, как я смеялся над тобой, когда видел, что ты смурнеешь до посинения от Алиных заморочек. И вот сам я влез по уши — даже и не знаю, что мне дальше делать... Хотя думаю, что колдовство здесь ни при чем, — словно спохватившись, перешел он на свой обычный беззаботный

тон. — Скорее всего, она просто в плане чистого секса тебя устраивает, как ни одна до нее. Они ведь почти дикарки необузданные, никаких сдерживающих мотивов у них нет, благородное ханжество их не коснулось, их боги не запрещают им в постели любой стыд терять — вот они и вытворяют такое, что все остальные кажутся после них пресными и постными. Да и фактор местности надо учесть: здесь и твоя, и моя — красавицы сказочные, а в нашем городе с ними, возможно, нам и по улице пройти совестно было бы. Тебя там, во всяком случае, за твою фею карманную точно бы арестовали: приписали бы возвращение малолеток. Пока разобрались бы, что к чему...

— Циник ты, Анатоль. Нет для тебя ничего святого. И не будет.

— Так жить легче. Хотя, честно говоря, повторяю: не знаю, как мне выкрутиться. И что с Надькой дальше делать, тоже не знаю. Уверен лишь в одном: тяжело мне со своей женой будет после всего этого — заново привыкать придется.

— А я уже, стыдно признаться, о своей Ленке почти никогда и не вспоминаю. А если и вспомню, то мороз по коже пробегает. Она ведь ждет, когда я ей вызов пришлю, а везти ее сюда, сам понимаешь, мне уже просто невозможно. Хоть сбегай отсюда. Так это все равно что

от себя убежать. Да и нравится мне здесь — природа, тишина, ну и работа нормальная. Ты, скорее всего, был прав, когда говорил, что мне только в глуши жить. Я и был, вероятно, таким по проекту задуман, да волею случая в городе родился.

— Не усложняй! И жен своих мы сюда перевезем — куда мы денемся, и наши мраморетки переживут это — им тоже некуда деваться. И жены наши будут жить здесь, как миленькие, разве что поревнуют немного да поплачут, а там и сами, быть может, кому-нибудь глазки строить начнут. Кстати, о верности — ты уверен, что наши вогулки только о нас думают? А вот я не уверен. Ну да Бог им судья — на нас надежды мало, так хоть запасные варианты появятся. А насчет того, что тебе здесь все очень по душе пришлось — верю! Только мне кажется, что тебе это нравится не само по себе, а потому, в основном, что оно твою снежную принцессу окружает, как рама картину. Вот и все объяснение.

— Везет тебе, Анатоль, на все у тебя ответ есть. И не просто ответ, а даже такой, что и правильным показаться может.

* * *

Как-то раз после очередного разлада, когда Аля, нахулиганив снова, убежала домой, в тридцать первую комнату вошла Толина подруга Надя — простая, казалось бы, словно гре-

бень для волос, но в то же время и загадочная, как сам Север. Надя, Надюшка, Надежда, Сперанта... Когда же мы с вами будем говорить на одном языке? Не язык слов имеется в виду, ни даже язык взаимной дружбы и любви, но язык взаимопонимания. Понимания во всем, а не только в примитивных определениях, таких, как прием пищи или тяга к противоположному полу...

Тут нужно отметить, что при всех их общих чертах, главными из которых были расовая принадлежность и непреодолимая любовь к сплетням, Надю очень многое отличало от Али. Прежде всего то, что Надя была заметно сильнее Али. И не только физически, но и тверже характером. Кроме этого, она несколько лучше одевалась, что, впрочем, было вызвано лишь двумя причинами. Во-первых, она работала в местной ремонтно-строительной организации маляром-штукатуром и, следовательно, получала намного больше своей подруги-вахтерши. А во-вторых, в семье у нее не было ни единого брата — одни сестры, ну а они, естественно, пили намного меньше и уж никогда не пропивались до последней копейки, как это бывало в Алиной семье. Так что различия во вкусах или внутренней культуре оказались тут ни при чем — просто у Нади было больше возможностей чуть более броско выглядеть, хотя

чувство красоты, пожалуй, более развито было у Али.

Так вот, в комнату № 31 заглянула та самая Надя. Игорь в спортивном костюме лежал на кровати и читал книгу, Анатолия в комнате не было.

— А где Толик? — спросила Надя.

— Вышел ненадолго, сейчас будет.

— Только что я к Альке заходила, — начала Надя, поудобнее усаживаясь в старом кресле, — а она в истерике, плачет в три ручья. Я ее спрашиваю: «Кто тебя обидел?», а она мне: «Игорь». А потом помолчала, подумала и сказала: «Нет, это я его обидела, а не он меня. Теперь он меня обязательно бросит!». Тут я ей и говорю: «А он тебя и так бросит. Ты думаешь, он женится на тебе? Да никогда в жизни, так же, как и Толя на мне!». Тут она еще сильнее реветь стала. А зачем из-за мужика переживать? Вон их сколько вокруг бегают.

И Надя улыбнулась улыбкой женщины, приученной ловить в этой жизни момент удовольствия, жить лишь ценностями сегодняшнего дня.

Игорь же мрачно вздохнул. Он представил Алины глаза, залитые слезами, и ему стало не по себе. Щемящая жалость к бестолковой Альке одолевала его, буквально жгла изнутри.

— Если Анатолий на тебе не женится, — ответил он Наде

тусклым голосом, — то поступит он так совершенно зря. Вас друг для друга прямо-таки Бог подбирал, такая пара, как вы, только пригреться может — точно замок и ключ под него. Все у вас так просто, на жизнь вы легко смотрите, и я вам иногда даже завидую. А вот у меня так не получается. И не получится никогда, потому что я дурак. И Аля тоже дура, только не такая, как я, но все равно дура. Оба мы дурные, как пробки, потому-то у нас все подурачки и получается. Так что передавай ей привет и скажи, что я давно уже бросил бы ее, если бы мог. Эх, и наградил же меня ею господь, да силы не дал, чтобы все разом решить.

* * *

А между тем прошло уже три месяца. Наступила дивная северная весна. Собственно, от зимы она отличалась пока только тем, что морозы не давили так трескуче да ночи ближе к рассвету приобретали чудесный синий цвет — жителю южных железобетонных городов такой и не снится. Поэтому им не с чем сравнить этот цвет — их фантазии хватает лишь на ультрамариновую синьку, густо разболтанную с водой.

Однажды Аля внезапно спросила у Игоря, когда они прогуливались неподалеку от телевизионной ретрансляционной вышки:

— Если я с этой вышки вниз брошусь, то смогу разбиться?

— А к чему ты это спрашиваешь?

— Да так просто. Ну так что, разобьюсь или нет?

— Насмерть — нет. Ты очень легкая и будешь лететь, как пушинка — на волосах своих и на одежде — даже разогнаться, как следует, не успеешь. Но покалечишься обязательно — все себе отобьешь и переломаешь. И придется тебе тогда всю жизнь на медицину работать и ходить перекосочившись. Да и вообще, что за глупости ты говоришь, даже и не думай об этом!

Говоря откровенно, Игоря очень встревожил этот вопрос. Зная о том, какая Алька сумасбродка, он вполне мог предположить, что его «дама сердца» способна на любую, самый отчаянный шаг, несмотря на всю ее трусость. Поэтому постарался отвлечь ее от мыслей об этом, отвечая таким нарочито несерьезным и даже шутливым тоном. Однако в глубине души Игорь со страхом осознал: если бы с Алькой случилось что-то непоправимое, он и сам вряд ли надолго бы пережил ее.

Воистину, то, что их связывало, смело можно было бы назвать жестокой любовью, если бы слова эти не отдавали духом затасканного романса из прошлого столетия со всеми его банальностями.

* * *

Однажды Игорю довелось съездить в командировку в областной центр для получения

техдокументации на новое оборудование. Он отчасти рад был развеяться от непривычной ему жизни в глуши, но сама мысль о том, что ему целую неделю не придется видеть свою возлюбленную, приводила его в смятение. Ему казалось, что он попросту не выдержит столько времени без любимого образа. И действительно: едва он терял ее из виду, как от него уходил и ее облик — нарисовать в памяти ее лицо ему никак не удавалось. Из его сознания постоянно ускользало ее изображение — смазывалось, тускнело, растворялось. И ему было просто необходимо видеть ее постоянно наяву, чтобы красота ее согревала душу. Смешно сказать, но он успевал по ней соскучиться даже за то время, что занимал его обычный рабочий день.

Да, ему нужно было видеть ее всегда, чтобы чувствовать себя более или менее нормально. Фотокарточки же Алиной у него до сих пор не было — мало того, что созерцание застывшего черно-белого или даже цветного лика создает лишь видимость общения, он даже не решался попросить фото у Али. Он знал, что деревенские девочки придадут весьма большое значение приметам; в частности, той, которая утверждала, что подарить свою фотографию — к разлуке. Тут надо отдать должное их проницательности — часто примета эта не обманывала их, и девичий фотопор-

tret занимал очередное место в коллекции лукавого сердцееда, уже переметнувшегося к другой глупышке. А Игорь не желал давать Але еще один повод для подозрительности.

Но, как ни тяжело было ему расставаться с Алей даже ненадолго, ехать пришлось. Аля провожала его до самой вертолетки, а затем стояла с ним, пока он не вошел в брюхо себристи-голубой стрекозы.

Она снова поразила Игоря своими удивительно острыми слухом и зрением. Когда они еще ожидали борт, стоя на скупом весеннем солнышке, Аля внезапно произнесла:

— А вот он и летит уже. Как раз с северной стороны — то, что тебе и нужно.

— Где летит? — удивился Игорь. — Откуда ты взяла?

— Как откуда? Неужели ты не слышишь, как он гудит? Да вот он и сам показался — видишь, точечка маленькая вдалеке!

Игорь ничего не видел. И ничего постороннего не слышал. Только через минуту он на фоне гула компрессорной станции услышал слабый трескучий звук рассекающего воздух пропеллера, а еще через полминуты увидел ту самую «точку», которую Алька предсказала намного раньше и которая оказалась долгожданным вертолетом. ...Поднимаясь ввысь, Игорь еще долго смотрел из иллюминатора на крошечную фигурку в оседающей снежной пыли.

* * *

А в Тюмени было уже зелено и пахло настоящей весной. Игорь успевал заниматься не только казенными обязанностями, но и посмотреть город, тянувшийся в основном вдоль главной улицы, а также пошатаваться по магазинам. Правда, в магазинах этих было мало чего интересного, но после двух трассовых торговых точек — ОРСовской лавки и деревенской коопторговской избушки — вид нормального торгового зала со стеклянными полками, с примерочными кабинками, продавщицами в чистых халатах уже просто радовал глаз.

Да и зарплата, которую получал он теперь, была существенно выше всего того, что он видывал ранее. И даже после того, как он высылал жене и сыну большую часть заработанного, оставшегося вполне хватало, чтобы у него появился небольшой капитал. Так что здесь, в областном центре, ему приятно было войти в магазин с осознанием того, что он может теперь не только рассматривать товары, как экспонаты в музее, но и покупать их.

Зайдя в универмаг «Детский мир», Игорь внезапно заметил на витрине очень красивые импортные курточки. Их, вероятно, выбросили в продажу совсем недавно, и очередь, обычная в подобных случаях, толком не успела еще образоваться.

Игорь протиснулся сквозь негустую еще толпу к прилавку и повнимательнее рассмотрел эту вещь. Ярко-желтая, на блестящих никелированных молниях-зипах, с аккуратным капюшоном, опущенным снежно-белым искусственным мехом, на меховой же подкладке, с плетеными шнурами на капюшоне и карманами с кнопками даже на рукавах, а также с красиво отстроченным пояском, украшенным пружкой игривого вида — курточка эта выглядела просто чудом, особенно на фоне унылого местного ширпотреба.

Игорь мысленно прикинул, как бы смотрелся на Але этот «анорак для девочек» — именно так значилось на красочном лейбле, отпечатанном хоть и по-русски, но с непростительными для русского языка ошибками.

И правда — своей красочностью этот наряд больше подходил для девчонок среднего школьного возраста. Но ведь и Аля выглядела еще так по-девчичьи. Тем более что по-настоящему нарядных одежд у нее было мало. И Игорь, выбрав нужный размер, отбил чек и купил эту курточку. А то, что цена этого приобретения оказалась достаточно высокой — особенно для предмета детского ассортимента — Игоря не смутило нисколько. Он заплатил бы и больше, лишь бы его подарок пришелся по вкусу его любимой, для которой, как известно, не жалко ничего.

* * *

Назад он добирался, что называется, «на перекладных». Сначала самолетом до небольшого базового городка, а уж затем «бортом» на свою ГКС. И из весны он вновь вернулся в снежную зиму.

В общежитии его встретила белокурая Валентина. На его вежливое: «Добрый день», она ответила довольно злорадной усмешкой и преувеличенно бодрым: «Привет! И добрее бывает!». Но Игорь не обратил никакого внимания на эту наигранность поведения Алиной напарницы. Он был рад, что наконец вернулся домой и что скоро сможет увидеть ту, о которой вдали не забывал ни на минуту. И еще, если честно, ему очень хотелось порадовать свою Алечку красивой обновкой.

В комнате уже находился Анатолий. После кратких мужских приветствий и остального ритуала, Анатоль с помрачневшим лицом сообщил Игорю:

— Это, вообще говоря, не мое дело, и я ни за какие коврижки не вмешивался бы ни во что, если бы ты не был моим другом. Поэтому я считаю своим долгом предупредить тебя кое о чем, чтобы никто другой тебе не преподнес парочку неприятных сюрпризов. Только ты постарайся понять меня правильно и не становись на дыбы — я ведь тебе только добра желаю. Так что слушай внимательно.

Пока ты по тюменям разъезжал, твоя Алька тут чуть ли не со всей шоферней — из тех, что зимник закрывают — перетаскаться успела. А чтобы ты не подумал, что я деревенские сплетни разношу, скажу лишь то, что видел собственными глазами. Так вот, ходили мы недавно с Надюхой в «Октябрь» на танцы, или на то, что у них танцами называется. Так твоя принцесса тоже туда приволоклась — пьяная в дым, еле на ногах держалась. Ее и подобрали двое, да и увели с собой, а она даже и не упиралась. Мне потом Валя сказала, что видела, как она из шоферской комнаты только следующим утром выбралась. И тут я Валентине верю, потому что тоже Альку в то утро в общаге видел — была она как-то помятая, обсмоктанная, с размазанными глазами... Еще раз повторяю, что это не мое дело, но лично я от своей Надежды такого бы не потерпел.

Игорь сел на кровать и обхватил голову руками. Собственно, именно этого и следовало ожидать — кем ему приходилась Алька? Да никем! Тем более, она постоянно предупреждала его, что бросит сразу, как только он начнет ей приедаться. Ну что же, значит, просто наступило то самое время. И винить за это Альку все равно, что винить Солнце за то, что оно заходит. Или лист — за то, что он желтеет и опадает осенью. Так распорядилась непо-

стижимая природа, а Алька не из тех, кто противится ее зову.

Но все же он решил зайти к ней. Только раз. Хотя бы для того, чтобы отдать приобретенную специально для нее вещь. Да взглянуть напоследок на все еще милое и дорогое личико.

Без стука зашел он в избу. Алька сидела за столом и, высунав кончик языка от напряжения, пыталась без ошибок написать кому-то письмо, что, надо признаться, всегда давалось ей с немалым трудом.

Обернувшись на звук шагов, она увидела вошедшего Игоря, тут же соскочила со стула и бросилась ему навстречу:

— Игоречек, дорогой мой, наконец-то ты вернулся! — и она подхватила, обхватила шею Игоря своими всегда горячими руками, прижалась к нему и нежно-пренежно поцеловала.

Игорь был вынужден подставить ладони, чтобы она не соскользнула вниз, и поневоле он подхватил Алю так, что она удобно устроилась у него на руках. Со стороны они представляли собою сейчас прямо классическую влюбленную пару, будто созданную для идиллий. Не хватало только художника с холстом, кистью и красками, чтобы запечатлеть это.

Через минуту Игорь, слегка отстранившись, пристально посмотрел на Алю. Чудесное свежее девичье личико сияло неподдельной радостью... И Игорь так же нежно поцеловал

Алю, забыв обо всем, что хотел высказать ей. Да и что можно сказать такой ласковой кисоньке, кроме слов: «Обожаю тебя, прелесть ты моя...».

Наконец Игорь бережно опустил Алю на пол и произнес:

— А я тебе кое-что из Тюмени привез.

— Что же? — лицо Али озагорилось детским любопытством.

— Да вот это, — Игорь развернул отложенный было пакет и достал курточку. — Примерь, пожалуйста.

Аля тут же надела обновку, и та пришлась ей в самый раз, будто шилась специально для нее. Импортные вещи, между прочим, обладают именно таким свойством. Алька вертелась возле старого зеркала, словно и впрямь была веселой и жизнерадостной обезьянкой — красивой настолько, что слепило взор.

— Ой, у меня такого никогда еще не было! Спасибо тебе, любимый мой, хороший мой Игорек! — и она снова чмокнула Игоря в щечку.

Такие, как она, принимают любые подарки, не ломаясь и без притворных отказов, зато с искренней благодарностью. И простота эта нравилась Игорю не меньше, чем сама Алька — смуглая и черноволосая, в ярко-желтой куртке с откинутым капюшоном, отороченным белым мехом. Игорь любовался ею, как ни одной женщиной до нее. И, вероятно, как ни одной, что будут после.

— Слушай, Игорек, — защебетала Аля, вдоволь наглядевшись на себя в зеркало, — тут на меня такое наговаривают, что просто жуть берет. И лучше я тебе сама об этом расскажу, а то кто другой начнет, так и переверт все, а ты только расстраиваться будешь, славенький мой Игорешечка.

Меня тут недавно на дне рождения у одной девочки тоже расстроили: сказали, что ты насовсем уехал, а вовсе не в командировку, и не вернешься сюда уже никогда. Я их, конечно, послала на три буквы, но тут и самой страшно стало: вдруг ты и в самом деле бросишь меня вот так — ни слова не скажешь и уедешь неведомо куда. Ну я и выпила немножко с горя, это правда, но мы там только сухое вино пили, честное слово. А потом мы все на танцы пошли. Меня там все приглашали, прямо отбою не было, а затем двое парней и провозжать напросились. Я им разрешила — что же тут такого, правда ведь, ничего страшного? Нет, если ты захочешь, то я никогда так делать не буду, но ничего плохого ведь и не было... А Валька-немчура принялась звонить всем, что я у мужиков каких-то ночевала и пила с ними, и даже спала с кем-то из них. Будто она меня за ноги держала! Да еще и всякой дряни на меня целый воз наворотила — за год в бане не отмыться.

Просто ее зависть берет, что у меня есть ты, а у нее — никого, только появляются разные и исчезают тут же, как следы на снегу. Мужа себе денежного, видите ли, сюда искать приехала, а одних хахалей долбанутых находит. А кому она нужна, оглобля долговязая, коза белобрыйная? Да и вообще она противная, у нее и язык длинный, как она сама, а ума нет ни на копейку — когда сюда прибыла, то думала, наверное, что здесь одни дикари какие-то живут. Меня все спрашивала: правда ли, что у нас сырое мясо едят и жен своих гостям на ночь отдают? Дура набитая! Может, она ждет, что, когда сама в гости к кому-нибудь придет, с ней хозяйка мужем поделится? А может, она хочет, чтобы я тебя ей на ночь подарила? Ага — черта пернатого она получит и пусть хоть замуж за него выходит. Мне не жалко! Пусть у нее и дети в перьях роятся. Вот ты бы меня кому-нибудь подарил?

— Ни за что в жизни, — искренне ответил Игорь. Ему так хотелось верить Але, так хотелось, чтобы все ее оправдания правдой же и оказались, что он решил закрыть глаза на все, что может дойти до его ушей от посторонних. Лучше безоглядно верить любимой и не ведавать никаких подробностей о ее жизни. Он даже не спросил, кому предназначалось письмо. Легче всего пребывать в уверен-

ности, что оно либо брату в Надым, либо сестре в Березово.

* * *

Прошел еще месяц. За это время весна неуклонно набирала силу. Прежде всего удивляло солнце — необычно яркое для устоявшихся представлений о Севере, оно с каждым днем поднималось все выше и выше над горизонтом и в полдень уже ощутимо грело. Ночью еще случались морозы, и на ветвях деревьев от изморози нарастали крупные прозрачные кристаллы инея, которые солнечным утром блестели и сверкали, будто деревья были украшены ограненными алмазами. И эти лучи, и бескрайние девственно-белые снега заставляли щурить глаза, что они становились такими же узкими, как и у местных жителей. Но так продолжалось недолго — вскорости все это сверкающее великолепие поблекло и растаяло, а наружу вылезли островки мусора, за зиму укрытые снегом.

* * *

И в эту прекраснейшую пору года открылась еще одна малоприятная истина. Собственно, этого следовало ожидать, ведь именно так обычно и кончаются подобные рискованные игры...

Вначале Игорь обратил внимание на увеличившуюся Алину грудь, но не придавал этому значения. Это даже поначалу украсило стройную миниатюрную фигурку. Но когда на смуглых

Алиных щечках появились коричневые пятна, Игорь со всей отчетливостью осознал: произошло то, что и должно было произойти — Аля забеременела. Она оказалась явно не той терракотовой куколкой, какой поначалу представлялась Игорю, но с которой подобных проблем не возникло бы никогда.

К тому же Аля стала ужасно раздражительной и совсем уж несносной. Но, несмотря ни на что, Игорь все же собрался очень серьезно поговорить с ней, обсудить, что делать дальше. В глубине души он даже решил на разрыв с семьей ради Али и ее будущего ребенка, хотя и не мыслил себе, как все это будет осуществлено на деле. Да и то, как жить ему в дальнейшем с новой женой, он тоже не представлял до конца. Стопроцентной уверенности в том, что ребенок от него, у Игоря не было...

Но случилось то, чего уж вовсе нельзя было ожидать. После первых же слов Игоря Аля попросту прогнала его и сказала, чтобы он никогда больше не появлялся пред ее глазами.

И тогда он обиделся по-настоящему. Ему казалось, что Аля должна была все же по достоинству оценить его самопожертвование ради нее, а она, грязно, по-извозчичьи ругаясь, даже не дала ему толком высказаться. И, плюнув на все, Игорь зарекся даже подходить к ней — пусть выпутывается,

как знает, раз она такая горячая и самостоятельная!

* * *

Продержался он ровно неделю, на исходе которой заметил, наконец, что Али не видно ни на работе, ни в поселке. Что с ней — может, она заболела? И Игорь решительно направился к ее дому, невзирая на риск снова оказаться обруганным и изгнанным.

Но дома Али не оказалось. А мать ее, глядя на него, как смотрят на столб или яму с водой, поначалу даже не захотела с ним разговаривать. И только после его настойчивых расспросов, когда даже ей стало понятно, что Игорь не отступит, она, коверкая русские слова так, что с непривычки ее вообще невозможно было понять, бесстрастно пояснила, что дочь уехала из деревни — а куда, она и сама не догадывается. Но, скорее всего, очень далеко.

— Что вы за мать! — только и смог сказать Игорь.

Но пожилая мансийка равнодушно закрыла перед ним дверь. Было похоже, что с таким же каменно-невозмутимым видом она бы выслушала и весть о смерти своей дочери. Да и чему тут удивляться? Издавна женщины здесь рожали помногу детей, немало и хоронили. И привыкли к этому, принимая как неизбежное, что не всем их чадам суждено встретить солнце весной. «Нуми-Торум подарил, он же

и забрал...». И нечего понапрасну убиваться о мертвых — о живых заботиться надо! Да и просто ушедшие далеко от родителей, как правило, никогда к ним больше не возвращаются, так что, по сути, являются для них почти что умершими.

Игорь побежал к Надежде, которая для него действительно оставалась последней надеждой. Но и она ничего не знала, а может, просто ничего не хотела говорить Игорю. И никто ничего не знал об Але — она пропала, и не осталось даже следов ее, будто их замело безжалостной пургой.

* * *

С тех пор прошло двенадцать лет. За это время успело произойти множество событий. И, в частности, в жизни нашего Игоря, а также его близких и знакомых.

Прежде всего отметим, что вскоре после вышеописанных событий к Игорю приехала якобы погостить, а на деле — нагрянула с неожиданной проверкой Елена, его законная супруга. Похоже, ее острая женская интуиция помогла ей прочесть между суховатых строк казенно-приветливых писем то, что в ее понимании было самым страшным — замужней женщине часто бывает легче примириться с мыслью о гибели мужа, чем с известием о том, что он завел любовницу на стороне. Короче, семью, как она считала, необхо-

димо было срочно спасать, пока положение не стало непоправимым. И, ни о чем не предупреждая Игоря, Лена прибыла сюда сразу же после прихода лета и устойчивого тепла.

Естественно, тут же нашлись доброхоты, которые рассказали ей все — и о чем знали достоверно, и что могли домыслить сами. Последовало тяжелое объяснение. К тому же Игорю пришлось ловить на себе не один косой взгляд: ему чуть ли не в глаза говорили, что он — круглый идиот, коль едва не променял такую красивую и эффектно выглядевшую жену на деревенскую недомерочку. А однажды он, прогуливаясь по поселку с Еленой, встретил Алину мать, но та по-прежнему смотрела на него, а точнее, сквозь него, как на пустое место, ровным счетом ничего не сказав и даже не подав виду, что узнала его.

Конечно же, продолжать работать здесь, где он снискал себе такую сомнительную славу, да еще и перевезти сюда семью было бы возможно лишь в том случае, если бы у Игоря окончательно отмерзла совесть. Но, к счастью или к несчастью, этого пока не произошло. Тем более что оставаться там, где все напоминало ему об Але, видеть «дом, где оставил он сердце свое», оказалось просто выше его сил. И он подал заявление о переводе на другую компрессорную станцию того

же объединения, и заявление это было удовлетворено.

В общей сложности прожил он на Севере шесть лет — два договорных срока. Вместе с ним неотлучно находилась жена его — прекрасная, многопонимающая и тактичная женщина, работавшая в местной школе преподавателем химии и биологии, а также их сын Валерка. И надо сказать, что рана на его сердце, нанесенная юной мансийкой, довольно быстро зарубцевалась, и Игорь снова относился к Лене с прежней нежностью. Единственной памятью об опалившей его душу вспышке внезапной любви осталась лишь маленькая Алькина фотография, почти тайно похищенная им в свое время из ее профбилета — весьма среднего качества. И если поначалу он с какой-то болью всматривался в обжигающе-знакомые черты, то в дальнейшем чувство это притуплялось, уходило в прошлое, он, похоже, окончательно переболел этой любовью.

* * *

Хотя иногда его что-то все же мучило — то ли воспоминания, то ли совесть. И ему становилось не по себе — он пытался оправдаться перед собой в том, что виноват не он, что он готов был принести себя в жертву этой любви, но ведь Аля сама отказалась принять эту жертву. Да и сделала она это в такой грубо-оскорбительной форме,

что и любой другой на его месте порвал бы с ней навсегда.

Иногда это оправдание помогало, но были случаи, когда из глубин души вылезало колючее осознание того, что он обшелся с девчонкой, вовсе не знающей жизни, просто по-скотски, а сейчас всего лишь ищет поводы для собственного успокоения.

* * *

Велик Север, но людей там даже сейчас все еще сравнительно немного. И время от времени от общих знакомых до Игоря доходили вести об Алевтине Вынгелевой. Так, через полтора года после перевода на другое место работы он узнал, что, когда она столь таинственно исчезла из поселка, появилась в базовом городке газиков, где в местной больнице пыталась выпросить именно то, чего домогаются от врачей молодые незамужние девчонки, оказавшиеся в подобном положении. Ей наотрез отказали. То ли потому, что уже прошли все допустимые сроки, то ли потому, что это была ее первая беременность, то ли потому, что людей этой национальности и без того очень мало: как будто один лишний человек — к тому же полукровка — сможет улучшить положение в их куцей демографии.

Ну а то, что она оставалась с ребенком на руках без мужа, никого, кроме нее, видимо, не волновало — не она первая и не она последняя. Особенно здесь, на Севере.

Затем, уже через несколько лет, так же случайно Игорь услышал, что Аля достаточно долго работала и жила в одном местном совхозе. Также узнал он, что пригласила ее туда одна близкая родственница, у которой Аля и жила, и вполне успешно растила дочку. Однако к тому времени, когда сведения эти дошли до Игоря, она уже уехала из совхоза и следы ее снова затерялись... Со временем слухи эти доносились все реже, да и Игоря интересовали все меньше.

* * *

И вот по истечении двенадцати с лишним лет после описанных выше событий Игорь шел по залу московского аэропорта Домодедово. Стояло лето, было жарко, а ему предстояла дальняя служебная командировка в Алма-Ату, где, по сведениям, было еще жарче. Но здесь, в здании аэровокзала, дышалось довольно легко, особенно под прохладными струями кондиционеров.

Игорь уже давно работал в своем родном городе, имел квартиру, интересную работу с приличными должностью и окладом, идеальные семейные отношения. Все, что было с ним когда-то, осталось в далеком безвозвратном прошлом, куда он вряд ли захотел бы возвратиться, даже если бы и представилась ему такая возможность.

До вылета оставалось чуть более двух часов. Игорь прошажи-

вался по залу, не обремененный багажом — в его руке был лишь черный атташе-кейс. И, надо сказать, выглядел он весьма представительно — в отлично сшитом стального цвета костюме, белоснежной сорочке с модным галстуком и в темных очках заграничного производства. Словом — типичный вполне еще молодой интеллигентный человек спортивного сложения. И несколько седых волос на висках лишь подчеркивали молодость его облика. «Красив, чертяка!» — как шутя сказала его собственная жена, но ведь в каждой такой шутке всегда заключена немалая доля истины.

Он внезапно обратил внимание на двух быстро идущих впереди него девочек — похоже, школьниц, которые оживленно беседовали между собой, весело уплетая мороженое. И непонятно отчего, но что-то внезапно заставило Игоря вздрогнуть, словно сердце его вначале опустилось, а затем подскочило к самому горлу. Еще не до конца доверяя своему предчувствию, он ускорил шаг и стал обходить девочек слева, внимательно глядя на них.

— Аля! — вдруг произвольно вырвалось у него. Да, это действительно была Аля, фигуркой все еще подобная старшекласснице, вполне осознающей свою привлекательность. Но на лице ее, увы, прошедшие годы свой след уже оставили, пусть и не очень заметный.

Она недовольно посмотрела на незнакомого мужчину, посмеявшегося приставать к ней на виду у всех. Но чем дольше глядела она, тем растерянее становились ее по-прежнему сияющие дивным блеском глаза. Она узнавала его!

— Игорь, ты? — негромко спросила она.

— Я, — так же негромко ответил Игорь. Он переводил взгляд с нее на девочку, стоявшую рядом и ростом уже догнавшую Алю. Девочка та была фантастически красивой и, в общем-то, мало походила на его былую прелестницу, но не было никакого сомнения в том, что это ее дочь. Но насколько же черты эти были изящнее и утонченнее. Маленький носик чистейшей линии, широко раскрытые и широко поставленные карие глаза, чудные ярко-красные губки, более продолговатое, чем у матери, личико, роскошные, слегка волнистые и причесанные по образу популярной еще недавно Мирей Матье рыжевато-черные волосы того каштанового отблеска, что не достичь никакой окраской, и бархатно-смуглая кожа, но без малейших намеков на медные оттенки. И при всем этом Игорь узнавал в облике девочки черты собственной матери, которые просто бросались в глаза, хотя та, если говорить откровенно, едва ли порадовалась бы тому, что у нее объявилась еще одна внучка.

Одним словом, это была девочка такой умопомрачительной наружности, что ее изображение смело можно было помещать в любую рекламную картинку. Такая красота встречается настолько же редко, насколько редко попадают на пути истинные гении, отмеченные божьей благодатью.

Есть расхожее мнение, что метисы всегда привлекательны. Однако это далеко не аксиома — красивые они лишь тогда, когда красивы их матери, да и отцы не из худших.

Аля по-прежнему была очень хороша собой, хотя выглядела непривычно. Ее прекрасные волосы были теперь заметно укорочены и облаком вздыблены над головой химической завивкой, великолепные косы исчезли бесследно. И это курчавое облако прически вкупе с южным загаром буквально до черноты, делали ее похожей чуть ли не на африканку, что, кстати, вовсе не портило ее.

Легкие вертикальные складочки у углов губ и малозаметная сеточка у глаз уже в какой-то мере выдавали ее возраст, хотя тридцати с хвостиком лет ей все еще нельзя было дать ни в коем случае. Тем более что незначительный и очень уместно наложенный грим скрадывал и эти несущественные дефекты.

Одета она была красиво и со вкусом — новенькие фирменные джинсики, удивительно

ладно облегающие ее, как и прежде, стройную фигурку, легкомысленно-игривая полупрозрачная блузочка и очаровательные босоножки на высоком каблукке.

Дочка тоже была принаряжена не без претензий — в красочной футболочке со стремительным мотогогонщиком на ней, в короткой клетчатой юбочке, из-под которой выглядывали стройные, загорелые и длинные ноги, обутые в многоцветные кроссовки.

— Эля, прогуляйся немного, а я тут со своим старым знакомым поболтаю, — шепнула ей Аля, и девочка без лишних слов отошла к газетному киоску — рассматривать журналы и картинки на календарях.

— Эльвирой назвала? — кивнул в сторону девочки Игорь.

— Элеонорой. Элеонорой Игоревной! — с материнской гордостью, но не без колкости в голосе ответила Аля. Игорь слегка потупился:

— А ты, как и раньше — хоть куда! Если бы все женщины на Севере были такими, то весь центр давно опустел бы — все мужчинки бы к вам на крыльях любви улетели, как лебеди осенью.

— По-прежнему ты меня комплиментами забрасываешь — ты же на них и раньше великим мастером был. Но мне ведь уже четвертый десяток пошел, а для нас это много. Ты сейчас, наверное, моложе меня

выглядишь, а ведь я-то знаю, что ты старше.

— Что ты, Алечка, не при- бедняйся! У тебя одна фигура всех кинозвезд стоит...

— Хм, стараюсь. Ты же сам должен понимать, что при моем росте полнеть — это конец все- му. Как колобок буду — хоть поставь, хоть положи...

— Все равно тебе равных мало. Но ты лучше расскажи, как жи- вешь, как в столице оказалась?

— С юга летим. Месяц на Черном море пробездельничали, загорели там, как цыгане, и теперь сами, словно то море, черными стали. А живу как? Нормально живу. Замужем, сыночек еще есть славенький — три года всего. Но мы его с собой не брали: мал еще слиш- ком, опасно так резко климат менять. Вот и гостит сейчас у родителей мужа в Ленинграде. Ну а вообще-то мы с семьей живем в Нижневартовске, ра- ботаем там. Туда вот и летим сегодня. Муж у чемоданов ос- тался, а мы с доченькой прогу- ляться решили. Да и тебя вдруг встретили. Ну а ты как?

— Я уже давно на Севере не работаю. Как-то вдруг сразу скучно там стало, плюнул я на все полярки и домой вернулся.

— А как поживает твой друг — Толик, кажется? Слыхала, что он большим начальником стал. Не иначе, потому, что с моей подругой Надькой вове- ря расстался да к семье своей возвратился.

— Да, теперь он в объедине- нии целым отделом командует. Он ведь всегда был толковым парнем, да и напора в нем по- больше, чем у меня, вот и вы- бился в люди. А Надя тут ни при чем — вряд ли она могла бы чем- то помешать ему... как и помочь, впрочем. Кстати, как она живет?

— Я и сама ее очень давно видела, знаю лишь, что она уже раза три замуж выходила после этого, да все неудачно. Но ты мне о себе лучше расскажи — чем занимаешься, как уст- роился?..

— Жаловаться пока грех — живу нормально, работаю в научно-исследовательском ин- ституте, не так давно кандидат- скую защитил, сейчас вот в командировку на свой объект направляюсь. Но даже и не предполагал, что в пути с то- бой и с нашей дочерью повстре- чаюсь.

— С моей дочерью, — попра- вила его Аля, улыбнувшись. — Ты-то здесь при чем?

— До сих пор на меня оби- жаешься... — погрустнел Игорь.

— А за что мне на тебя оби- жаться? Ведь это же я ушла тогда, как и предупреждала. Не ты ведь меня бросил...

— Так-то оно так, однако я все равно всегда чувствовал, что поступил тогда с тобою по-свин- ски. Прости меня, пожалуйста, Алечка — если и грешен перед тобой, то сам не ведал, что тво- рил. Еще раз прости.

— Да чего ты извиняешься, все ведь образовалось. Я тебе даже благодарна за многое. Если бы не ты, то я и дальше жила бы, как прежде. Кем я была до тебя — карманной потаскушкой, извини за откровенность, дурочкой всем на радость. А ты ко мне отнесся, как к человеку, как к себе равному, и я о многом с тех пор передумала и даже сама себя уважать стала, а не просто хвост задирать, как раньше. А бросила я тебя вовсе не потому, что разлюбила. Нет, любила тебя больше всего, что есть на свете, но боялась, что ты сам меня бросишь. Пусть не сразу, пусть даже от семьи своей ко мне уйдешь, но ведь не навсегда же — все равно потом бросишь. Может даже, еще и скажешь при этом, что меня с помойки подобрал в свое время, а значит — туда мне снова и дорога. Думала тогда: разве пара я тебе — чукча неумытая, маленькая да невзрачная. Дура была, что же тут поделаешь. Да и разве жила я тогда спокойно — все думала и ждала, когда же ты меня за прошлое упрекать начнешь, чтобы повод был поприличнее выкинуть меня, а самому чистеньким остаться.

Но я о тебе еще долго помнила. Хотела даже снова к тебе прибежать, прощения просить, да стыдно было. И страшно, что не простишь, прогонишь, словом злым обидишь... Потом узнала, что к тебе жена при-

ехала, что ты с ней в другой поселок перевелся. А я тебя долго забыть не могла, всех остальных мужиков врагами считала и не смотрела ни на кого. Дочка у меня родилась, а я все боялась ужасно, что какая-нибудь уродина на свет появится — чего я только не принимала сдуру поначалу, когда узнала, что у меня ребенок должен быть. Но ничего, слава Богу, вроде нормальная получилась.

— Еще какая! — не удержался от восхищения собственной дочерью Игорь. — Красавица, вся в маму!

— И умненькая, не иначе, в папу, — в тон ему продолжила Аля. — А если серьезно, то учится во всяком случае хорошо — не то что я в ее возрасте. Уже в шестой класс перешла — большая уже совсем, скоро выше мамы будет. Она-то меня, может быть, и удержала на плаву в свое время — только ею и жила, а так, наверное, и спиться, и истаскаться могла бы. Когда на нее смотрела, тебя вспоминала, и становилось противно в грязь окунаться. Старалась быть не хуже тебя, даже на старости лет за учебу решила взяться — в позапрошлом году техникум строительный заочно окончила. Теперь геодезисткой на Самотлоре работаю. Так что я сейчас тоже учена. И замуж вышла благополучно — муж хороший и меня очень любит.

— Я его вполне понимаю. А Элочка знает, чья она дочка?

— Когда я замуж выходила, Эля уже большая была, поэтому знает она точно лишь то, что Сергей — не ее родной отец. Но к ней он относится чудесно — никакой разницы не делает между Элей и Игорем.

— Кем?!

— Игорем. Это сын наш. Удивляешься?

— Н-не знаю, — растерянно пожал плечами Игорь.

— Так вот. Эля Сергея «папой» зовет — все, как и положено. И вообще, семья у нас порядочная, крепкая. Но, откровенно говоря, если бы не ты, то ничего этого у меня никогда бы и не было — разве что жила бы нерасписанной с каким-нибудь пьяницей... А так — и дети здоровые, и муж отличный. Чего же мне еще надо? Мой Серёженька даже на тебя чем-то похож, и роста такого же — ты ведь знаешь, что я всегда только высоких ребят любила. Зачем мне коротышки, когда я сама коротышка? Нет, высокие ребята лучше.

— А ты знаешь, Аля, ты на меня тоже сильное влияние оказала. И подействовала необратимо — будто я что-то такое увидел, чего раньше видеть просто не мог. Поверь мне, хоть и не знаю, стоит ли говорить об этом: я за все прошедшие годы ни разу своей жене больше не изменил — мне просто страшно было. Примерно так

же, как у упавшего со скалы, но выжившего — страх высоты у него ведь обязательно остается. И у нас с тех пор тоже все в порядке, жене обижаться не на что, сын почти взрослый... Хочешь, я тебе адрес свой оставлю, пусть Эля к нам в гости приезжает. Лена ее как родную примет, за это не волнуйся, пожалуйста, она многое понять способна...

— Спасибо, Игорьек, но не нужно, — улыбнулась Аля, отчего вертикальные складочки у губ стали еще заметнее. — Пусть ребенок растет спокойно, не разрывается пополам между двумя отцами. И еще. Не надо пытаться вернуть прошлое — оно не возвращается никогда.

— Да, пожалуй, ты права, — тихо ответил Игорьь. — Это наше прошлое осталось таким красивым лишь потому, что живет оно только в воспоминаниях. А попытайся возродить его наяву, и оно тут же окажется намного приземленнее и грубее. Сейчас мы с тобой расстанемся и, скорее всего, никогда больше не увидим друг друга. Но помнишь будем всегда, и всегда — только самое хорошее. Правда?

— Правда, — и Алино лицо внезапно осветилось тем же выражением, что бывало у нее в те давние времена, целых двенадцать лет назад. И тем же божественным блеском сверкнули ее неповторимые глаза.

— Начинается регистрация билетов на рейс Т-716, следующий до Нижневартовска! — гулко прогремело на весь зал из громкоговорителей. — Пассажиров с билетами на этот рейс просим подойти к стойке номер четыре!

— Ну, вот и все, — Аля искала глазами дочку и жестом сделала ей знак подойти. — Прощай, Игорек!

— Прощай, Алечка! И ты, Эля, — улыбнулся Игорь девочке.

— До свиданья, дяденька! — прозвенел голосок девчужки, не подозревавшей даже, что она прощается со своим родным отцом.

И зацокали по мраморному полу высокие Алины каблучки. А рядом с ней шагала длинноногая, загорелая девочка — красивая, как и ее мама. Откровенно любуясь ими обеими, Игорь, не отрываясь, глядел им вслед. Но вскоре объявили ре-

гистрацию и его рейса, причем у стойки в противоположном конце огромного зала. Не прекращавшийся здесь ни днем, ни ночью людской поток тут же скрыл от него две такие дорогие фигурки. Но какая-то непреходящая, мягкая и добрая грусть лежала на душе его.

* * *

Судьба сделала ему драгоценный подарок, за который он был бесконечно благодарен небу. Пусть на короткий срок, но судьба эта подарила ему такую любовь, которая бывает лишь раз в жизни, да и то, возможно, у одного из миллионов. Она преподнесла ему сейчас возможность на миг пережить эту любовь снова. Только на мгновение вспыхнуло в нем яркое ощущение того нелегкого, но прекрасного времени. Вспыхнуло и тут же погасло, перейдя в самое надежное хранилище — в память. Память долгую и благодарную.

1987 г.

Книжный проспект

Демин В.Н. Загадки Урала и Сибири: От библейских времен до Екатерины Великой. — М.: Вече, 2000. — 544 с.; **Зинченко Н.Н.** И возвестила земля Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2000. — 288 с.

Всякий раз, открывая новое издание, посвященное истории, культуре, археологии или этнографии нашего края, неизменно испытываешь смешанное чувство радости и ожидания новых больших и малых открытий. И неважно, в каком виде подаются эти материалы, будь то сборник научных статей, тезисов, докладов на конференциях и симпозиумах, монография и т.п. Но научно-популярная литература — жанр особый: будучи предназначенной для широких масс населения, она призвана излагать суть научных гипотез, теорий и открытий в доступной форме. Другими словами, авторы научно-популярныхopusов переводят научное знание с ученого «арго» на обычный язык и при этом, что чрезвычайно важно, должны не допустить каких-либо искажений, тем более фальсификаций.

В этом жанре работают как сами ученые, так и литераторы, но его специфичные задачи по-прежнему немногим из них. Не всякий представитель науки, знающий свой предмет досконально, может рассказать о нем на общедоступном языке и придать повествованию необходимую привлекательность. С другой стороны, взявшийся за популяризацию литератор заранее обречен на неудачу, если не сумел постичь суть научной основы избранной темы и соответствующей терминологии. Отсюда и неизбежные издержки в большинстве научно-популярных изданий: трудам ученых часто недостает раскованности и увлекательности, а литераторы, напротив, грешат чересчур вольными интерпретациями научных данных, закручивая лихие и захватывающие сюжеты.

Сказанное отнюдь не означает, что сибирским краеведам научно-популярный жанр не посилен. Удачных примеров можно привести немало. На этом поприще достаточно преуспели как ученые, так и писатели и журналисты. Только за последние годы вышел в свет целый ряд изданий такого рода,

в частности, книги екатеринбургских историков и этнографов («Древний город на Оби: история Сургута», «Нягань», «Очерки истории Коды» и др.), тюменских краеведов А. Омельчука и А. Захарова

В то же время, появляются и такие «шедевры», употребление которых в качестве духовной «пищи» чревато вполне предсказуемыми последствиями для недостаточно «закаленного» читателя. К таковым, на мой взгляд, следует отнести вышедшие в свет в 2000 году книги В.Н. Демина («Загадки Урала и Сибири». М.: «Вече») и Н.Н. Зинченко («И возвестила земля». Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во). Эти произведения заслуживают особого разговора, ибо, на мой взгляд, они отражают новую тенденцию в сибирском краеведении. Тенденцию весьма сомнительного свойства, способную завести и читателей и исследователей в такие глухие дебри Впрочем, обо всем по порядку.

Доктор философских наук В. Демин под «загадками» подразумевает не фольклорный жанр, а научные проблемы и феномены истории Урала и Сибири, которые, на его взгляд, до сих пор не получили должного толкования. К слову сказать, многие из тем, затронутых в книге, загадками и назвать-то нельзя, но они сами по себе интересны и к тому же необходимы автору для обоснования его концепции. Темы

выбраны снайперски безошибочно, что, казалось бы, автоматически гарантирует хотя бы половину успеха книги: этническая идентификация древних народов, обитавших за легендарными Рипейскими горами, и происхождение названия «Сибирь», зарождение человечества и происхождение разума, первопрородцы и выдающиеся сибиряки, древнейшие цивилизации и шаманизм, пресловутая Золотая баба и фольклорный образ зубастых женских гениталий Широка географии событий, глубина хронологии, величие и разнообразие персонажей, «орнаментированные» авторскими «размышлизмами» и головокругительными пассажами, придают повествованию поистине вселенский размах. У книги солидная источниковая база — более ста пятидесяти научных трудов, хотя, судя по контексту, далеко не все они действительно использованы автором по назначению. Читатель должен благодарить автора издания за обилие иллюстраций и фрагментов раритетных текстов (из древнерусских летописей и сказаний, Геродотовой «Истории», сибирского фольклора, «Авесты» и «Записок о Московии» Герберштейна), а также за раскрепощенный, интригующий стиль изложения материалов.

Этим, пожалуй, перечень достоинств книги В. Демина и исчерпывается, хотя в ней имеются и здравые идеи, и инте-

ресные гипотезы, но едва ли не все они — плоды трудов других исследователей.

Конечно, автор научно-популярного издания может и не претендовать на свой приоритет в каких-либо открытиях, компенсируя это обстоятельство захватывающим изложением идей и достижений коллег, обделенных талантом рассказчика. В данном случае все обстоит не так просто.

Все «загадки Урала и Сибири», собранные в книге, Демин рассматривает через «призму русского космизма» — теории ноосферы В.И. Вернадского и пассионарной концепции Л.Н. Гумилева, что само по себе не ново, но и небезынтересно. Отсюда — закономерные (?) выводы автора о «космической предопределенности России, обусловленной совокупностью географических и вселенских факторов» и запрограммированности «трагических поворотов в истории стран, народов и отдельных индивидов». Но этим концептуальная основа книги не ограничивается. Для автора главная цель — доказать истинность так называемой гиперборейской теории.

Дело в том, что Демин все-речь увлекся мистическим учением Е. Блаватской, создавшей теорию гиперборейской прародины человечества («Тайная доктрина» в списке литературы почему-то не значится) путем «прямого контакта с ноосферой и мысленного вхождения в энер-

гетическо-информационное поле Вселенной», а также с помощью «тайных масонских документов». Способностью проникать в «энергетическо-информационную сферу» в наше время, по мнению Демина, обладают лишь шаманы и люди, побывавшие в экстремальных «пограничных» ситуациях (состояние клинической смерти или тяжелой болезни). Обоснованность подобных утверждений проверить непросто (да и не хотелось бы). Сегодня этот вопрос решается просто: хотите верить, хотите нет. Автор «Загадок», по его словам, волею судьбы обрел, хотя и частично, такой чудесный дар, что позволило ему «видеть и понимать то, что никто больше не видел и не понимал».

Фундаментальная научная база вкупе с чудесным мистическим «инструментом» и упорством в достижении цели — великая сила! В. Демин делает сенсационное заявление о том, что с «группой энтузиастов-единомышленников» обнаружил в центральной части Кольского полуострова в 1997—1999 годах «останки древнейшей цивилизации, которую удалось идентифицировать как гиперборейскую». Сама эта «цивилизация», кстати, лишь плод фантазии мадам Блаватской и ее последователей, химера эзотерического происхождения. В качестве аргументов реальности гипотетического Гиперборейского материка, или архипелага (то ли он

арктический близнец легендарной Атлантиды, разделивший с ней трагическую участь, то ли он и есть та самая Атлантида — в этом Демин так и не определился), автор приводит «загадки Урала и Сибири», разгадывая их, кстати, с помощью той же «гиперборейской теории». Элементарный софизм столь искусно опутан «спагетти» псевдологических построений и соответствующих трактовок научных фактов, приправленных эзотерическим «соусом», что разглядеть его весьма непросто, но сути дела это не меняет.

Так или иначе, но Валерий Никитич утверждает, что «Урал и Сибирь непосредственно связаны с историей древней Гипербореи являются непосредственным континентальным продолжением погибшего арктического материка», а посему «архаичное мировоззрение многих коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока непосредственно вырастает из гиперборейского». «Немалые свидетельства гиперборейской старины» — «археологические следы и культурологические отголоски». То, что Кольский полуостров, где им было сделано «великое открытие», находится в 800 км к западу от Урала, Демин не смущает (как и отсутствие реальных свидетельств «гиперборейской цивилизации»). Автор скромно заявляет, что некие памятники «наидревнейшего происхождения», найденные

на Кольском полуострове, имеют революционное значение: «отныне мировая предьстория получает новое звучание, а ее хронология отодвигается в глубь тысячелетий Гиперборея — праматерь мировой культуры».

И напрасно читатель будет искать в тексте описание этих памятников и доказательства их гиперборейской принадлежности. Их там просто нет, если не считать таковой «загадочную» фотографию, сделанную ответственным секретарем экспедиции «Гиперборея» на горе Нинчурт. На снимке — человекоподобная тень с раскинутыми руками и ромбической головой. По мнению Демина, оптика запечатлела невидимое для человека существо, «тень подлинного гиперборейца». Опять же: хотите верить — хотите нет. Почему Демин не описал открытые (?) им памятники гиперборейской старины? Ради того, чтобы заинтриговать читателя или сохранить флер таинственности? Складывается впечатление, что за всем этим стоит обычный блеф, мистификация, а «убийственные козыри» в рукаве фокусника просто отсутствуют. Не зря в эпилоге Демин делает сакраментальное заключение: «откуда же мы пришли? Из Тибета? Из Атлантиды? Из Гипербореи? Нет, в конечном счете пришли из Космоса. Он начало и конец всего мы его дети».

С таким утверждением спорить трудно. Зато многие «пер-

лы», щедро рассыпанные по тексту, критической проверки не выдерживают. Их развернутая критика, пожалуй, не уступила бы по объему самой книге (500 страниц), поэтому приведу лишь отдельные примеры.

Прежде всего обращает на себя внимание своеобразная интерпретация теории моногенеза человечества и единого праязыка, основанная на эзотерическом учении Блаватской. Демин пытается аргументировать эту теорию с помощью культовой лексики народов Евразии и Америки, являющихся, по его мнению, потомками гиперборейцев. Этимология «корневых основ», восходящих к праязыку человечества (читай — гиперборейцев), осуществляется им весьма своеобразно.

Не владея в полной мере приемами сравнительно-исторического языкознания (или намеренно игнорируя его законы), Демин осуществляет этимологию древнейших лексических основ и выстраивает семантические «цепочки», зачастую весьма сомнительного качества, зато согласующиеся с его концепцией. Справедливости ради надо отметить, что в ряде случаев сами «цепочки» («звенья») почти безупречны, а возражения вызывает их интерпретация. И это понятно, так как многие этимологии заимствованы Деминым у профессиональных лингвистов (ссылки на ав-

торов, как правило, отсутствуют). Что, кстати, не мешает ему упрекать «ортодоксальных» лингвистов в неумении вразумительно объяснить происхождение древних терминов и имен. Так, его не удовлетворили существующие варианты этимологии слова «мамонт», и он предложил свою версию — от индоевропейского слова «маммон (мамона)», означающего «богатство, утроба, чудище». Кто знает, будь Демин знаком с весьма убедительной версией английского лингвиста М. Кини, уточненной в 1990 г. Е.А. Хелимским («земляной рог» — от мансийских «ман» — земляной, «онт» — рог, т.е. бивень, а мансийское название ископаемого животного — «ма-хар» — земли бык), может, и не стал бы упрекать «филологов».

Произвольность этимологических построений и увлеченность гиперборейством привели Демина к сенсационным «открытиям» в области палеоэтногенеза и этнической идентификации древних народов. Несостоятельность ряда предложенных им версий очевидна и для лингвиста, и для историка. Вот некоторые из них.

Имя гипотетического гиперборейца Абариса, оказывается, образовано от древнеиранского «аб» — вода и слова «рус» (русский?). Отсюда вывод: он родился где-то на берегах Оби. Почему не на территории собствен-

но иранцев, где таких гидронимов хоть пруд пруди? Потому что такой вывод не «работает» на гиперборейскую теорию. Кстати, Абарис, по мнению Демина, был еще и первым воздухоплателем, а сама гиперборейская цивилизация была «перьевой», т.е. летающей Лета-ли гиперборейцы на «стрелах» и в ступах (Баба-Яга — тоже гиперборейка), то бишь «гравилетах». Фантазия в прямом смысле космического масштаба.

Столь же уверенно и непри-нужденно автор выстраивает семантическое гнездо древнего корня «хор (корс)»: солнечные божества Корс (манси) и Хорс (древнеславянское) — хоровод—хорониться—хорохориться—гар-ный—ухарь—харя—харчи—ха-рактер—хорваты—Хорезм—хор (бык-олень) и т.д. Здравая основа рассуждения буквально утонула в обилии форм, сходных фонетически, но абсолютно не связанных семантически.

О широко практиковании подобного рода построений среди единомышленников-гиперборейцев свидетельствуют и упражнения Н. Новгородова в статье «Третья Русь — Томское Лукоморье—Таймыр—Гиперборейя», помещенной в приложении к книге. В частности, он считает, что Геродотовы аргиппеи («всадники», кстати) жили в районе Игарки, а ираноязычные исседоны, предки осетин, — рядом, на берегах озера Ессей: «Есь» — название бога почти у всех ин-

доевропейцев», а у кетов слово «есь» означает «рыба, еда». Да и в русских сибирских говорах, «почему-то распространено слово «ись», а не «есь»: «Ись будешь?» — спрашивает мать».

Несчастные ари-маспы (с греч. — «прекрасноконные») «поселены» Новгородовым в глухой восточно-сибирской тайге, благодаря сохранившемуся там топониму Ары-Мас — «лесной остров» (бассейн Хатанги). Думается, если бы он продолжил поиск аналогов имени ари-маспов, то нашел бы для них более подходящее место обитания. Ведь тюменское Аромашево и уральский Арамиль — более подходящая среда для степных кочевников и их «прекрасных лошадей». А если добавить сюда же «аромат» степей и «ромашку», то получится вполне райская картина. Здесь же решена и проблема происхождения скифов. Оказывается, изначально они не были степняками-кочевниками, а «приходили в лесостепь откуда-то с севера из лесотаежных зон и затем взрастали в лесостепной зоне». Аргументы? «Их есть» у Новгородова: скифы—скиты (от русского «скитальцы»), они же саки (от названия лося — «сохатый») — скот (богатство) — Скотия—Скандинавия. Вывод: скифы наряду со скандинавами и другими народами, в том числе и славянами, вышли из сибирской прародины. Sapienti sat. Комментарии излишни.

Обращаясь к персонажам обско-угорской мифологии, Демин путается или намеренно допускает различного рода искажения: окружает владыку Нижнего мира Куля «свитой из подземных карликов», видя в этом реальные следы «золотого гиперборейского века»; Корс-Торума, отца Нуми-Торума, называет сыном последнего.

Подобные примеры можно продолжать, но, по-моему, и так ясно, что «этимологически-исторические» эквилибры Демина иначе как «квазиуофантазией» (бендеровский неологизм) назвать нельзя. Известно, что ономастика (как и история) — наука беззащитная от дилетантов. Жаль, что научно-популярное издание демонстрирует отсутствие должной квалификации автора «Загадок» в данной научной сфере. Перед нами — не результаты случайных ошибок увлекшегося писателя, а отражение его «исследовательской» методики и пренебрежительного отношения к методикам смежных наук (ономастики, истории, мифологии и этнографии). В этом убеждают как отдельные высказывания (историки — «скучные буквоеды и крохоборы», а «филологи не могут решить элементарной этимологической задачи»), так и приемы обращения автора с научными материалами, которые необходимы ему для доказывания публике истинности гиперборейской концепции. Для самого же Демина и

его «единоверцев» доказательств не нужны: они либо имеют доступ (ограниченный, правда) к эзотерическому знанию, либо просто верят, либо связывают надежды с откровениями гиперборейских хранителей «Великой тайны Универсального знания», находящихся в состоянии соматического «в глубоких пещерах высоких гор» (Индия, Непал, Тибет), а возможно, и «в глубинах подземного лаза» кольской глухомани...

Литератор из Нижневартовска Н. Зинченко, к счастью, с учением Блаватской незнакома. Во всяком случае в ее книге нет даже намека на ономастику, соответственно, и пресловутых гиперборейцев. Ее книга заметно уступает изданию Демина и по объему, и по тиражу, и по научной базе. Отличается она и по стилю изложения — поэтичному, эмоциональному (что видно даже из названия, несколько претенциозного, напевно-величавого — «И возвестила земля»).

Если Демин задумал свою книгу, занимаясь русским космизмом как ученый-философ, то Зинченко подсказала сюжет сама жизнь: по роду своей деятельности (журналистка) частенько общаясь с ханты, она обратила внимание на своеобразие их духовной культуры и задумалась над ее истоками. Не будучи профессионалом-этнографом, Нина Николаевна всерьез занялась сбором фольклор-

ного материала, общалась с шаманами и их родственниками, пытаясь постичь суть и природу сверхъестественных способностей. Собственно, сама книга выстроена по хронологии ее исследовательского процесса: от таинственного и интригующего «запева» — случайной встречи со старушкой-шаманкой в хантыйском стойбище до финальной встречи с благодарной читательницей ее предыдущей книги «Легенды и были Агана», ненки, которая, кстати, подала Зинченко мысль заняться в дальнейшем и ненецкой темой.

Обладая от природы образно-ассоциативным мышлением, а также врожденной способностью подключать в мыслительный процесс такой мощный инструмент, как подсознание, Н. Зинченко решила проследить истоки хантыйской культуры в мировом контексте, благо под рукой оказались «Мифологический словарь» и двухтомник «Мифы народов мира». Собственно творческий процесс и состоял в поисках аналогов хантыйским сюжетам в шумерских, библейских, греческих и др. легендах и объяснениях условий возникновения совпадений отдельных деталей, мотивов. При этом хантыйские материалы были исключительно «авторскими» (т.е. собранными ею лично на Агане и Тромъегане), а привлекаемая литература — научно-популярного жанра). Похоже, некоторые книги лишь «случайно попались под руку»

автору, как следует из ее мимолетного откровения. Неясно, намеренно или опять же случайно она игнорировала литературу по мифологии, этнографии и фольклору обских угров и других коренных народов Западной Сибири. Во всяком случае, знакомство с опубликованными источниками и комментариями специалистов, а тем более с исследованиями, посвященными духовной культуре аборигенов Сибири, несомненно, открыли бы ей глаза на многие истины, о существовании которых она не подозревает (или не хочет знать?).

Возможно, своеобразие исследовательского и творческого кредо Н. Зинченко объясняется ее желанием быть свободной от влияния чужих идей и «чужого» материала. В пользу такого предположения говорит, в частности, выбор ею в качестве эпиграфа к главе 19 фразы А. Экзюпери: «Земля дает нам больше, чем книги». Правда, определенный минимум (26 книг) все же оказался востребованным, иначе автору не удалось бы придать аганско-тромъеганским сюжетам мировое звучание.

Вообще, недоверие автора к исследователям и неверие в их мыслительные способности сформировались давно. Более десяти лет назад, работая корреспондентом «Тюменской правды», Нина Николаевна начала «исследование личного характера»: она заинтересовалась «родоначальными истоками загадочной русской

души». Обратившись к «учителю жизни», начинающая исследовательница испытала разочарование. То ли она не те книги читала, то ли дело в другом, но по ее словам «как-то так получилось, что я не разделяла точку зрения ученых, писателей. Почему-то казалось, что в своих рассуждениях и заключениях они бродят по поверхности и не могут отыскать исторические корни, вырыть их из древних глубин, рассмотреть под пристальным микроскопом анализа (!? — С.П.) и вскрыть настоящие истоки этой феноменальной загадки» (вспомним мнение Демина об историках и филологах).

В самостоятельном поиске истины Н. Зинченко оставалось надеяться на себя и на народную мудрость, отсюда и ее исследовательский подход: «я решила опросить как можно большее количество людей на интересующую меня тему». Своеобразный референдум.

Результаты того давнего исследования неизвестны, но именно тогда, благодаря встрече с народной целительницей, Нина Петровна заинтересовалась нетривиальными личностями — знахарями и шаманами и «древними знаниями», которые они хранят. Этот интерес и привел ее в мир мифов и легенд аганских и тромьеганских ханты.

Так началось «путешествие» автора к истокам традиционного мировоззрения ханты, а затем и к «древнему знанию» че-

ловчества. Трудно сказать, состоялось бы оно или нет, если бы Н. Зинченко не обнаружила в себе чудесный дар вступать в контакт с «носителями этого знания» через собственное подсознание: догадки и озарения истины являлись во сне, в образах «пришельцев из седых веков». После одного из таких снов она нарисовала — ни много ни мало — «карту расселения древних народов мира!» Думается, многим, особенно ученым, хотелось бы увидеть эту карту, но писательница не включила ее в книгу, то ли из скромности, то ли приберегла до будущих времен Сны — «добрые и лучезарные феи подсознания, отвечали на все вопросы и тем самым вели корабль мысли по бурному морю Исследования» и вместе с «откровениями коренных северян» позволили Н. Зинченко черпать знания «не из размышлений и предположений, а из незримой для простых смертных Великой Книги Судеб, которая хранится у Бога в высоких глубинах Вселенной».

Из этих слов ясно, что подходить к оценке книги с обычными мерками, ожидать логичных рассуждений, серьезных обоснованных идей — дело бесполезное.

Вкратце открытия Зинченко состоят в следующем:

— предки ханты очень давно пришли на берега Оби из Месопотамии вслед за перелетными птицами. Вместе с ними

на Север пришли египтяне и африканцы, которые затем вернулись назад;

— «близнецы — герои древности!» (имеется в виду широко распространенный близнецный мотив, описанный в «Мифах народов мира» — С.П.);

— вавилонский и библейский варианты легенды о Потопе имеют общий источник — хантыйскую и ненецкую легенды (пошага до концепции арктической прародины — Гипербореи — С.П.);

— древнейшие палеолитические фигурки богини-прародительницы, богини-Земли делались без голов и без рук, так как ее прообразом был безголовый вулкан, «рождавший» из шеи (среди найденных археологами фигурок действительно встречаются отдельные экземпляры с обломанными головами и еле намеченными руками. Но это не дает оснований для столь категоричного вывода. Следуя логике Зинченко, если бы археологи будущего нашли атрибут нашей цивилизации — самолет, но с обломанными крыльями, то они объявили бы, что крылья для полета ему не были нужны, а прообразом его служил... скажем, бумеранг — С.П.);

— чум северных народов — копия вулкана, так как их предки жили на его склоне (?! — С.П.);

— «логика древнего человека была безыскусна и проста, как его похлебка» (в палеолите,

когда создавались мифы, варить похлебку было просто не в чем — глиняную посуду еще не изобрели, поэтому их «похлебка» действительно была простейшей — вода или кровь убитого животного — С.П.);

— «преобладание тех или иных качеств в характере человека зависит от положения яйца к своей оси в первые секунды оплодотворения» (имеется в виду яйцеклетка — С.П.). «Поэтому положительные герои сказок, которые борются со злом, с тем же Змеем Горынычем, упорно ищут его яйцо — этот символ жизни, — чтобы победить уродливое страшилище». (Уточню: смерть Кощея была в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в камне, камень — на острове. Предвещая «бурю возмущений», Н. Зинченко сообщила, что она лично пришла к этому выводу после длительных наблюдений и экспериментов (?), которые провела ради удовлетворения своего любопытства» — С.П.);

— предки ханты служили в Храме Глаза, находившемся в шумерском городе Тель-Браке. «Оттуда они вынесли обычай вышивать на верхней одежде так называемый Глаз»;

— «хомо сапиенс не обладал речью, но уже «разговаривал» на первом в мире языке — энергетическом, том самом — эндоплазменном языке простой клетки, которая стала его праматерью, подаренной ему Богом» (то есть, бог подарил хомо сапиенсу (имеется

хантыйского бога-покровителя людей Мир-Верты-ху («За миром следящий человек»). Отсутствие пупа — свидетельство его божественного происхождения. Мир-Верты-ху в традиционном мировоззрении ханты и манси (у них он Мир-Сусне-Хум) живет на небе, иногда спускается на землю к людям. Он — гарант порядка и справедливости — летает по небу на крылатом белом коне (местный вариант — белый олень с нартами) — С.П.).

Коротко оценивая суть «открытий» Н. Зинченко, следует отнести их скорее к жанру «ненаучной» фантастики, т.к. они построены на весьма вольной интерпретации фольклорных мотивов, распространенных у многих народов мира, и на ее буйной фантазии. Ряд совпадений деталей мифов случайны, большинство их объясняется общими истоками, восходящими к эпохе палеолита. В рамках теории моногенеза человечества общность древних мифологических мотивов (потоп, близнецы, богиня-прародительница) объясняется их общими истоками-прамифами. В этой ситуации понятно, что произвольно подобранные примеры совпадений отдельных деталей мифов позволяют при большом желании найти аналоги в любой мифологической системе. Общие истоки культур бесспорны, если совпадения их элементов, в том числе мифологических мотивов, носят системный характер, повторяют-

ся многократно, чего не удалось показать Зинченко. Поэтому выводы о полинезийской, африканской и эгейской прародинах ханты, мягко говоря, нельзя признать правомочными.

Столь щедро поделившись с читателями своими «открытиями» мирового и даже космического масштаба, Н. Зинченко не поскупилась и на смелые стилистические эксперименты:

«У двери (автобуса — С.П.) тянуло по ногам, и приходилось притопывать в такт движения, чтобы согреться» (интересно, какой такт движения у автобуса? Вот если бы это был поезд, тогда было бы понятно: стук колес — С.П.);

«седая задревняя древность» (очень «замудренное» выражение — С.П.);

«работники центра и музея торопливо пробегали по стойбищу с маскарадными костюмами на усердно вытянутых руках»;

«изумленное недоумение» (крайне сложное чувство, сродни тому, которое испытываешь, читая книгу Зинченко: одновременно крайне удивляешься и не можешь понять — зачем все это? — С.П.);

«ритмичный звук **выскальзывал** (?) при ударе» (о шаманском бубне — С.П.);

«древний архаичный язык» (?!);

«одноглазый циклоп» (циклоп по определению одноглазый — С.П.);

«радостный матовый блеск кожи» (*с радостным блеском еще можно согласиться, а вот что такое матовый блеск — непонятно: матовый — значит «лишенный блеска» — С.П.*);

«быстрое невнятное бормотание какого-то зверька, а может быть птицы» (*бормотание и есть быстрая и невнятная речь; может быть, автор имеет в виду попугая? — С.П.*);

«древние жили с **заглядом** в будущее»;

«Песня пастуха предупреждает о случившемся» (*что ж предупреждать, когда уже случилось — С.П.*);

«Лава — одно из лучших природных удобрений» (*может быть, вулканический пепел? Застывшая лава — каменный монолит — С.П.*);

«Возможно, она («эндоплазменная сеть») сохранилась в глазах человека с тех времен, когда он вышел из моря на сушу» (*колыбель человечества — море, а предок homo sapiens — ихтиандр? — С.П.*);

«Избушка в дремучем сказочном лесу всегда стоит на двух ногах, именуемых **куриными**» (*«избушка» — от Буша, «ножки Буша»? — С.П.*);

«Голод — самый лучший дипломат на свете» (*значит голодный бунт — дипломатический раут? — С.П.*);

Приведенные примеры эвристических достижений и

стилистических новаций Н. Зинченко — квинтэссенция сути книги в целом. По признанию самой писательницы, решение написать эту книгу за два года «оказалось больше чем наивностью, круто замешанной на полном незнании того, за что бралась»(!). Будучи полностью солидарен с ее столь строгой и критичной самооценкой, от себя добавлю, что она полностью распространяется и на содержание книги. Хочется пожелать автору, решившему писать о ненцах: «берегите книгу — **источник знаний**» и читайте побольше научной литературы о крае. Материалы-то благодатные!

Новые книги Демина и Зинченко, на мой взгляд, свидетельствуют о грядущем наступлении новой эпохи, когда история как наука вообще окажется ненужной. Ответы на «загадки Урала и Сибири» и человечества в целом мы получим от избранных, «посвященных», тех, кто обладает сверхъестественными способностями общения с высшими силами. С их помощью человечество получит доступ к хранящемуся в высших сферах мироздания «банка информации», некоего «универсального знания» о прошлом и будущем.

Так сказал Заратуштра. Виванат, Демин, Зинченко и иже с ними.

До публикации Ю. Переплеткина «Многолюдная тундра» (Лукич. 2000. №2. С. 11–20) редко кто мог даже предположить, что автор «Янгал-маа» Михаил Павлович Плотников не исчез в конце тридцатых в застенках НКВД.

Тюменский краевед Александр Петрушин помог редакции журнала разыскать дело о расстреле, которое мы и печатаем практически без купюр и комментариев. Итак, неизвестные страницы жизни М. Плотникова.

Михаил Плотников*: Из дела о расстреле

Протокол допроса обвиняемого Плотникова Михаила Павловича

Начало допроса: 23 ч.30 м.
8-го июня 1939 г.

Вопрос: Расскажите, какие учебные заведения Вы окончили, когда и где?

Ответ: Мною окончены следующие учебные заведения: Томское реальное училище, где учился с 1905 года и по 1912 год в гор.Томске и Сельско-хозяйственные агрономические курсы — одногодичные при Томском университете гор. Томска.

Вопрос: Еще какие учебные заведения Вы окончили или даже в таковых учились?

Ответ: Кроме указанных мною учебных заведений как то: Томского реального училища и Сельско-хозяйственных агрономических курсов при

Томском Университете я больше нигде не учился.

Вопрос: После окончания перечисленных учебных заведений, какую специальность вы приобрели?

Ответ: После окончания указанных выше учебных заведений я получил среднее общее образование и среднее агрономическое с уклоном животноводческим по крупному и мелкому скоту. С/х агрономические курсы — одногодичные я окончил в ноябре м-це 1913 года.

Вопрос: В личном листке по учету кадров указано, что вы окончили в 1913 году Сельско-хозяйственный Политехнический институт в гор. Рига, где получили специальность — зоотехника (оленевода). Вы подтверждаете это?

Ответ: В Сельско-хозяйственном Политехническом институте я не учился, но в личном лис-

Продолжение. Начало в Ч. 5.

Орфография и пунктуация дела о расстреле М. Плотникова сохранены.

тке мною действительно указывалось, таковой институт я кончал, где получил специальность зоотехника (оленевода), это неправда — ложь. В данном случае я это расцениваю так, что мною зимой 1913 года в С.Х. Политехнический институт г. Рига посылалась работа по методике экстерьерных промеров Северного оленя, откуда летом 1914 года получил положительный отзыв, следовательно, это послужило началом и расценивалось мной как начало работ по оленеводству.

Вопрос: В этом же листке Вы указали, что в Реальном училище учились с 1901 года по 1908 год, а на следствии показали что учились с 1905 года по 1912 год. Объясните это расхождение?

Ответ: В анкетном листе дата учебы указана неправильно, но

почему это так получилось объяснить не могу.

Допрос окончен 4 ч. 10 м. 9-го июня 1939 г.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан (подпись).

Допросил: Старший следователь с/части УНКВД младший лейтенант госбезопасности (Петров).

Из протокола допроса обвиняемого Плотникова Михаила Павловича

г. Хабаровск

Начало допроса: 13⁰⁰ час. 9-го июня 1939 года.

Вопрос: Расскажите в каких политических партиях Вы состояли в прошлом?

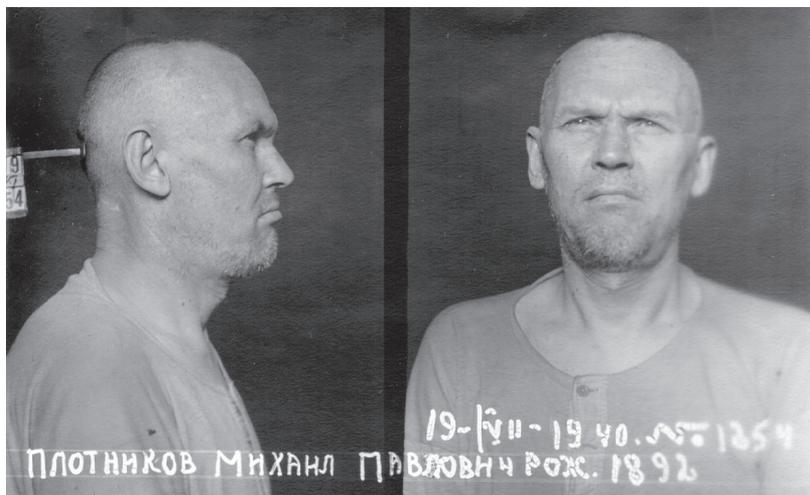

Фото из дела о расстреле. Единственная известная на сегодня фотография.

Ответ: Ни в каких политических партиях я никогда не состоял.

Вопрос: Расскажите о Вашем политическом убеждении как в прошлом, а также в настоящее время?

Ответ: К 1917 году мои политические убеждения сложились, это свержение самодержавия в России и установление Народной республики. После 1917 года я познакомился с большевистской литературой и сочувственно относился к большевикам и Советской власти. Под словами «Народной республики» я понимал весь народ населяющий быв. Россию с ее классами.

Вопрос: Расскажите о Вашей причастности к Сибирским областникам?

Ответ: К общественно-политическому течению Сибирских областников я не примыкал, но будучи знаком с рядом материалов изложенном в книгах видными идеологами данного течения как то: Потаниным и Ядринцевым я сочувственно относился к общественно-политическому течению Сибирских областников, начиная с 1914 года и по 1920 год т.е. по день окончательного укрепления Советского строя в бывшей царской России, а в последующие годы от течения Сибирских областников отошел и целиком стоял за политику Советской власти.

Вопрос: Расскажите, кого Вы знали из видных деятелей того времени общественно-политического течения Сибирских об-

ластников и где они находятся в настоящее время?

Ответ: Из деятелей общественно-политического течения Сибирских областников я знал:

1. Потанина Григория Николаевича — умер в 1823—1825 годах повидимому в гор. Томске.

2. Ядринцева Николая Михайловича — проживал он в Иркутске и Барнауле — лично я его не знал и сказать где он находится в настоящее время не могу — не знаю.

3. Крутовского Владимира Михайловича, проживал он в гор. Красноярске, встречался с ним в 1931 году будучи в гор. Красноярске в больнице Красного креста — РОКК, где он работал врачом с последним имел разговор. С Крутовским я был знаком с июля м-ца 1919 года, познакомился с ним в гор. Красноярске, а знал он меня примерно с 1916 года по литературной деятельности.

4. Тугаринова Александра Яковлевича, проживал он в гор. Красноярске, познакомился в 1919 году и с 1920 года встречался не приходилось он выехал в то время в Москву или Ленинград.

Вопрос: Еще кого Вы знаете из Сибирских областников кроме названных?

Ответ: Мною названы все лица кого я знал из Сибирских областников.

Вопрос: Расскажите о своей причастности вначале к Сибирскому правительству, а за тем к

правительству «Уфимской директории».

Ответ: В Сибирском правительстве и Уфимской директории я никакого участия не принимал и даже не занимал никаких руководящих должностей в то время.

Вопрос: Ваше политическое отношение к Сибирскому правительству и Уфимской директории в то время?

Ответ: Мои политические отношения как к правительству Сибирскому, а так же и к правительству «Уфимской директории» были безразличными — обывательскими.

Допрос прерван в 17 часов 10 м 9-го июня 1939 года.

Допрос продолжен в 21¹⁵ 9-го июня 1939 г.

Вопрос: Расскажите о Вашем социальном происхождении?

Ответ: Отец мой Павел Иванович сам происходит из крестьян деревни Каменка, в 12-ти километрах от Новосибирска. Сам крестьянством до революции — 1917 года не занимался, а работал приказчиком у купцов в гор. Кольване, селе Бердском и в гор. Новосибирске. После революции он работал в начале также продавцом, а в последствии служащим. С 1932 года насколько мне известно было, отец находится на пенсии.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Данилович Льва Ивановича?

Ответ: С Даниловичем Львом Ивановичем я знаком был с конца 1933 года и по день его ареста т.е. по 1938 год, последний раз с Данилович Л.И. встречался в библиотеке Крайпьяна, разговора между нами никакого не было, это летом 1937 года, после этого встречаться мне с Данилович не приходилось. С Данилович я имел личное знакомство бывали друг у друга в квартирах, за период с конца 1933 года и по август м-ц 1937 года был у него в квартире я раза четыре-пять, иногда бывал у него вместе со своей женой, а так же бывал у меня в квартире такое же количества раз примерно и Данилович.

Был случай когда в квартире Данилович встречали Новый год это с 1935 года на 1936 год, где присутствовал в то время и я с женой.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Фризендорфа М.Ю.?

Ответ: С Фризендорфом я впервые познакомился в 1934 году или в 1935 году, точно не помню, в библиотеке Дальневосточного научно-исследовательского института растениеводства и животноводства при следующих обстоятельствах: В данную библиотеку мною в указанный выше период сдавалась рукопись книги «Северное оленеводство ДВК», которую от меня принимал Фризендорф и уплатил стоимость. В последующее время я имел с ним шапшопное знакомство при встре-

чах, был единственный раз когда мне пришлось вместе с Фризендорфом присутствовать на встрече Нового года в квартире Данилович. И больше нигде вместе с Фризендорфом не приходилось быть. Личное знакомство у меня с Фризендорфом было, но в квартире его а так же он у меня никогда друг у друга не были.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Ермакову Марию Михайловну бывшую сотрудницу Далькрайисполкома?

Ответ: С Ермаковой Марией Михайловной я был знаком с 1932 года по день моего ареста, особенно близкое личное знакомство у меня с Ермаковой были в течение июля и августа м-ца 1934 года. В этот период времени часто бывая в квартирах друг у друга иногда выпивали, как у нее в квартире, а так же и у меня, ходили вместе в театр-кино-сад, бывали вместе изредка в ресторанах гор. Хабаровска, в последующие годы личное знакомство у меня с Ермаковой продолжалось; но близкого уже не было.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Иванову и кто она такая?

Ответ: С Ивановой Серафимой Мелентьевной — зоотехник оленевод, я познакомился в 1934 году примерно в июне м-це, и был также знаком с ее мужем Друри имя и отчество не знаю, прибыли они в гор. Хабаровск из гор. Ленинграда в

экспедицию от Ленинградского оленеводческого института.

В период знакомства с Ивановой, последняя раза два была у меня на квартире, первый раз приходила за книгой, а второй раз приходила просто поговорить по вопросам оленеводства, это было примерно в июне или июле месяцах 1934 года. В одно из этих посещений я с Ивановой выпивал, после чего она и осталась у меня ночевать. Кто она такая и откуда она является уроженкой это для меня не известно т.е. такого разговора у нас не было, но тип лица она имеет монголоидный.

Пробыли — экспедиция Хабаровске несколько дней за тем выехали и возвратились Хабаровск поздней осенью, где я Иванову снова встречал, за тем через несколько дней выехали в гор. Ленинград и с тех пор я Иванову не встречал, но письмами обменялись, письма по два.

Из протокола допроса обвиняемого Плотникова Михаила Павловича

г. Хабаровск

Начало допроса: 13 час⁵⁰ мин
10-го июня 1939 года.

Вопрос: Расскажите, кто кроме Вас присутствовал на встрече Нового года в квартире Данилович?

Ответ: Кроме меня в квартире Данилович на встрече Нового года присутствовали: Да-

нилович с женой, племянник Данилович под фамилией Берлага проживает он в Чите, Фризендорф с женой.

Вопрос: Расскажите кого Вы знаете из военнослужащих с которыми бы Вы поддерживали личное знакомство?

Ответ: Из военнослужащих я знаком и поддерживал личное знакомство с работником редакции «Тревога» Горбуновым Иннокентием, с которым был знаком с 1924 года по городу Чита, затем встретил Горбунова в гор. Хабаровске в 1934 году, последний раз встречался с Горбуновым летом 1938 года, работал он в то время в редакции газеты «Дальневосточный колхозник». Горбунов изредка бывал у меня в квартире это примерно в июне-июле месяцах 1934 года. О прошлом Горбунова мне ничего не известно.

Вопрос: Вы в анкетах при заполнении. А так же и в других документах указываете, что имеете высшее образование — окончили в городе Рига Сельско-хозяйственный политехнический институт. Вы подтверждаете это?

Ответ: Высшего Сельско-хозяйственного образования я не имею, но в анкетах при заполнении указывал, что окончил Сельско-хозяйственный Политехнический институт гор. Рига, а в действительности я там никогда не учился и таковой не кончал.

Вопрос: Следовательно Вы обманывали Советские Учреж-

дения при поступлении, что имеете высшее образование?

Ответ: Да, обманывал.

Вопрос: Какую цель Вы преследовали в этом?

Ответ: В этом была цель чистолобия, но этот обман не приносил вреда в моей практической служебной деятельности т.к. я работал в области оленеводства, а учебные заведения в то время в СССР оленеводов не выпускали.

Вопрос: Вам предъявляется чистый бланк со штампом «Сибирского правительства — Министерство туземных дел» изъятый 5-го февраля 1933 года вместе с другими Вашими документами при обыске в квартире Вашего отца — Павла Ивановича в гор. Новосибирске. Дайте по существу показание?

Ответ: Дать показание на заданный вопрос не могу, мне не известно причины и обстоятельства при которых мог бы предъявленный чистый бланк со штампом «Временное Сибирское правительство — Министерство туземных дел» оказаться в квартире моего отца с моими другими личными документами-материалами.

Вопрос: Предъявленный Вам бланк свидетельствует о том, что Вы имели какое-то отношение к данному правительству в то время, дайте показания по существу?

Ответ: К Временному Сибирскому правительству я никакого отношения не имел, но в то время проживал в гор. Омске.

Где и находилось это правительство. Из лиц близко стоящих к данному правительству в то время из моих знакомых никого не было.

Вопрос: Расскажите о Вашей контр-революционной деятельности которую Вы проводили против Советской власти?

Ответ: Никакой контр-революционной деятельностью направленной против Советской власти я никогда не занимался.

Допрос окончил в 2⁰⁰ часов 11 июня 1939 г.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан (подпись)

Допросил: Старший Следователь с/ч УНКВД млад. Лейтенант Гос. Безопасности (Петров).

Из протокола допроса обвиняемого: Плотникова Михаила Павловича

г. Хабаровск

Начало допроса: 20 час.³⁰ мин. 13-го июня 1939 г.

Вопрос: Дайте показание при каких обстоятельствах Вы были вовлечены в контр-революционную организацию — «РОВС»?

Ответ: Ни в какой контр-революционной организации «РОВС» я не состоял и о существовании таковой мне неизвестно.

Вопрос: В принадлежности к контр-революционной органи-

зации «РОВС», Вас, Плотников уличил в своих показаниях от 16-го мая и 11 июня н. года обвиняемый — Фризендорф, который показал: «Я знаю, что Плотников М.П. вошел в состав контр-революционной организации «РОВС», как враждебно-настроенный против Советской власти человек». Дайте по существу этого показания?

Ответ: Заявляю следствию, что ни в каких контр-революционных организациях «РОВС» я не состоял и враждебным человеком Советской власти я никогда не был. Показания Фризендорфа не подтверждаю считаю их ложными и вымышленными. Если следствие находит возможным прошу сделать очную ставку с Фризендорфом.

На основании ст.137 УПК РСФСР произвел очную ставку между обвиняемыми: Плотниковым Михаилом Павловичем и Фризендорф Максимилианом Юльевичем, которые заявили что они друг друга знают и никаких личных счетов между собой не имеют.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показания Фризендорф по данному вопросу?

Ответ: Показания Фризендорф я подтверждаю за исключением того, что при встречах моих с гр-ном Фризендорф никаких разговоров на политические и экономические темы (?) не было. Были разговоры обще-

го такого порядка, о современных новостях о старом Хабаровске и т.д. 1-го января 1936 года я действительно в квартире Данилович имел разговор с Фризендорф на разные темы, но разговора анти-советского и контр-революционного по содержанию не было, также не было никаких разговоров о «Сибирском областничестве, красной армии Китая, о неминуемой войне с Японией, о восхвалении Гитлера и других и фашистской политики, а так же не было никакого разговора о Димитрове. Моя работа — «роман городок на Каве» опубликована в 1938 году в журнале «Сибирские огни» в гор. Новосибирске и получившая хороший отзыв Максима Горького — собственноручное письмо которого находится в изъятых документах при моем аресте, не сколько меня не обвиняет в Сибирском областничестве.

Разговор о фашизме 1-го января 1936 года на вечеринки в квартире Данилович Л.И. был, но только общего характера, мною было высказано, что фашизм старается подвести философское обоснование и ухватился за философию Гегеля, которую фальсифицирует в своих интересах. Точно так же как в свое время Социалисты христиане подводили рабские тенденции христианства под Социализм. В этом же разговоре я говорил, что фашизм есть вооруженный отряд загнившего капи-

тализма и успеха среди трудящихся масс не имеет, что доказывает рост народного фронта.

Вопрос Фризендорф: В своих показаниях Вы называете Плотникова М.П. и знаете его как руководителя контр-революционной организации «РОВС» в Хабаровске и как Сибирского областника. Расскажите откуда Вам это известно?

Ответ: Перед отъездом в 1933 году профессора планового института и председателя краевой секции научных работников — Погодина, мне стало известно с его слов, что Плотников М.И. является одним из руководителей контр-революционной группы «РОВС» в Хабаровске и был связан по контр-революционной деятельности с работниками крайгу Зайцевой и Полевым, а сам Плотников М.П. по работе «РОВС» был связан с другим руководителем «РОВС» в Хабаровске. Данилович Л.И. Погодин выехал в гор. Саратов для дальнейшей работы.

О том, что Плотников Сибирский областник, это мне стало известно из той беседы которая имела место как я уже показал 1-го января 1936 года и других бесед которые имели место в читальном зале библиотеки института земледелия в 1935 году и в 1936 году осенью и весной точно не помню месяц. Приходил Плотников М.П. за энциклопедическим словарем, где у моего стола я с Плотниковым всегда имел разговор.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показания Фризендорф, что являетесь руководителем контр-революционной организации «РОВС» в Хабаровске?

Ответ: Показания Фризендорф не подтверждаю. Заявляю, что в контр-революционной организации «РОВС» я не состоял. Профессора Погодина и работника Зайцева я не знал и знаком не был. Полевого — работника бывшего института реконструкции с/хозяйства и Данилович Льва Ивановича я знал, но по работе «РОВС» с ними связан не был.

Показание Фризендорф по вопросу моей принадлежности к «Сибирскому областничеству» так же не подтверждаю, заявляю что в 1935 году с весны до поздней осени был в Селимжинском районе в командировке, а в 1936 году летом и осенью находился в командировке в Якутской стойбе проводил курсы оленеводов, а поэтому эти встречи о которых указывает Фризендорф не могли иметь место.

Вопрос Фризендорф: Расскажите, что Вам известно о связях Плотникова с зарубежными организациями «РОВС»?

Ответ: Со слов Погодина мне было известно, что Плотников М.П. а позднее и со слов Данилович поддерживает связь с зарубежной организацией «РОВС» — Харбине. В начале 1936 года Плотников был в чи-

тальном зале библиотеки с/х института где я ему давал один том из энциклопедии но какой сейчас точно не помню и на основе этого произошел разговор о Краковецком — Сибирском областнике, бывшем члене Сибирского Правительства в 1918 году. На вопрос Плотникову кто такой Краковецкий последний дал эти справки и заявил «может придется с ним скоро видиться» проживает он за границей. Плотников насколько мне помнится был одет тогда в меховое полупальто желтого цвета, мехом вверх.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показания Фризендорф по данному вопросу?

Ответ: Показания Фризендорф по данному вопросу не подтверждаю, Краковецкого абсолютно не знаю, среди членов Сибирского правительства фамилию Краковецкого не слышал, связей с заграницей вообще не имел.

Фризендорф говорит о меховом пальто желтого цвета, мехом вверх такового я не имел, что могут подтвердить лица проживающие со мной по соседству прошлым Запарина 67 и сотрудники Крайзу.

Вопрос Фризендорф: Сколько раз Вы имели встречи за период Вашего знакомства с Плотниковым и кто присутствовал при разговорах кроме Вас и Плотникова?

Ответ: За период моего знакомства с Плотниковым я имел

с ним встреч при которых вели разговор-беседы раза четыре, пять. В своем большинстве разговор происходил наедине, кроме новогодней вечеринки, где присутствовали: Я — Фризендорф с женой, Плотников с женой, Данилович с женой и его племянник лет четырнадцати. Разговор с Плотниковым происходил между нами троими. Мною, Данилович и Плотниковым.

Продолжается допрос обвиняемого Плотникова Михаила Павловича.

Вопрос: Теперь, после проведенной Вам очной ставки Вы будете давать показания о своем участии в контр. революционной организации «РОВС» и той контр-революционной деятельности которую проводили против Советского строя и Советской власти?

Ответ: В контр-революционных организациях я не состоял и о существовании таковых я не знал и контр-революционной деятельностью я никогда не занимался.

Вопрос: Вас в принадлежности к контр-революционной организации «РОВС» уличил также в своих показаниях обвиняемый Данилович Л.И. который на следствии показал, что «Плотников убежденный фашист. Вначале со слов Фризендорфа, а в последствии и со слов самого Плотникова, мне

было известно, что он является руководителем русской фашистской организации на дальнем востоке, являющейся гражданской линией РОВС. Маскируясь буржуазно-демократическими лозунгами об автономии Дальнего Востока, Плотников создал широко-разветвленную фашистскую организацию, из слоев бывших имущих классов, помещиков, дворянства, кулачества и части старой антисоветски настроенной интеллигенции. Вы подтверждаете показание Данилович приведенное Вам в вопросе?

Ответ: Показание Данилович не подтверждаю, заявляю, что ни в каких контр-революционных организациях я не состоял и показания по этому вопросу Данилович считаю ложными, т.к. они не соответствуют действительности. Прошу следствие устроить мне очную ставку по этим вопросам с Данилович Л.И.

Вопрос: Вас — Плотников в своих собственноручных показаниях от 14-го декабря 1937 года так же уличил Данилович Л.И. и в том, что вы являетесь идейным врагом Советской власти и активным сторонником фашизма, а поэтому Вам зачитываются его показания по данному вопросу (показание зачитано). Дайте по существу объяснение?

Ответ: Зачитанное мне показание Данилович Л.И. по существу заданного вопроса не подтверждаю, считаю его целиком ложным.

Вопрос: Вас — Плотников уличают так же в причастности к контр-революционной организации «РОВС» обвиняемые Энгельгарт Виктор Михайлович и Одерский Эрнст Юльевич. Дайте по существу показания?

Ответ: Причастность свою к «РОВС» отрицаю. Энгельгарт В.М. я знал, с последним был знаком, но личного знакомства не было. Фамилию Одерского я слышал, личность его не представляю и знаком не был. Ходатайствую перед следствием о очной ставке с Одерским и Энгельгартом.

**Из протокола допроса
Обвиняемого: Плотникова
Михаила Павловича**

г. Хабаровск

Начало допроса: 21 час¹⁵ мин.
14 июня 1939 года.

Вопрос: Следствие располагает материалами, которыми Вы уличаетесь в проведении активной фашистской агитации направленной на дискредитацию и подрыв Советского строя и Советской власти. Дайте по существу показание о Вашей фашистской деятельности?

Ответ: Фашистской агитацией и деятельностью я никогда не занимался. Как мне известно из зачитанного мне показания при допросе меня 13 июня с/г меня в этом изобличает Данилович Л.И., поэтому прошу

сделать с последним очную ставку.

На основании ст.137 УПК РСФСР произвел очную ставку между обвиняемыми: Плотниковым Михаилом Павловичем и Данилович Львом Ивановичем, которые заявили, что они друг друга знают причем Данилович никаких личных счетов как он заявил к Плотникову не имеет. Плотников И.П. личных счетов к Данилович Л.И. не имеет как он заявил, но имеет претензию в которой обвиняет Данилович Л.И. в том, что он не включил в 1935 году в план издательства крайплана труд Плотникова о Северном оленеводстве ДВК, благодаря чего труд издан не был, что вызывает к Данилович некоторую не приятнь.

Вопрос Плотникову: Расскажите с какого времени Вы знаете и были знакомы с Данилович Львом Ивановичем и в чем выражалось Ваше знакомство?

Ответ: Данилович Льва Ивановича я знал с конца 1933 года или начала 1934 года, личное знакомство установилось между нами с 1935 года т.е. в этот период времени я выбыл в экспедицию, а по прибытию из экспедиции личное знакомство не продолжалось в связи с арестом Данилович Л.И. Знакомство наше выражалось, в том, что я с Данилович встречался разговаривали на различные темы бывал у него в квартире, примерно в 1935 году был не

более трех раз, но точно сказать месяца не могу т.к. не помню в июне и по сентябрь месяца 1935 года я у него быть не мог в виду того, что находился в командировке. В 1936 году я бывал у Данилович так же примерно раза три в период времени за исключением с середины мая м-ца и по август м-ц, а так же отсутствовал сентябрь месяц находился в командировки а по этому в это время я у него так же не мог быть. В 1937 году возможно был один раз точно не помню. В кино, -театры я с Данилович насколько мне помнится никогда не ходил. В ресторан г. Хабаровска я заходил часто, припомнить бывал ли я на период нашего знакомства с Данилович когда либо так же в ресторане припомнить не могу но допускаю, что мог быть и мог не быть.

Данилович за период нашего знакомства так же бывал у меня в квартире примерно не менее восьми раз, бывал и в присутствии других лиц, как то: Ветошникова А.А. а остальных лиц фамилии не помню.

Вопрос Данилович: Расскажите следствию какое отношение было со стороны Плотникова М.П. к Советскому строю и Советской власти?

Ответ: Данные показания по данному вопросу при допросе меня 14-го июня 1939 года целиком подтверждаю, заявляю, что Плотников был враждебно настроен к Советскому строю и

Советской власти заявлял рано или поздно но Советской власти не будет, она падет, на смену ей придет фашистский строй. Плотников был прямым сторонником Германского фашизма, заявлял о том, что фашизм это единственная сила в мире, которая может победить коммунизм, говорил так же и о том что только Германия сможет спасти Россию от коммунизма. Германия как говорил Плотников ставила своей целью и задачей покончить с коммунизмом и сейчас направляет все силы на эту борьбу, для чего создан Четвертый Интернационал — фашистский, в противовес Коммунистическому Интернационалу.

Плотников разговаривая о фашизму и «4-ом Интернационале» заявлял, что фашизм идейно вооружен и основан на базе философии Гегеля, сейчас идет противопоставление гегелианства — марксизму. Христианство, как говорил Плотников, пережило себя — это вера для рабов, коммунизм — это вера для недостаточно развитых умов. Фашизм, как заявлял Плотников это же философское учение, а не вера, это есть возрождение гегелианства и оно идет на смену христианству и коммунизму. Мы ученые, а не советская интеллигенция мы не русские, а сибиряки, мы областники. Плотников так же заявлял, что Муссолини и Гитлер не такие дураки как их представляет Советская печать. Одновременно

высказывал сожаление о Колчаке, Деникине и других которые по мнению Плотникова идейно не обосновали и не подвели идеологической базы в борьбе с большевизмом в то время, а поэтому их борьба не имела успеха, подчеркивал, что идеологическую базу они могли подвести из учения Гегеля.

Кроме этого Плотников враждебно высказывался и к Народному фронту который ведет борьбу с фашизмом. Как то по адресу Франции заявлял «французские обезьяны я их ненавижу как нацию, теперь взялись за сколачивания народного фронта значит скорее сломают себе на этом голову, заразив Францию Социалистической заразой тем легче будет фашистам разбить их и установить во Франции так же фашизм. По адресу Республиканской Испании заявлял «на службе сегодня предложили подписной лист в помощь Республиканской Испании, я подписал пятерку и хотел предложить сбор средств в пользу мятежников, где я бы подписал конечно гораздо большую сумму». Были несомненно и другие разговоры контр. революционного характера со стороны Плотникова, как я уже показал ранее, но в виду того что прошло много времени припомнить не могу.

Все эти разговоры велись Плотниковым М.П. в моем присутствии насколько я помню в мае месяце 1936 года это в пери-

од совместного посещения ресторана и в период когда Плотников был у меня в квартире в период моей болезни как я уже показал в 1936 году. Плотников вступал в такие разговоры контр-революционного характера будучи уже слегка выпивши.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показания Данилович о своей контр-революционной деятельности и фашистской агитации?

Ответ: Данные показания Данилович о моей контр. революционной деятельности и фашистской агитации не подтверждаю. Встречи при которых указывает Данилович, велась мною фашистская агитация не имели место, как уже показал следствию, что в ресторане я с Данилович если и был то не помню, в квартире Данилович в 1936 году я бывал, но случая посещения квартиры Данилович в период его болезни не помню.

Вопрос Данилович: Расскажите откуда Вам известно, что Плотников принадлежит к числу Сибирских областников?

Ответ: Из тех разговоров и бесед которые имели место у меня с Плотниковым в период нашего совместного знакомства, мне стало известно, что Плотников — Сибирский областник. Были случаи когда он сам себя в разговорах называл Сибирским областником, к тому же это подтверждается и его идеологическими взглядами об автоно-

мии Сибири, которые он неоднократно высказывал мне.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показания Данилович по этому вопросу?

Ответ: Показания Данилович не подтверждаю.

Вопрос Данилович: Расскажите об идеологических взглядах Плотникова к Сибирскому областничеству?

Ответ: Примерно в 1935 году Плотников в беседах со мною рассказывал мне о истории Сибирского областничества, заявлял что вопрос создания автономной Сибири живет и по настоящее время в умах коренных Сибиряков, а будучи у Плотникова в гостях в том же году, где присутствовал так же Ветошников вет. врач, Плотников в разговоре заявлял о неминуемой гибели Советской власти и установления фашистского режима в СССР и установления так же Автономного Сибирского государства. В этом же разговоре Плотников обращаясь к Ветошникову заявлял ему, что в будущем Автономном Сибирском Правительстве Ветошников займет пост Министра просвещения, а обращаясь ко мне заявлял «Я не знаю что можно будет предложить Вам, уж больно Вы большой «чинуша».

Аналогичного порядка разговор был со стороны Плотникова на вечеринке по встрече нового года у меня на квартире, где Плотников так же распределял портфели в будущем автономном Сибирском прави-

тельстве. Присутствующему на вечеринке Фризендорф, Плотников намечал портфель военного министра, последний ответил, что он не подойдет, ему надо другой, мне Плотников предлагал пост министра земледелия, а себе Плотников намечал пост премьер-министра.

В последующих разговорах, которые имели место в 1936 году Плотников так же говорил, что Советская власть и большевики не придают никакого внимания Сибирскому областничеству и никто из Сибирских областников не подвергались репрессиям со стороны Советской власти, лишь только потому, что не считают областников для себя опасным врагом. Следовательно большевики по видимому, как заявил Плотников предусматривают в период войны с Японией и Германией потери Сибири.

Разговор о распределении портфелей в будущем Автономном Сибирском государстве как в первом случае, а так же и во втором происходил со стороны Плотникова, когда он уже был в достаточном опьянении, а в трезвом состоянии Плотников никогда не упоминал о мифических портфелях.

Были ли еще со стороны Плотникова другие разговоры касающиеся Сибирского областничества припомнить сейчас не могу.

Вопрос Плотникову: Вы подтверждаете показание Данилович Л.И. по этому вопросу?

Ответ: Показание Данилович Л.И. не подтверждаю, но заявляю следствию, что однажды в беседе с Данилович Л.И. разговор о Сибирском областничестве был, но он не носил контр-революционного содержания, это было в 1936 году примерно в ноябре-декабре месяцах в моей квартире.

Вопрос Данилович: Вы достаточно помните происходивший разговор о назначении Плотниковым, Ветошникова министром просвещения?

Ответ: Да этот разговор я достаточно ясно помню.

Протокол допроса обвиняемого Плотникова Михаила Павловича

г. Хабаровск

Начало допроса: 14 час³⁰ мин
17-го июня 1939 г.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст.ст. 58-1 «а», 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР?

Ответ: В предъявленном мне обвинении по ст.ст. 58-1 «а», 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР виновным себя не признаю.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан.

Допрос окончен в 17 час 40 минут

Допросил: Старший Следователь с/части УНКВД младший лейтенант гос. безопасности (Петров)

Протокол допроса обвиняемого Плотникова Михаила Павловича

г. Хабаровск

Начало допроса: 12 ч.30 м. 20 июня 1939 года.

Вопрос: Расскажите, какой период времени Вы проживали в городе Чите и чем занимались?

Ответ: В городе Чите я проживал примерно с января месяца 1922 года и по июня месяца 1925 года, где за это время работал: при Министерстве национальных дел ДВР, в должности Начальника отдела, в Туземном подотделе ДальРевкома в должности ученого-секретаря.

После переезда ДальРевкома в гор. Хабаровск, это было в 1924 году, я остался в гор. Чите, где работал до июля м-ца 1925 года при редакции журнала «Забайкальский таёжник» в должности — секретаря, затем выехал в гор. Новосибирск.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Семенова, Беломескова и Хайт по гор. Чите и кто они такие в прошлом?

Ответ: В гор. Чите я знал Семенова, но кто он сказать ничего не могу, ибо его прошлого я не знаю. В гор. Чите я у этого Семенова проживал на квартире. С последним никакой личной связи не имел и видел его случайно несколько раз. Владельцем домов была его жена.

У Беломескова я так же проживал на квартире, но дома уже в то время принадлежали Горкомхозу гор. Читы. Сам Беломесков был уже старый лет под семьдесят мне было известно тогда, что Беломесков губернский крупный чиновник, но связи с ним и личного знакомства у меня не было.

Хайт был редактором газеты «Боец и Пахарь» органа Военно-Политического Управления Народно-Революционной армии, с последним я знаком не был и сказать о нем что либо затрудняюсь.

Вопрос: В Вашем знакомстве с Хайт Вас избличает допрошенный в качестве свидетеля по Вашему делу гр-н Горбунов Иннокентий Алексеевич, который показал, что мне стало известно со слов самого Плотникова, что его хороший друг, как его назвал Плотников бывший редактор газеты НРА, ДВР под фамилией Хайт был исключен из рядов ВКП(б) за что не сказал. После этого Хайт как заявил Плотников убыл во Владивосток затем Харбин, а сейчас проживает в Праге. Хайт по заявлению Плотникова Сибирский областник. Вы подтверждаете это?

Ответ: Показания свидетеля Горбунова И.А. о моих связях с Хайт не подтверждаю.

Вопрос: Расскажите, как Вы знали Ермакова Ивана Ивановича и в чем выражалось Ваше знакомство.

Ответ: С Ермаковым И.И. я проживал в одном доме, был

знаком имел личное знакомство, бывали друг у друга в квартирах, при встречах вели разговор на политические и другие темы.

Знакомство мое с Ермаковым продолжалось в течении 1932–1933 годов и начала 1934 года, в последствии т.е. в начале 1934 года Ермаков умер.

Вопрос: Вас в контр-революционной-фашистской пропаганде, направленной в защиту фашизма и фашистского строя избличает в своих показаниях допрошенная в качестве свидетеля гр-ка Ермакова Мария Михайловна. Показания которой Вам зачитываются (*показания зачитаны*). Вы подтверждаете показания Ермаковой по этому вопросу?

Ответ: Показание Ермаковой М.М. не подтверждаю, заявляю следствию, что контр-революционных разговоров по содержанию у меня с Ермаковым И.И. никогда не было. Вопрос о селекции пшеницы имел место у меня впервые в 1934 году т.е. после смерти мужа Ермаковой. Никакого разговора у меня с Ермаковым по вопросу выборов фашиста Гитлера не было т.к. я лично считаю, что никаких выборов в 1933 году не было.

Показания Ермаковой считаю ложными продиктованными мстостью на почве интимной связи имевшей место в 1934 году.

Допрос прерывается в 16ч.⁴⁰ м и возобновлен 22 ч⁴⁵ м.

Вопрос: Вас — Плотников в контр-революционной фашистской пропаганде направленной в защиту фашизма и фашистского строя так же изображает в своих показаниях допрошенный в качестве свидетеля гр-н Горбунов Иннокентий Алексеевич. Показания которого Вам зачитываются (показания зачитаны). Вы подтверждаете показания Горбунова по этому вопросу?

Ответ: Зачитанные мне показания свидетеля Горбунова М.А. не подтверждаю, считаю эти показания ложные основаны на почве ревности Горбунова ко мне Плотникову благодаря моей интимной связи с Ермаковой.

Вопрос: На допросе 9-го июня 1939 года Вы показали, что с Ермаковой Вы и Ваша семья имели личное знакомство до дня Вашего ареста и никаких ссор и личной неприязни друг к другу не имели. Дайте по существу этого показания?

Ответ: Да подтверждаю, эти показания и заявляю что никакой ссоры и личной неприязни у меня к Ермаковой не было, но в квартире Ермаковой я с 1935 года по день своего ареста не был, а так же и она у меня, при встречах только разговаривали по бытовым вопросам связанным с квартирой.

Вопрос: Расскажите, как Вы знаете Фесик — бывшего работника Крайзу?

Ответ: С Фесик — бывшим агрономом Крайзу я был зна-

ком примерно с октября-ноября м-ца 1936 года по май м-ц 1937 года, наше знакомство было исключительно служебного характера, из редка приходилось разговаривать мне с Фесик по служебным вопросам.

Вопрос: В своих собственноручных показаниях Вы указали, что в декабре м-це 1936 года Фесиком были привлечены в контр-революционную организацию и по заданию которого проводили вредительскую деятельность в области оленеводства. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Свои собственноручные показания по данному вопросу не подтверждаю, считаю их ложными и вынужденными в результате применения физического и морального воздействия со стороны следствия.

Вопрос: В своих собственноручных показаниях Вы так же показали, что Вы являлись Сибирским областником и с Областническими тенденциями окончательно порвали в 1927 году. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Нет, не подтверждаю, считаю их ложными по тем же причинам.

Вопрос: В своих собственноручных показаниях Вы назвали как членов организации Ломос и Курдыбанского. Вы подтверждаете эти свои показания?

Ответ: Нет, не подтверждаю, считаю их ложными по тем же причинам.

**Протокол допроса
обвиняемого Плотникова
Михаила Павловича**

г. Хабаровск

Начало допроса: 12 часов 40 м.
21 июня 1939 года.

Вопрос: Вам предъявляется протокол допроса обвиняемого Прохорова Михаила Васильевича от 11-го мая 1939 года. Дайте по существу показание?

Ответ: Показание обвиняемого Прохорова М.В. не подтверждаю, заявляю что сыном лесопромышленника я не был, к сибирскому правительству — «Уфимской дирекции» никакого отношения не имел и вообще Курдыбанскому я об этом не говорил и даже не мог ввиду того, что это неправда.

Никакой личной связи и близких отношений у меня с Чемановым и Василевичем не было. Подрывной работы в области сельского хозяйства севера я так же не занимался и не мог ввиду того, что северными районами я непосредственно не руководил.

Вопрос: Расскажите о Вашей трудовой деятельности?

Ответ: Трудовой деятельностью я начал заниматься с 1913 года с декабря месяца, за этот период времени работал:

1. Декабрь месяц 1913 года коректор редакции «Сибирская новь» г. Новосибирск.

2. С января м-ца 1914 года по май месяц 1918 года кон-

сультантом по вопросам сельского хозяйства на Омской жел. дороге г. Омск, но с ноября м-ца 1917 года по май м-ц 1918 года был избран членом коллегии контроля Омской ж.д. и был утвержден коллегией Государственного контроля.

3. С сентября м-ца 1918 года по июнь м-ц 1919 года работал в гор. Камень инструктором по с/х при Правлении Каменского союза кооперативов.

4. С июня м-ца 1919 года по декабрь м-ц 1919 года агроном по Северному сельскому хозяйству при Губернской земской управе гор. Красноярск.

5. С декабря месяца 1919 года по июль м-ц 1920 года секретарь редакции газеты «Красноярский рабочий» г. Красноярск.

6. С июля м-ца 1920 года по ноябрь м-ц 1920 находился в экспедиции в Таруханском крае.

7. С ноября м-ца 1920 года по июнь м-ца 1921 года пом. заведующего Городским музеем в гор. Енисейске.

8. С июня 1921 года по ноябрь м-ц 1921 года заведующим общим подотделом конторы Сибуголь г. Новосибирска.

9. С ноября 1921 года по июль м-ц 1924 года работал при Министерстве национальных дел ДВР нач. туземного отдела впоследствии в Туземном подотделе Дальревкома ученым секретарем г. Чита.

10. С июня м-ца 1924 года по июль м-ц 1925 года секретарем

редакции журнала «Забайкальский таежник» г. Чита.

11. С сентября м-ца 1925 года по август м-ц 1929 работал при редакций газет: «Советская Сибирь» и «Сибирский гудок» в гор. Новосибирске, «Ачинская правда» гор. Ачинск и «Красное знамя» гор. Томске «Кузбасс» в гор. Щеловске и «Красное знамя» в гор. Тюмень.

12. С сентября м-ца 1929 года по сентябрь м-ц специалистом по оленеводству при зоотехническом пункте на реке Турухан Туруханского края.

13. С февраля 1932 года по июль месяц 1937 года специалистом по оленеводству при Крайзу гор. Хабаровск.

14. С августа м-ца 1937 года по март м-ц 1938 года специалистом по оленеводству при экспедиции наркомзема СССР на ДВК

15. С марта м-ца 1938 года по 4-ое октября 1938 года т.е. по день ареста при редакции газеты «Пограничный водник» литературным сотрудником гор. Хабаровск.

Вопрос: Расскажите, какие Вы имеете напечатанные труды под своим авторством?

Ответ: Имею следующие напечатанные труды: книга «Оленеводство» издана в гор. Чите в 1922 году, брошюра «Туземный вопрос ДВР» издана в гор. Чита в 1922 году. Книга «Современное состояние туземных племен ДВК» издана в 1922 году в г. Чита, брошюра «Тунгусы-Оро-

чены Забайкалья» издана в гор. Чита редакцией газеты «Забайкальский рабочий» в 1925 году, брошюра «Послерусский вагульский эпос» издана в гор. Новосибирске в 1924 году издательство редакции журнала «Сибирские огни», книга «О приросте некоторых Западно Сибирских туземных племен» издана в гор. Ленинграде в 1925 году редакцией журнала «Северная Азия», повести «Кержаки» и «Изгнание Аланго» изданы в 1929 году редакцией газеты «Беднота», роман «Городок на Каве» издана в 1938 году в гор. Новосибирске, редакцией журнала «Сибирские огни», книга «Северное оленеводство ДВК» издана в 1933 году в гор. Хабаровске Дальгизом и брошюры «Происхождение оленеводства» и «Тунгусские всадники» изданы в 1936 и 1937 годах в гор. Хабаровске редакцией журнала «На рубеже».

Кроме этого изъятые рукописи при моем аресте:

1. «Северное оленеводство ДВК» курс лекций для средних и высших учебных заведений

2. «Оленные тунгусы Забайкалья»

3. Роман — не закончено «Чалдоны».

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан. *Допрос окончен* в 16⁰⁰ часов.

Допросил: Старший Следователь с/ч УНКВД млад. лейтенант Гос. безопасности (Петров)

**Протокол допроса
обвиняемого ФРИЗЕНДОРФ
Максимилиана Юльевича**

От 16 мая 1939 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 12 часов 10 минут.

Вопрос: На допросе 13 февраля 1939 года вы далеко неполно изложили о лицах состоящих в офицерской организации «РОВС», а также их практическую деятельность.

Ответ: Совершенно верно. Я сейчас об этом постараюсь обстоятельно изложить все известное мне о деятельности этой организации, которая действовала по прямым заданиям японских разведывательных органов. Я сейчас начну с того, кто мне был известен из участников этой организации и изложу их практическую деятельность.

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: В процессе осуществления руководства над участниками организации «РОВС», о которой мною упоминалось на допросе 3 февраля 1939 года, мне также пришлось по контрреволюционной работе связаться с НАЗАРЫЧЕВЫМ, ЛЕЖНИНЫМ, ДАНИЛОВИЧ, ПЛОТНИКОВЫМ, ФЕДОРОВЫМ.

1. НАЗАРЫЧЕВ Анатолий Александрович быв. офицер белой армии. О его работе в прошлом не знал. В 1934-1936 гг.

он был главным инженером треста Дальспирт, затем работал в Управлении Уполкомнаркомпищепрома, а в 1937 году в Хабаровском Табакторге. Я завязался с ним весной 1934 года условившись с ним о встрече около дома Горсовета вскоре после этого. При встрече я прямо сказал ему, что мне он известен, как член «РОВС»а», одним из руководителей которого в Хабаровске являюсь я. НАЗАРЫЧЕВ согласился в дальнейшем исполнять мои задания. Он информировал меня о том, что является старым членом «РОВС» и вошел в группу «РОВС», организованную в Хабаровске быв. царскими артиллерийскими офицерами и чиновниками, насколько я помню он назвал мне фамилии некоторых из них, а именно: СПАСКОГО, НОВОКОВСКОГО, НЕСЫТОВА. От них ему было известно о моем членстве в «РОВСе».

От своей группы он имел задание — собирать всякого рода шпионские материалы и через связника периодически передавать их в Харбин. С высылкой названной группы «РОВС» из края в 1932 году, связь его с РОВС»ОМ прервалась, но связь с Харбином он поддерживал и продолжает поддерживать. Подробность этих связей НАЗАРЫЧЕВ меня не информировал. Я предложил ему привлечь к работе «РОВС» новых антисоветских людей, использовать для этого

широкие знакомства в городе и организовать из них диверсионные группы, в первую очередь на оборонных предприятиях Хабаровска. Кроме того я просил его дать мне секретные материалы об обеспечении края техническим спиртом во время войны и о перспективах развития его производства. Сведения эти я получал от него в 1935 году и передавал их японскому резиденту МАЦУЗАКИ.

4. ПЛОТНИКОВ Михаил, я уже показывал, что он стал одним из руководителей хабаровской группы «РОВС», после выезда из Хабаровска ПОГОДИНА.

С Плотниковым я связался в начале 1934 года, когда он пришел в Институт Землеведения с предложением купить у него рукопись о состоянии оленеводства ДВК. Затем мы встречались с ним несколько раз на квартире у Данилович, улица Шаронова, Средняя гора (Чардымкава) и в читальном зале Института Земледелия. ПЛОТНИКОВ не скрывая высказывал свою враждебность к Советской власти. Он, как и ДАНИЛОВИЧ быв. царский чиновник Земледелия, ученый оленевод и, как таковой в течение уже многих лет работает в Крайзу.

ПЛОТНИКОВ по своим политическим убеждениям монархист, ярый сторонник автономии не только ДВК, но и всей Сибири; имеет обширное знакомство

среди бывших царских чиновников в Союзе и за рубежом. В беседе на вечеринке у ДАНИЛОВИЧ в день нового 1935 года ПЛОТНИКОВ высказал мысль, что эту автономию необходимо осуществить возможно скорее, опираясь на помощь Японии, с последней Советскому Союзу воевать нельзя. Мощь СССР, о которой так много пишется — дутое дело, из войны Япония выйдет победительницей. Надежды на Китай рухнули, никакой революции там нет. Китайская Красная Армия разгромлена, есть красный бандитизм. Коминтер не выполнил свои задачи, успеха не имеет и иметь не может. Мы бывшие люди должны своевременно учесть эти перспективы и приспособиться к ним. Антисоветских людей и сторонников автономии Сибири имеется больше чем предполагают. Им поддержка Японии обеспечена, следовательно обеспечена и их будущность.

ПЛОТНИКОВ работает над романом из истории Сибири, в котором он излагает, как старый Сибирский областник свои идеи о новом Сибирском капиталистическом государстве. В этой работе ему помогал ДАНИЛОВИЧ.

ПЛОТНИКОВ очень хитрый и чрезвычайно скрытый человек. О своей работе, как член «РОВС»а он говорил мало. ДАНИЛОВИЧ сказал мне следующее: ПЛОТНИКОВ в течение многих лет тормозит разви-

тие оленеводства в Крае, дезорганизовав созданное уже оленеводческое хозяйство теперь на Сахалине и в Чукотском крае. Направляемая в край экспедиция по изучению оленеводства дает вредительские задания. Во главу их ставятся враждебные Советской власти специалисты, например экспедиция Нижне-Амурской области в 1933 году.

ПЛОТНИКОВ имел связь со специалистами Крайзу бывшими царскими офицерами: ЗАЙЦЕВЫМ и Максимом ПОЛЕВЫМ. ЗАЙЦЕВ заведывал отделом Коневодства Крайзу, в результате его вредительских действий разрушена коневодческая база. В крае конские заводы Красная Армия не имеет местного конского ремонта.

ПОЛЕВОЙ ученый агроном, проводил вредительство в агротехнике, в результате чего в крае снизилась урожайность хлебов, засарывались поля, тормозилось введение севооборотов.

Разоблаченные в этом вредительстве ЗАЙЦЕВ и ПОЛЕВОЙ в 1933 году или в 1934 году были высланы из края.

Мне также было известно о связях ДАНИЛОВИЧ и ПЛОТНИКОВА с заграницей.

Вопрос: Эти связи ПЛОТНИКОВЫМ и ДАНИЛОВИЧ осуществлялись в интересах организации «РОВС»?

Ответ: Да, безусловно.

Вопрос: Тогда обстоятельно изложите характер их связи с заграницей?

Ответ: Осенью 1934 года при очередной встрече японский резидент МАЦУЗАКИ заслушав мою информацию о работе «РОВС» поставил перед ней следующие задачи: как указал МАЦУЗАКИ, в задачи японской разведки на ДВК входит кроме осуществления плана диверсии и поднятия в крае восстания антисоветских элементов для свержения Советской власти, также переброска из Манчжурии участников для проведения на территории СССР антисоветской работы. Для подготовки этой переброски местные группы «ОВС» должны уже теперь возможно теснее связаться с руководством «ОВС» в Харбине. Японская разведка будет содействовать установлению такой связи, для чего ею в ближайшее время будут переброшены из Манчжурии несколько надежных связников. Я указал МАЦУЗАКИ, что задача подготовки такой связи возложена на руководителей «РОВС» ДАНИЛОВИЧ и ПЛОТНИКОВА. МАЦУЗАКИ это одобрил, сказав, что оба эти лица известны ему, как преданные интересам Японии, надежные люди.

К этому времени связь хабаровской группы «РОВС» с Харбином была утеряна. Зав. Владивостокским агентством КВЖД — КОЧЕТОВ уехал из Владивостока в Манчжурию, а само агентство ввиду предстоящей продажи КВЖД было закрыто и этот канал связи перестал действовать.

При встрече с ДАНИЛОВИЧ летом 1936 года он сообщил мне, что ему удалось установить новую связь с Харбином. На службу в Крайздрав прибыл из Манчжурии врач КОСОВИЧ, долго работавший в Харбине и Цицикаре, имеющий большие связи в антисоветских организациях Манчжурии.

О связи ПЛОТНИКОВА с границей мне известно следующее: ДАНИЛОВИЧ весной 1936 года сказал мне, что ПЛОТНИКОВ находится в связи с одним из работников системы Крайзу, прибывшим в начале 1935 года из Манчжурии, быв. Манчжурский старожил и партизан, поддерживающий связь с манчжурскими организациями. Таким лицом мог быть только ЧАРАЕВ — сотрудник Института Земледелия.

Из протокола допроса обвиняемого Фризендорф Максимилиана Юльевича

Начало допроса: 13 час ⁰⁰ м
11 июля 1939 года

Вопрос: При каких обстоятельствах познакомились с Плотниковым М.П. и в чем выражалось в последствии Ваше знакомство?

Ответ: Близко с Плотниковым мне познакомиться пришлось насколько я помню весной 1934 года, когда он — Плотников приходил в Институт земледелия и предлагал купить у него, для научного архива

Института рукопись — копии книги по оленеводству на Дальнем Востоке.

В связи с этой покупкой я имел с Плотниковым разговор; разговаривали на экономические а так же и политические темы, говорили о дальнейшей судьбе ДВК. После этого знакомства Плотников М.П. заходил неоднократно в течении 1934-1936 годов в читальный зал библиотеки Института и каждый раз вступал со мной в разговор, на те-же темы. Кроме этого встречался я с Плотниковым несколько раз на улице Карла-Маркса, где при встречах останавливались, а иногда даже прогуливались по улице и вели разговор на подобные же темы.

31 декабря 1935 года я был приглашон Данилевичем Л.И. к нему на квартиру для встречи нового года. На этой вечеринке присутствовал так же и Плотников М.П., последний большой друг Данилович Л.И. В разговоре со мною, а так же и с Даниловичем на этой вечеринке Плотников, не стесняясь, высказывал свое контр-революционное — враждебное отношение к Советской власти.

Вопрос: Расскажите, каких политических убеждений придерживается Плотников М.П.?

Ответ: Плотников М.П. является анти-советской и контр-революционной личностью, враждебно настроен против Советского строя. Из тех бесед и

разговоров, которые имели место у меня с Плотниковым при встречах, мне известно стало ряд вопросов по которым Плотников имеет свое убеждение.

Плотников положительно отзываясь о «Сибирском областничестве» говорит, что это, старое еще стремление части Сибирской интеллигенции и Сибирского кулацкого крестьянства к Автономии Сибири, а в последствии и Советского Дальнего Востока. В беседах Плотников давал краткий исторический очерк этого движения, указывал что основоположниками и лидерами «Сибирского областничества» являлись исследователи Сибири Потанин и Макушин. Говорил, что Сибирское областничество возникло в 1880—1890 годах, в последующии годы все росло и ширилось и в 1918 году расцвело в Сибирское государство. И в настоящее время, как говорил Плотников сторонников автономного существования Сибири и ДВК много, но они притаились до поры до времени. Сам Плотников М.П. разделяет и сочувствует «Сибирскому областничеству» на сколько мне известно, с его слов изучает историю Сибири и пишет книгу — роман на тему из этой истории, в которой желает возбудить интерес к Сибири, к особенностям ее культуры и экономики.

Плотников М.П. на вечеринке под 1-е января 1936 года в квартире Данилович в беседе со мной высмеивал мероприятия

Советской власти на Дальнем Востоке, враждебно высказывался о строительстве социализма, называл его «большим бумом» которое направлено на одурачивания населения СССР. Говорил о слабости ДВК и невозможности в неминуемой войне с Японией отстоять свою независимость, в виду тяжелого состояния вооруженных сил и слабой экономики на Дальнем Востоке. Так же говорил, что надежды СССР на Китайскую революцию не осуществились, а Китайской Красной Армии никогда не существовало, а был красный бандитизм. В этой же беседе всячески высмеивал руководителей Коминтерна и дискредитировал, заявляя о том, что под их руководством Коминтерн никакого успеха не имеет и иметь не может. Трудящиеся массы всех стран осознали эту ошибку и не верят больше в коммунизм. В мире начала господствовать новая сила, как заявил он «фашизм» который возглавляют такие энергичные люди как Гитлер, Розенберг, Геббельс и др., перед этой силой коммунизм устоять не сможет.

Вообще нужно сказать, что Плотников при встречах со мной всегда старался перевести разговор на Германский фашизм и его успехи, всегда восхваляя Гитлеровскую политику по вопросам даже сельского хозяйства, заявляя о том, что планы Гитлера т.е. фашистские планы развития Германского сельского хозяйства лучше и дают большие

результаты, чем планы развития Социалистического хозяйства в СССР. Как заявлял Плотников, что у фашизма еще Советскому Союзу надо поучиться как планировать и развивать хозяйство в стране.

В заключение могу сказать прямо, что Плотников, человек который преклоняется пред Германским фашизмом и является убежденным фашистом.

Вопрос: Расскажите, откуда Вам известно, что Плотников Михаил Павлович является «Сибирским областником»?

Ответ: Из тех разговоров и бесед которые имели место у меня с Плотниковым М.П. в период нашего знакомства, я сам лично сделал вывод, что Плотников был и есть по настоящее время Сибирский областник, да к тому же Плотников это и сам от меня не скрывал, заявляя о том, что он по настоящее время разделяет взгляды Сибирских областников.

Вопрос: Расскажите откуда Вам известно, что Плотников М.П. является одним из руководителей организации «РОВС» на дальнем Востоке?

Ответ: Я знаю, что Плотников М.П. вошел в состав контр-революционной организации «РОВС» как враждебно-настроенный против Советской власти человек. Это мне было известно от руководителя этой организации в Хабаровске — бывшего царского полковника Погодина. Перед своим выездом из

Хабаровска в город Саратов Погодин предложил мне связаться с Плотниковым М.П. как с членом «РОВС» по работе, этот разговор был в 1933 году.

Вопрос: Когда Вы установили с Плотниковым организационную связь?

Ответ: С Плотниковым М.П. я связался и установил организационную связь, как с членом «РОВС» в 1934 году, при его посещении Института Земледелия, по вопросу продажи в архив Института копии рукописи книги Плотникова по оленеводству на ДВК. Там я имел с Плотниковым разговор, как я уже показывал в процессе которого и обменялись своим участием и принадлежностью к РОВСу.

Вопрос: С кем непосредственно организационно был связан Плотников по работе «РОВС»?

Ответ: По своей контр-революционной деятельности и как руководитель «РОВС» Плотников был связан организационно так же с руководителем РОВС — в Хабаровске — Даниловичем Л.И. с которым на всем протяжении в последствии Плотников поддерживал связь. О причастности Плотникова к РОВСу я и Данилович обменялись при разговорах мнениями, о некоторой деятельности Плотникова, Данилович ставил меня в известность.

Вопрос: Расскажите какую контр-революционную деятельность проводил Плотников М.П?

Ответ: Плотников М.П. очень скрытый человек или вернее конспиративен, а по этому о его деятельности подчеркиваю как руководителя «РОВС» по контр-революционной деятельности я знал очень мало. Мне известно со слов Плотникова и Данилович, что Плотников был связан с членами «РОВС» бывшими офицерами Зайцевым и Максимом Полевым — работниками системы Крайзу.

Зайцев заведывал Отделом коневодства в Крайзу и в течении ряда лет систематически разваливал дело коневодства в крае, в результате Зайцевым были разгромлены коньезаводы и край остался без коньевой базы и без месного ремонта — лошадей для армии.

Агроном Полевой давал не правильные установки по севообороту в сельском хозяйстве края и ряд других мероприятий которыми снижал урожайность в крае. Зайцев и Полевой в контр-революционной деятельности были разоблачены и арестованы. Сам Плотников М.П. участвовал в организации и посылки экспедиции в Нижне-Амурскую область, для изучения перспектив развития оленеводства там. Во главе экспедиции а так же ряд ее участников были антисоветские люди (фамилия их сейчас не помню) о чем Плотников знал, в результате экспедиция провалила всю эту работу, а часть участников ее были арестованы.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о связях Плотникова М.П. с зарубежными организациями «РОВС»?

Ответ: Со слов еще Погодина мне было известно, а позднее со слов и Данилович о том, что плотников поддерживает связь с зарубежными организациями «РОВС» в Харбине, где он имеет знакомых, но как не знаю.

Будучи на вечеринки в квартире Данилович Л.И. на встрече Нового года, как я уже показывал, Плотников в разговоре со мной между прочим упомянул фамилию Краковецкого с которым он знаком и заявил, что «может быть с ним удастся вскором времени увидиться».

Краковецкий Сибирский обласник, один из Мянистров Сибирского правительства в 1918 году, после падения последнего как рассказывал Плотников М.П. был во Владивостоке входил там в качестве военного министра в состав одного из созданных японцами правительств, а в последствии после падения жил в Харбине.

Вопрос: Расскажите на какой почве состоялось знакомство Плотникова М.П. с Данилович?

Ответ: Насколько мне известно, что Данилович и Плотников были знакомы и знакомство их состоялось на почве общности враждебных взглядов к Советской власти, они оба большие чиновники департамента Земледелия царского времени. К тому же их сблизила общая

работа по руководству в организации «РОВС».

Вопрос: В своих показаниях обвиняемый Энгельгардт В.М. и Одерский Э.Ю. заявили о том, что Вы как руководитель «НСЗН» поддерживаете контакт и входите в руководящий состав гражданской организации «РОВС» во главе которой стоят Данилович Л.И. и Плотников М.П. Вы подтверждаете их показания по данному вопросу?

Ответ: Да подтверждаю, но сейчас не помню точно называл ли я фамилии руководителей организации «РОВС» Хабаровске — Данилович и Плотникова, но допускаю, что это могло быть, т.к. в 1936 году Энгельгардт В.М. и Одерскому Э.Ю. я указал на необходимость установления «НСЗН» (национальный союз зарубежных немцев) связи с местными организациями «РОВС» и предупреждал, что такая связь с РОвом Хабаровске установлена мною.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан.

Допрос окончен в 18⁰⁰ 11-го июня 1939 года.

Допросил: Стар. следователь с/части УНКВД млад. лейтенант гос. безопасн. (Петров)

Собственноручное показание арестованного Даниловича Льва Ивановича

Данилович Лев Иванович, родился 2 июля 1877 году в гор.

Петербурге, служащий, б/ партийный, работал экономистом плановиком в ДВ Краевой Плановой Комиссии.

От 14 декабря 1937 года

Считаю необходимым заявить следующее:

В разговорах с знакомым моим Михаилом Павловичем ПЛОТНИКОВЫМ, работником отдела Севера-Далькрайзу, он упоминал, что известный германский фашист РОЗЕНБЕРГ был его товарищем по учебе в высшем учебном заведении в бывшем при балтийском крае /не то в Риге, не то в Дерпте — точно не помню где обучался ПЛОТНИКОВ/. Говорил, что фашизм — это единственный действительный враг коммунизма, что только Германия сможет спасти мир и Россию от коммунизма, что в последнее время она поставила своей целью покончить с коммунизмом и направляет все свои силы на эту борьбу. Говорил, что уже создан IV Интернационал (фашистский) в противовес коммунистическому Интернационалу.

Разговоры это он вел еще в 1936 г., показателен рассказ ПЛОТНИКОВА (уже в 1937 г), как характеризующий его отношение не только к фашизму, но и вообще к народному фронту.

«Сегодня у нас на службе собирали деньги по подписному листу для помощи Испанским Республиканцам. Я подписал 5 и хотел предложить провести подписку в пользу мятежников

— тогда я, конечно, подписал бы последним и гораздо большую сумму».

Далее, в 1936 г. велся разговор ПЛОТНИКОВЫМ, как помнится в присутствии и других лиц, в том числе гр-на ФРИЗЕНДОРФА, об автономии Сибири. Сам ПЛОТНИКОВ коренной Сибиряк, не то из Томска, не то из какого то другого Западно-Сибирского города. Так как при мне этот разговор велся уже второй раз, то я задал ему нарочно вопрос, знает ли он КРАКОВЕЦКОГО и где может тот находится в данное время. Я помнил эту фамилию, как связанную с Сибирскими сепаратистами. ПЛОТНИКОВ ответил, что не знает где КРАКОВЕЦКИЙ, но кто такой КРАКОВЕЦКИЙ он знает. Далее ПЛОТНИКОВ высказал свое мнение, что, мол, «большевики» (это обычное определение ПЛОТНИКОВА в его разговорах о Советской Власти) не придают особого значения областникам или сибирским автономистам. Доказательство этого, по его мнению и по его сведениям является то, что никто из Сибирских автономистов не подвергался каким-либо особым репрессиям со стороны Советской Власти, что автономизация Сибири вещь, по его мнению, как давно существующая в умах некоторых Сибирских патриотов, еще со времен царизма, не является для «большевиков» важной и поэтому ей не придается большого внимания. В конце концов он договорился

до того, что, мол, в случае войны с Японией, Советское правительство повидимому, предусматривает возможность потери Советским Союзом Сибири.

В будущем автономном Сибирском правительстве ПЛОТНИКОВ, при встрече у меня на квартире нового года, будучи под винными парами, даже пытался распределять министерские портфели. Так ФРИЗЕНДОРФУ он намечал пост военного министра, на что тот отвечал, что для занятия поста военного министра, пожалуй, он не подойдет. Мне ПЛОТНИКОВ затруднялся намечать портфель какого либо министра, как неподходящему лицу, но во всяком случае считал, что куда-либо меня можно будет назначить. При этом его роль в будущем автономном Сибирском правительстве выявлялось как премьер-министра.

Время выступления Квантунской армии и образования автономного правительства приурочивалось, по словам ПЛОТНИКОВА к 1937 года.

Данилович

Верно: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ С/Ч УНКВД по ХН МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ПЕТРОВ/

Из протокола допроса свидетеля: Ермаковой Марии Михайловны, 1909 г.р.

Место рождения: село Пудош Пудошский район АКССР.

Место жительства: г. Хабаровск ул. Запарина дом 67.

Род занятий: Оргкомитет Президиума Верховного совета РСФСР по Хабаровскому краю — секретарь председателя.

Социальное происхождение: из крестьян.

Вопрос: Расскажите, Вы были знакомы с Плотниковым Михаилом Павловичем и в чем выражалось Ваше знакомство?

Ответ: С Плотниковым Михаилом Павловичем я была знакома, и вся моя семья с 1932 года и по 1938 год, как с соседом по совместному проживанию в одном доме. Взаимоотношения у меня с семьей Плотникова и самим Плотниковым были нормальные, бывали в квартирах друг у друга примерно до 1935 года, а в последствии наше знакомство стало сходить на низ, при встречах разговаривали но квартиру Плотникова М.П. я не посещала, а так же и он мою.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о антисоветской пропаганде которая имела место со стороны Плотникова по адресу Советской власти?

Ответ: Плотникова Михаила Павловича я знаю, как антисоветского человека, который враждебно настроен к Советской власти и Советскому строю. Это мне известно из следующих его — Плотникова М.П. идейных взглядов, которые он неоднократно высказывал в 1933 году в беседах с моим бывшим мужем Ермако-

вым Иваном Ивановичем, ныне умершим (феврале м-це 1934 года). Плотников М.П. при встречах в квартире у нас или у него — Плотникова с моим мужем всегда заводил разговор на политические темы в котором заявлял, что он ученик и последователь учения Гегеля, а не сторонник Советской власти, но ничего говорил Плотников не поделаешь раз пришлось ему жить при Советском строе.

В период выборов, да и впоследствии Плотников восхвалял и восхищался деятельностью фашиста Гитлера. Мне помнится один раз из разговоров Плотникова с моим мужем Ермаковым, где Плотников заявлял, что фашизм идейно вооружен и основан на философском учении Гегеля, говорил что сейчас идет противопоставление гегелианства — марксизму. Христианство как говорил Плотников пережило себя — это вера для рабов, коммунизм — это вера для недостаточно развитых умов, а фашизм по заявлению Плотникова философское учение, а не вера, это есть возрождение гегелианства — и оно идет на смену Христианству и Коммунизму.

В разговорах Плотников, Гитлера называл умницей и все цело перед ним и его деятельностью преклонялся, был сторонником фашистского строя. Вождей партии и Советской власти, а так же и вождя народов Сталина в разговорах Плотни-

ков сопоставлял с фашистом Гитлером и всячески высмеивал и дискредитировал. Так же отрицательно относился к политике Партии и Советской власти по вопросам коллективизации сельского хозяйства, это он преподносил в таком виде, что дискать если посмотреть животноводческие колхозы в Туруханском крае, то там ничего хорошего нет и не будет.

Кроме этого заявлял, что он — Плотников имеет результаты опытов о скором вызревании пшеницы, которая по его заявлению необходима для Северных районов СССР, но он этот секрет Советской власти не откроет. Одновременно в этом же разговоре Плотников говорил, что многие старые специалисты умерли, но не открыли своих секретов по научной работе Советской власти.

.....

ХАРАКТЕРИСТИКА

Плотников М.П. работал в редакции газеты «Пограничный Водник» в качестве литературного сотрудника со 2 марта по 4 октября 1938 года. Как сотрудник он очень писучий, т.е. много давал материала в газету. С его стороны имелись нехорошие т.е. рваческие тенденции, он доходил чуть ли не до торговли в оплате гонорара. В общественной жизни не принимал никакого участия, однажды летом коллектив редакции и типографии ездил на субботник, он не поехал. За короткое пребывание он мало

много изучен, но в общем производит впечатление человека со старыми традициями.

Крынин

17/VI-39 г.

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ. УНКВД по ХАБАР. КРАЮ, КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА —
/НИКИШОВ/

27 июня 1939 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/по следделу №-85649/

По обвинению ПЛОТНИКОВА Михаила Павловича, в преступлении, предусмотренных ст.ст. 58-1«а», 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР.

На основании поступивших материалов в Управление НКВД по Хабаровскому краю о том, что проживающий в гор. Хабаровске — ПЛОТНИКОВ Михаил Павлович, бывший «сибирский областник» ведет контрреволюционную деятельность, направленную на свержение Советской власти и установления в СССР власти фашизма и фашистского строя, и что он — ПЛОТНИКОВ организационно связан по контрреволюционной деятельности с бывшим царским офицером — полковником ФРИЗЕНДОРФОМ и бывшим чиновником ДАНИЛОВИЧ /арестованные по другому делу/.

На основании этих материалов 4-го октября 1938 года ПЛОТНИКОВ был арестован.

Произведенным по делу расследованием УСТАНОВЛЕНО:

Показания обвиняемых — ФРИЗЕНДОРФА и ДАНИЛОВИЧ — ПЛОТНИКОВ уличает в том, что до дня своего ареста являлся одним из руководителей ликвидированной на ДВК контрреволюционной организации РОВС /Российского общевоинского союза/ и активным участником «Сибирского областничества», поддерживал контрреволюционную связь с другими участниками названной организации и проводил, как член данной организации, контрреволюционную деятельность.

Основной задачей данная контрреволюционная организация ставила — свержение Советской власти и создания на Дальнем Востоке и Сибири автономного государства под протекторатом Японии /л.д. 107, 147, 148, 157, 184, 185, 197, 198/.

Обвиняемый ПЛОТНИКОВ в своих собственноручных показаниях на следствии заявил, что он с 1914 года и по 1927 год был участником и сторонником общественно-политического течения «Сибирского областничества», которое в 1917 году объединилось с бывшими кадетами, эсерами и меньшевиками и вместе с ними вели активную борьбу с большевиками и Советской властью, при поддержке сибирской буржуазии и интервентов —

чехов. /л.д. 10, 27, 62, 63, 70/.

Далее обвиняемый ПЛОТНИКОВ показал, что он при поступлении на работу в Советские учреждения, всегда выдавал себя, как человек, имеющий высшее образование, т.е. окончивший Рижский политехнический институт, чем обманывал советские учреждения в личных корыстных целях, т.к. в действительности ПЛОТНИКОВ высшего образования не имел /л.д. 101-102, 86, 87/.

Свою контрреволюционную деятельность в последующие годы, как «Сибирский областник» и руководитель контрреволюционной организации РОВС в гор. Хабаровске, ПЛОТНИКОВ отрицает, однако, показаниями соучастников по контрреволюционной деятельности и свидетельскими показаниями ПЛОТНИКОВ достаточно уличен в этом.

Обвиняемые ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ на следствии показали, что перед отъездом в 1933 году из гор. Хабаровска ПОГОДИНА — руководителя контрреволюционной организации РОВС, назвал нам ПЛОТНИКОВА, как одного из руководителей организации РОВС и предложил в дальнейшем установить с ним организационную связь по контрреволюционной работе /л.д. 109, 110, 145, 160, 183/.

Обвиняемые ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ на следствии также показали, что ими в начале 1934 года была установлена

организационная связь с ПЛОТНИКОВЫМ, которую впоследствии ПЛОТНИКОВ поддерживал с ДАНИЛОВИЧ вплоть до дня его ареста. Им же со слов ПЛОТНИКОВА были также известны ряд участников РОВС, которые непосредственно имели организационную связь непосредственно с самим ПЛОТНИКОВЫМ /л.д. 109-110-147, 148, 149, 161, 162, 187, 188, 189/.

Причастность ПЛОТНИКОВА к контрреволюционной организации РОВС и его организационных связях с ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ, подтверждают в своих показаниях обвиняемые ЭНГЕЛЬГАРДТ и ОДЕРСКИЙ /осуждены/ /л.д. 197-198/.

ПЛОТНИКОВ, будучи антисоветски настроенный, систематически проводил фашистскую контрреволюционную пропаганду, направленную на дискредитацию советского строя. Восхвалял фашизм и фашистский строй /л.д. 120, 121, 122, 123, 165, 166, 167, 204, 205, 207, 208, 209, 210/.

В предъявленном ему обвинении виновным себя частично признал /л.д. 10-16/, но впоследствии от своих показаний отказался /л.д.128/, однако, достаточно изобличается показаниями: ФРЕЗЕНДОРФ М.Ю. /л.д. 106-112, 145, 147-152, 155-164/, ДАНИЛОВИЧ Л.И. /л.д. 117-126, 165-167, 183-189, 191-196/, ЭНГЕЛЬГАРДТ М.В. /л.д. 197/, ОДЕРСКОГО /л.д.198/ и свиде-

тельскими показаниями — ГОРБУНОВА И.А. /л.д. 204, 205/, ЕРМАКОВОЙ М.М. /л.д. 207-210/.

На основании вышеизложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

ПЛОТНИКОВ Михаил Павлович, 1892 года рождения, уроженец дер. Каменка, Новосибирского р-на, сын приказчика, служащий, русский, гр-н СССР, беспартийный, женат, со слов не судим, до ареста работал литературным сотрудником редакции газеты «Пограничный водник», В ТОМ, ЧТО является одним из руководителей контрреволюционной организации РОВС /Российского общевойскового союза/ в гор. Хабаровске и участником «Сибирского областничества», проводил контрреволюционную деятельность, направленную на свержение советского строя и установления в СССР фашизма, а также занимался контрреволюционной пропагандой, направленной на дискредитацию советского строя, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-2, 58-10 и 58-11 УК РСФСР, а поэтому руководствуясь ст.ст. 206, 208 УПК РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело №-85649, по обвинению ПЛОТНИКОВА М.П. через Военного Прокурора направить на рассмотрение Военного Трибунала 2-1 ОКА.

Арестованного ПЛОТНИКОВА с сего числа перечислить

содержанием под стражей за Военным Прокурором 2-1 ОКА.

Обвинительное заключение составлено 25 июня 1939 года, в гор. Хабаровске.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕД.
ЧАСТИ УНКВД по ХАБ.
КРАЮ — МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ПЕТРОВ/

«СОГЛАСЕН»

НАЧ. СЛЕД. ЧАСТИ
УНКВД ПО ХАБ. КРАЮ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ВЕСЕЛОВ/

СПРАВКА

1. ПЛОТНИКОВ М.П. арестован 4/Х-1938 года, содержится во внутренней тюрьме УНКВД по Хабаровскому краю.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

3. Личные документы арестованного находятся при деле в особом пакете.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕД.
ЧАСТИ УНКВД по ХАБ.
КРАЮ МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ПЕТРОВ/

СПИСОК

свидетелей, подлежащих
вывозу в судебное заседание

1. ФРИЗЕНДОРФ Максимилиан Юльевич — содержится во внутренней тюрьме УНКВД по ХК

2. ДАНИЛОВИЧ Лев Иванович — содержится в тюрьме гор. Хабаровска

3. ГОРБУНОВ Иннокентий Алексеевич — г. Хабаровск ул. ШЕВЧЕНКО, дом 26 кв.20

4. ЕРМАКОВА Мария Михайловна — гор. Хабаровск, ул. Запарина, дом 67.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕД.
ЧАСТИ УНКВД ХАБ КРАЯ
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС-
БЕЗОПАСНОСТИ
/ПЕТРОВ/

7/сз

Ходатайство

1). Для проверки показаний Фризендорфа прошу вызвать в суд профессора Погодина — работал в Далькрайплане;

сотрудника Далькрайзу Михайлова Николая — отдел охоты.

Гр-ку Марущак (мать) проживающую Запарина №67.

2). Для проверки показаний свид. Горбунова вызвать Кожанова Ивана Ефимовича — работника наркомзема СССР и Иванову Серафиму Мелентьевну — зоотехника-оленовода — сотрудник Института оленеводства в г. Ленинграде ул. Герцена №42.

3). Затребовать том — избр. произведения Есенина (находится в моих документах хранящихся в НКВД). Подтверждает то, что этот том принадлежит Горбунову по которому он декламировал и говорит, что () превратили в концентрационные лагеря.

4). Приобщить к делу Удостоверение Зам. Сиб. отдела народ. хоз. от 1918 г. об утвержд. меня членом коллегии контроля Омской дороги — документ находится в НКВД в изъятых у меня документах.

3/IX-39 г.

Подпись (Плотников)

СПРАВКА

От 9 сентября 1939 года

Представляется Военному Трибуналу НАРП о том, что гр. Михайлов Николай работающий в Хабаровской госохотинспекции в качестве инспектора, в настоящее время проживает в Петропавловске на Камчатке.

Нач. ГОИ подпись

Справка

1. Кожанов Иван Ефимович работал в 1933-1934 г. в Корякской экспедиции по землеустройству отдела землеустройства крайзо в качестве геоботаника. Из Хабаровска выехал в Москву в конце 1934 года, по неточным сведениям сейчас работает в Якутии в одной из экспедиций

2. Иванова Анна Тимофеевна работала в Амурской экспедиции в качестве геоботаника с 1937 по 1939 год, в настоящее время выехала в Москву по декретному отпуску.

3. Что касается Погодина то про такого в крайзо не имеется сведений.

Нач. Управ. Севера Крайзо
(Зайцев)

(Окончание в следующем номере)

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Лукич».

«Юбилейный год»
(по материалам следственного дела В.В. Князева)

Еще год назад трудно было предположить, что опубликованная в 1999 году статья о дореволюционном периоде семьи Князевых¹ может иметь продолжение. Благодаря помощи заместителя начальника Управления ФСБ по Тюменской области А.А. Петрушина и сотрудников Управления ФСБ по Ленинградской области автор статьи смог ознакомиться с материалами следственного дела репрессированного поэта В.В. Князева, в результате стали известны некоторые подробности последнего года жизни нашего земляка.

Наступивший 1937 год для Василия Васильевича Князева был юбилейным — поэту пролетарской революции 19 января по новому стилю исполнилось 50 лет. Радости юбилар не испытывал, потому что с 1936 года в ленинградской квартире Князевых поселилось тревож-

ное ожидание.

Судебный процесс по делу Каменева и Зиновьева² не оставлял сомнений в серьезности намерений карательной машины. Главные фигуранты через несколько часов после вынесения приговора были расстреляны. «Красный звонарь», близко знавший Зиновьева, не мог не понимать, что рано или поздно придут и к нему. По выражению Ахматовой, «наступило время, когда страна привеском болталась возле своих тюрем». Первые страницы газет пестрели заголовками: «Покараем троцкистских прихвостней!», «Уничтожим пособников империализма» и т. п.

¹ Кубочкин С.Н. Загадки семьи Князевых//Лукич. 1999. №6.

² Август 1936 года.

Чтобы заглушить тревогу, он стал чаще выпивать, а выпив — срывался. То, что произошло осенним вечером 15 ноября 1936 года в ресторане клуба писателей, станет последствием веским аргументом против него.

На следующий день на стол ответственному секретарю Союза советских писателей легло письмо, в котором было описано недостойное поведение поэта Князева в общественном месте. Авторы письма, советские писатели Е. Люфанов и Б. Лихарев (в дальнейшем первый станет свидетелем по делу Князева) писали:

«Считаем необходимым довести до сведения Союза следующее: 15/XI с.г. вечером в помещении клуба писателей, член Союза поэт В. Князев вел себя самым безобразным образом. Начиная с сожаления, высказываемого по адресу молодых писателей, которые еще «что-то пишут», Князев заявил, что он не пишет ничего нового уже в течение шести лет исключительно потому, что в наше время писать невозможно. По его мнению существующий режим устарел, хуже режима Николая I.

Больше того, во главе существующего режима стоит глупый, злой азиат Сталин, который смел всех подлинных революционеров, соратников Ленина: Зиновьева, Каменева и других. От социализма, вернее, от Октябрьской революции остались рожки да ножки. Нали-

цо Термидор. Наша эпоха — эпоха красного фашизма.

Князев уверяет, что он ежедневно, еженощно ждет, что его арестуют, уверен в том, что это случится и удивляется, почему этого пока не произошло.

Там, в большом доме, он трусить не будет, а уж «похамит им», пусть расстреляют.

Жить стало просто невыносимо.

Эти и подобные умозаключения Князев проповедовал в присутствии Люфанова и Лихарева, сидевших с ним; эти же умозаключения слышали и некоторые официанты ресторана. Князев даже похвастался, что подобные разговоры он ведет и в пивных. Там слушатели разделяют его взгляды, чему Князев очень доволен.

Поведение Князева, в прошлом фаворита Троцкого и Зиновьева, конечно, несовместимо со званием советского писателя».

Советские писатели, конечно же, не смогли больше терпеть в своих рядах клеветника на светлую советскую действительность, на руководителей партии и правительства.

Единогласно В.В. Князев был исключен из Союза советских писателей.

Политическая обстановка в стране становилась все более непримиримой к инакомыслию.

10 января 1937 года был расстрелян один из видных старых большевиков Мартемьян Рю-

тин. 23 января начался другой показательный процесс над видными большевиками во главе с Георгием Пятаковым и Карлом Радеком.

Поэтому никто и не вспомнил, что «Красному звонарю» Василию Князеву 19 января исполнилось 50 лет. Ни одной коротенькой заметки в газетах. А может быть, в семье Князевых были даже рады тому, что не вспомнили. Но о нем вспомнят, правда, чуть позже, но вспомнят и придут.

В ночь с 19-го на 20 марта 1937 года раздался звонок в дверь квартиры В.В. Князева. Звонок был неожиданным и давно ожидаемым. Пришли и за ним.

Сотрудниками НКВД был предъявлен ордер на производство обыска и ареста.

Из следственного дела № 23230 по обвинению Князева В.В. по ст. 58 УК.

«Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения. Город Ленинград. 1937 год. 19 марта.

Мл. лейтенант госбезопасности Лупандин УНКВД Лен. области, рассмотрев следственный материал по делу (новое) и приняв во внимание, что гр.

В.В. Князев (фото нач. 30-х г.)

Князев (Седых) Василий Васильевич, 1887 г. р., ур. г. Тюмени, русский, гр. СССР, литератор, исключен из Союза Советских писателей за антиобщественное поведение. Проживает ул. Рубинштейна, 15, кв. 301.

Достаточно изобличается в том, что он занимается активной контрреволюционной деятельностью, ведет систематическую антисоветскую пропаганду среди писателей Ленинграда.

Постановил: гр. Князева (Седых) В.В. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58–10 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда из-

брать содержание под стражей в ДПЗ по II-й категории».

При обыске, произведенном в квартире Князева было изъято:

— «почто-телеграмма № 887 от Троцкого от 2. XI. 20 г.;

— удостоверение № 4537 о службе в поезде Троцкого от 31/Х—1920 г.;

— отношение за № 7510 от 17. VIII. 1918 г. за подписью Зиновьева об отпуске револьвера».

После обыска и ареста была опечатана «одна комната площадью 36 м² с двумя окнами и стеклянной дверью и в ней опечатан один сундук, обитый жестью — комната опечатана печатью управдома».

Но 21 марта, на следующий день после ареста В.В. Князева, в его квартире был произведен повторный обыск, забрали:

1) служебную записку Г. Зиновьева от 29 июля 1918 г. о выдате Князеву В.В. велосипеда;

2) удостоверение № 4677 от 3/ XI. 1920 г., выданное Предреввоенсовета республики Л. Троцким;

3) Переписку разную;

4) Рукопись Князева «Пословичная энциклопедия» в 4-х томах на 1590 страницах и несколько других рукописей;

5) Переписку с сыном и женой.

Последними в списке изъятого значатся «бумажные кредитки николаевские».

Из анкеты арестованного В.В. Князева

«...Род занятий — персональный пенсионер с 1930 г.

Профессия — писатель, не член п/союза.

Служба в царской армии и чин — не служил.

Служба в белой армии и чин — не служил.

Служба в Красной Армии — служил в 1919 г³.

Социальное происхождение — мещанин.

Политическое прошлое — в партиях ни в каких не состоял.

Партийная принадлежность — беспартийный. Был членом ВКП(б) с 1918 г., но в 1924 г. выбыл добровольно.

Образование — самоучка.

Состоял ли под судом — не состоял.

Состояние здоровья — инвалид II группы.

Состав семьи:

Жена Князева Евдокия 49 лет, домохозяйка.

Сын Князев Василий 23 лет, 2 арт. бригада.

³ В профсоюзном билете В. Князева на последних страницах есть его карандашные записи. В графе «Прохождение службы»: «неоднократно работал в политотделах, ездил на фронты для выпуска летучек органа 7-й армии «Боевая правда». Выпускал газету в ночь взятия Кронштадта (благодарность в приказе). В дни Юденича и позже — коммунистический боевой взвод 2 гор. района и пр. На фронт бойцом не пускала партия, потому что в 18–20 гг. было только два боевых поэта — Демьян Бедный и я, Князев».

Сестра Князева Евдокия 48 лет, учительница, г. Тюмень».

В доме предварительного заключения, куда был доставлен арестованный Князев, в день ареста был проведен и первый допрос. За все время следствия их будет только два. Два коротких допроса, в общей сложности состоящих из 7 вопросов.

Из протокола допроса

Князева В.В. 20 марта 1937 г.

«Обвиняемый — Князев Василий Васильевич, 1887 г. р. г. Тюмень. Сын купца. Отец имел в г. Тюмени два магазина. До и после революции — литератор. Жена Князева Евдокия Петровна — домохозяйка, сын Князев Василий Васильевич — отбывает действительную военную службу в Ленинграде; сестра Евдокия Васильевна Князева неизвестно где; сестра Головина Мария Васильевна — в Горловке.

Образование домашнее, в размере средней школы. Состоял в РКП(б) с 1918 по 1924 г., выбыл по собственному желанию. В 1907 году сидел под арестом в течение 1 месяца за школьные беспорядки.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что до момента ареста вели контрреволюционную работу. Дайте показания по данному вопросу.

Ответ: Никакой контрреволюционной работы я не вел.

Вопрос: Вы даете неправильные показания. Следствию известно, что Вы вели система-

тическую контрреволюционную пропаганду. Давайте правдивые показания.

Ответ: Признаю, что в беседах с окружающими я высказывал свои контрреволюционные взгляды и выражал свое враждебное отношение к Сталину.

Ответы записаны с моих слов верно и мною лично прочитаны. В. Князев.

Допросил оперуполномоченный мл. лейтенант ГБ Лупандин».

Следующий допрос последовал лишь через две недели.

Из протокола допроса Князева В.В. 4 апреля 1937 г.

Вопрос: Дайте показания о характере Вашей связи с расстрелянным за контрреволюционную деятельность Зиновьевым Г.Е.

Ответ: С Зиновьевым Г.Е. я познакомился в 1918 году в Смольном, один раз был у него дома. Выполнял поручения Зиновьева по своей литературной работе. Я всегда пользовался покровительством Зиновьева и работал под его руководством до 1924 года. В последний раз я виделся с Зиновьевым на похоронах его жены Лилиной.

Вопрос: Дайте показания о Вашей связи с Троцким Л.Д.

Ответ: Осенью 1920 года, по распоряжению Троцкого Л.Д., я был вызван в Москву, был принят им и от него лично получил предложение поехать с ним на Южный фронт. Во время поездки я все время выпол-

нял литературную работу в поезде⁴ Троцкого Л.Д.

Вопрос: Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности. Дайте показания по существу данного вопроса.

Ответ: Я высказывал свои контрреволюционные взгляды в среде писателей и работников литературных организаций. В этих высказываниях я подвергал контрреволюционной критике политику ВКП(б) и советского правительства. В этих высказываниях я выражал также свою резкую озлобленность против Сталина.

Вопрос: Вы культивировали в окружающей Вас среде вражду и ненависть к руководителям ВКП(б) и правительства. Признаете Вы это?

Ответ: Признаю, что мои контрреволюционные высказывания действительно содержали в себе злобу и ненависть к руководителям ВКП(б) и Советского правительства и в осознанности к Сталину.

Вопрос: Назовите лиц, среди которых Вы вели контрреволюционную пропаганду.

Ответ: Я высказывал свои контрреволюционные взгляды в присутствии целого ряда лиц, главным образом литераторов, в том числе, в присутствии Лавренева Б.А., Семенова С.А., Люфанова, Аптекмана А.И.».

Второй и последний допрос обвиняемого закончен. У следствия больше вопросов не было.

Один из его «доброжелателей» Евгений Дмитриевич Люфанов, 1908 г.р., уроженец г. Моршанска быв. Тамбовской губернии, писатель, член Союза советских писателей, сын крестьянина, образование среднее, в качестве свидетеля был допрошен 4 апреля 1937 года.

Из протокола допроса свидетеля Люфанова

«Вопрос: Вам известен гражданин Князев В.В.?

⁴ Поезд Троцкого — особое воинское подразделение, сформированное в августе 1918 г. Бронепоезд представлял собой передвижной штаб командования фронтами, на котором нарком по военным делам, председатель реввоенсовета Троцкий выезжал в районы боевых действий. В составе поезда на 1919 год находилось 235 человек, в том числе канцелярия Троцкого — 8 чел., команда связи — 32 чел., медицинский персонал — 4 чел., типография — 15 чел., 3 взвода солдат, пулеметная команда, паровозная и кондукторская бригады, смазчики, проводники, электромонтеры, слесари и даже прислуга вагона-ресторана. В поезде Троцкого были телеграф, радио, библиотека, баня и гараж с шестью автомобилями. В типографии поезда печатались в виде листовок приказы наркомвоенва, а также газета «В пути». Поезд разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал. Комиссия «Красный подарок» при ВЦИК Советов не только передавала поезду Предреввоенсовета подарки для раздачи их на фронте. Для красноармейцев поезда она выделяла спортивный инвентарь, спортивную форму, шоколадные конфеты «Трюфели», «Флери яблочные» и др. общим весом более 180 пудов.

Ответ: Князева Василия Васильевича я знаю примерно с 1929 г. В прошлом Князев В.В. был близок к расстрелянному Зиновьеву Г. Е. и пользовался его полной поддержкой и покровительством. Не помню сейчас от кого, но я слышал, что Князев В.В. в период гражданской войны работал в поезде Л.Д. Троцкого. Князев В.В. состоял в Союзе Советских писателей и в ноябре 1936 г. был исключен за антиобщественное поведение.

Вопрос: Что Вам известно о контрреволюционной деятельности Князева В.В.?

Ответ: Мне известно враждебное отношение Князева В.В. к советской системе. Князев вел открытую контрреволюционную пропаганду среди писателей и работников литературных учреждений. Мне лично приходилось слышать контрреволюционные высказывания Князева В.В. в Доме писателя им. Маяковского. В своих контрреволюционных высказываниях Князев выражая свое враждебное отношение к советской системе, заявлял о том, что «в советских условиях литераторы лишены возможности писать, что существующий режим невыносим».

В своей контрреволюционной пропаганде Князев брал под защиту осужденных руководителей троцкистско-зиновьевской террористической организации, называя их подлинными революционерами, что

после их уничтожения от Октябрьской революции ничего не осталось. В своих контрреволюционных клеветнических заявлениях Князев В.В. говорил, что осуществляемая в СССР жесткая диктатура ВКП(б) является ничем иным, как фашизмом, что налицо термидор.

Свидетелями контрреволюционной пропаганды Князева В.В. являлись очень многие лица, посещающие дом писателей им. Маяковского и некоторые из них, в том числе и я, заявляли об этом руководителям Ленинградского отделения Союза писателей».

Другой свидетель — Семенов Сергей Александрович, 1893 г.р., уроженец Ярославской губернии, писатель, член Союза советских писателей, образование низшее, на допросе 11 мая 1937 года поведал, что «о контрреволюционных высказываниях Князева В.В. широко известно в писательской среде и об этом иногда говорилось на собраниях и заседаниях Ленинградского отделения Союза советских писателей. Особенно усилилась контрреволюционная пропаганда со стороны Князева В.В. примерно с ноября 1936 г.». Показания Семёнова почти слово в слово повторяли показания Люфанова и вполне изобличали поэта Князева в контрреволюционной деятельности.

28 мая 1937 года следствие по делу Князева Василия Ва-

силевича было окончено, о чем ему было объявлено под расписку.

Обвинительное заключение по следственному делу № 23230-37 г. гласило:

«В марте 1937 г. 4 отд. УГБ УНКВД Ленинградской области был арестован за контрреволюционную деятельность литератор Князев В.В., бывший член ВКП(б) с 1918 по 1924 г., б. Член ССП, исключенный из Союза за контрреволюционные высказывания.

Следствием установлено, что Князев В.В. систематически высказывал свои контрреволюционные взгляды в среде писателей и работников литературных организаций. В этих высказываниях он подвергал контрреволюционной критике политику ВКП(б) и Советского правительства. Кроме того, Князев В.В. в своих высказываниях выражал резкую озлобленность и ненависть к т. Сталину.

На основании изложенного обвиняется: Князев Василий Васильевич в том, что он на протяжении ряда лет систематически проводил среди писателей и литературных работников контрреволюционную агитацию. В своих высказываниях подвергал контрреволюционной критике политику ВКП(б) и Советского правительства, одновременно культивируя вражду и ненависть к руководителям ВКП(б) и правительства, в особенности к т. Сталину.

Князев Василий Васильевич в предъявленном ему обвинении полностью признал себя виновным и уличается показаниями свидетелей, а посему полагал бы: следственное дело № 23230-37 г. по обвинению грна Князева Василия Васильевича в пр. пр. ст. 58, п. 10, по согласованию с пом. прокурора Ленинградской области направить на рассмотрение спецколлегии Леноблсуда.

Пом. нач. 10 отделения IV отдела, лейтенант госбезопасности Резник».

8 июня 1937 года состоялось подготовительное заседание специальной коллегии Ленинградского областного суда в составе: председательствующего Королькова, членов: Петрова и Чехова, с участием прокурора Розанова.

В результате слушаний было определено.

«Дело принять к производству спецколлегии Ленинградского областного суда. Обвинительное заключение утвердить.

Предать суду Князева Василия Васильевича по ст. 58-10. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты в г. Ленинграде 11 июня с. г. под председательством Королькова».

Но в назначенный срок, из-за неявки свидетелей, слушание дела отложили на 14 июня, повторив вызов свидетелей. Мэру пресечения обвиняемому оставили без изменения.

Судебное заседание 14 июня 1937 года было недолгим.

После оглашения обвинительного заключения обвиняемый Князев сказал: «Виновным себя не признаю, я от мозга костей являюсь советским человеком, но я близок с Зиновьевым не был, я ездил с поездом Троцкого в 1920 году 2 недели. Я говорил, что при условиях советского строя литераторы лишены возможности писать. Но я не помню, чтобы я Троцкого и Зиновьева называл подлинными революционерами. И не помню, чтобы я говорил, что после их уничтожения от революции ничего не осталось. Я говорил словами героя моего романа о том, что у нас существует красный фашизм».

Из протокола судебного заседания от 14 июня 1937 г.

«Свидетель Люфанов: «Показания свои, данные на предварительном следствии подтверждаю. В ноябре 1936 года в клубе Дома писателей им. Маяковского я сидел с Вихоревым, подошел к нам обвиняемый Князев, который сказал: «В наших условиях писателю очень трудно, существующий режим тормозит работу, говорил, что от революции у нас сейчас ничего не осталось, страной управляет злой жестокий азиат Сталин, от завоеваний русской революции остались рожки да ножки. Каменев, Зиновьев, Троцкий были настоящими подлинными рево-

люционерными, что у нас существует красный фашизм».

И вдруг Князев, видимо, поняв бесполезность сопротивления, обреченно произносит: «Свидетель Люфанов очень правдивый человек, ему можно верить».

Судебное заседание окончено.

Когда обвиняемому было предоставлено последнее слово, Василий Васильевич сказал: «После издания книги Погодина «Аристократы» я написал заявление о том, что у нас в Союзе писателей много контрреволюционеров, которых надо взять, а меня первым. Меня наказать конечно нужно, но свое преступление я считаю несерьезным».

После короткого совещания, был оглашен приговор.

Из приговора по делу № 10853/23230.

«Материалами предварительного и судебного следствия виновность Князева В.В. доказана в том, что он будучи враждебно настроен к Советской власти в ноябре месяце 1936 г. в помещении клуба Дома писателей им. Маяковского вел контрреволюционные разговоры в присутствии свидетеля Люфанова и других — грубо оскорбительно отзывался о руководстве партии и правительства, выступал в защиту репрессированных членов троцкистско-зиновьевской банды, клеветал на положение совет-

ских писателей, на советский строй и ВКП(б), т.е. Князев В.В. совершил пр. пр. ст. 58–10, ч. I УК, спецколлегия приговорила:

Князева Василия Васильевича по ст. 58–10, ч. I УК лишить свободы на пять лет с 19 марта 1937 г. с последующим поражением его в правах сроком на три года. Мэру пресечения ему оставить содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован в спецколлегию Верховного Суда РСФСР в течение 72 часов с момента вручения приговора осужденному».

Не обжалованный в течение 72 часов, он вступил в силу.

Тюменский краевед Л. Полонский в своей статье «Дело № 42270»⁵, рассказал о своем знакомстве с личным делом В.В. Князева № 42270 Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей. Из этого дела известно, что Князев в октябре 1937 года в трюме парохода был перевезен из Владивостока в Магадан.

«Следуя по этапу из Магаданского пересыльного пункта в ОЛП Мальдяк з/к Князев Василий Васильевич, № 135075, ст. 58–10, ч. 1, срок 5 лет, во время пути следования этапом оставлен в поселке Атка 4. XI. 37 г., 10.XI.37 г. скончался в 20 ч. 15 мин. Диагноз: порок сердца, декомпенсация III, атеросклероз, обострение ревматизма».

Заключительный документ из дела № 42270:

«В/секретно. Начальнику УСВИТЛ НКВД.

При этом высылается акт о смерти и дактилоскопический оттиск пальца на умершего з/к Князева В.В.

Князев В.В. с партией з/к следовал в ОЛП УГПС и по болезни оставлен в пос. Атка, где и умер».

Документы бесстрастно свидетельствуют, что Василий Васильевич Князев умер в пос. Атка Магаданской области 10 ноября 1937 года в 20 ч. 15 мин.

В декабре 1938 года со своего поста был смещен нарком внутренних дел Николай Ежов, его место занял Лаврентий Берия. Число арестов резко сократилось, были отложены в сторону начатые дела. В обиходе появилось слово «перегиб».

Константин Симонов вспоминал, что «начало деятельности Берии было связано с многочисленными реабилитациями, прекращением дел и возвращением из лагерей десятков, если не сотен, тысяч людей».

У родственников осужденных появилась надежда увидеть своих родных. Скорее всего, именно этим объясняется наличие в деле № 23230 документов, датированных 1939 годом. Не имея сведений от В.В. Князева, не зная, что его нет в живых уже полтора года, его родственники для подачи кассационной жалобы наняли адвоката.

⁵ Тюменская правда №186, от 13 августа 1989 г.

27 июля 1939 г. адвокат Я.И. Мазель подал заявление председателю Ленинградского областного суда, в котором просил разрешения на ознакомление «с делом Князева В.В., осужденного в 1937 г. по ст. 58–10 УК».

На следующий день, т. е. 28 июля 1939 г., заместитель председателя областного суда Алексеев запросил в УНКВД Ленинградской области «уголовное дело № 23230/10853-37 г. по обвинению Князева В.В. по ст. 58-10 УК», направленное на хранение 19.7.37 г.

Еще один документ в деле — короткая записка — позволяет считать, что Василий Васильевич-младший был женат в 1937 году.

«Сим удостоверяю, что свекор мой Князев Василий Васильевич при свидании сообщил мне, что находясь в тюрьме после вынесения приговора он лишен был возможности подать жалобу ввиду того, что администрацией тюрьмы ему было отказано в выдаче бумаги и карандаша.

14.11.1939 г. Г. Князева».

В Ленинградский областной суд от адвоката Мазеля Якова Исааковича, защитника обвиняемого Князева В.В., поступило заявление следующего содержания.

«14.6.1937 г. Князев В.В. осужден по ст. 58–10 УК по делу № 10853/37 г. к 5 годам лишения свободы с поражением в правах по п.п. «а» и «б» ст. 31 УК на 3 года.

Кассационная жалоба осужденным Князевым своевременно не была подана из-за того, что администрация тюрьмы не дала ему бумаги и карандаша.

Прилагая при сем кассационную жалобу и считая мотивы, послужившие основанием к пропуску кассационного срока уважительными, настоящим прошу восстановить срок на подачу кассационной жалобы.

26 ноября 1939 г. Адвокат Мазель».

28 ноября 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Леноблсуда в составе члена суда Лебедева и народных заседателей Иванова и Михненко ходатайство адвоката Мазеля Я. И. о восстановлении кассационного срока на обжалование приговора признала обоснованным.

Суд определил: «ходатайство удовлетворить, восстановить кассационный срок на обжалование приговора Лен. обл. суда от 14.6.37 г. по делу Князева В.В.».

В кассационной жалобе, изложенной адвокатом Мазелем, приговор назван неправильным по следующим основаниям.

Во-первых. «Обвиняемый Князев В.В. поэт по профессии, активно сотрудничал в дореволюционной прессе, как в либеральной (журнал «Сатирикон»), так и в большевистской.

Во-вторых. С начала Октябрьской революции Князев В.В. активно примкнул к боль-

шевистской повременной и периодической прессе, будучи основным сотрудником организованной т. Володарским в г. Ленинграде «Красной Газеты», под псевдонимом «Красный Звонарь», «Говвакия», «Седых» и др.

Перу Князева принадлежат такие произведения как «Никогда, никогда коммунары не будут рабами», особо отмеченное тов. Лениным В.И., на смерть тов. Урицкого и др. вошедшие в хрестоматию для средней школы, сборники истории гражданской войны...

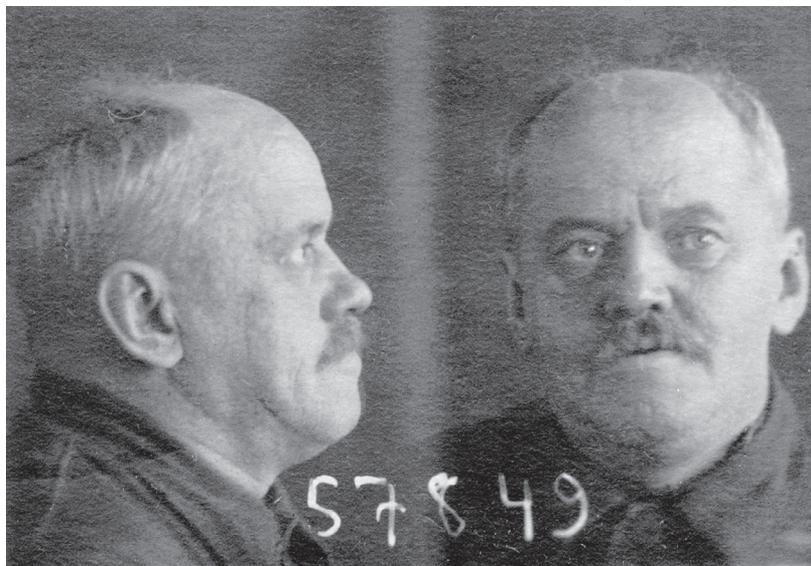
Обращаясь к стихотворению Князева «Глубокая старость» — видно, что поэт переживает творческий кризис, когда поэту казалось, что он испи-

сая и тем самым окончил свою творческую деятельность, хотя переход всех поэтов от поэзии к прозе является делом всех больших и малых литераторов нашей страны.

Надломленность и тяжелые творческие переживания толкнули Князева к ненадлежащему поведению в быту».

В-третьих. «Политическое лицо поэта и писателя определяется его творчеством: «Я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек». В. Маяковский».

Дальше к делу приложены отзывы, письма и краткие рецензии советских писателей на роман Князева «Деды».

Последняя фотография В. Князева. 1937 г.

Отзыв Михаила Зошенко

«Тов. Князев, твой роман «Деды» мне понравился — написан занимательно, типы любопытны, особых минусов не нашёл. Кое-какие мелочи вполне исправляются при переиздании.

Октябрь 34 г. Мих. Зошенко».

Отзыв В. Саянова

«Василий Князев — писатель, много сделавший для советской литературы. Он широко известен, как поэт, но и прозаическая его работа заслуживает внимания.

«Деды» — большая эпопея, над которой тов. Князев работает уже несколько лет. Эту книгу необходимо издать, так как материал, изученный тов. Князевым, очень интересен. «Деды» написаны хорошим, выразительным языком, легко читаются и, несомненно, будут иметь успех у читателя.

20.10 — 34 г. В. Саянов».

Письмо Л. Соболева

(без даты)

«Дорогой Василий Васильевич.

Прочитал твоих «Дедов» и помня, что ты просил сообщить мое о них впечатление, пишу. Во-первых. О тебе, как о «начинающем прозаике», как ты любишь выражаться: очень хорошо, если бы все так «начинали».

Книга — ярка, жива, впечатляюща. Язык ее порой смущающе сбивающийся на взволнованный авторский монолог,

держит в напряжении все время. Образы: страшные люди, страшная эпоха. Это хорошо, что так: ненавидишь их и вместе с ними конченную эпоху.

Но ненависть эта разжигается неверным, по-моему, показом ребят: они очень славные, просто дети, а не сучьи дети, каковы они есть на самом деле. Из этого отнюдь не следует, что рекомендую тебе одну ядовитую краску для всех персонажей книги.

Отнюдь. Но ты обязан был уловить (и показать) перспективы их развития, обреченность в данной среде. Они могут быть очень славными детьми, но автор (и читатели вместе с ним) должен все время ощущать трагическую и закономерную порчу этих детей средой, воспитанием и навыками будущих хозяев.

В этом же разрезе уж очень много тепла отпущено тобой на роман Быкова и Кэт.

Все же остальное: образы Батяя, Степана, Жеребцовой, адвоката (особенно), сцены разгула, скарденности, мрака, весь жуткий паноптикум сибирского купечества — превосходно.

Очень хорош и профессор — путаник гуманист, карась-идеалист в щучьем пруду.

С нетерпением жду второй книги. Она необходима не только потому, что интересна мне, как читателю. Она необходима потому, что первая книга только экспонирует образы, все же их закономерное развитие и все изжитые точки над *i*, не по-

ставленные в первой части, — оставлены для второй.

Привет. Л. Соболев»

Но никакие положительные отзывы о творчестве поэта, старые заслуги перед революцией не смогли изменить приговор суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в заседании 16 декабря 1939 года определила: «просьба осужденного об отмене приговора является неосновательной и не может подлежать удовлетворению, т. к. приговор судом вынесен в соответствии с материалами, добытыми по делу и нет оснований для отмены приговора.

А поэтому судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определяет: приговор Ленинградского облсуда оставить в силе, жалобу осужденного без удовлетворения».

На этом уголовное дело № 23230/10853 закончено.

Самый поздний и последний документ в деле В.В. Князева — это справка о реабилитации от 30 июня 1992 года.

«Гражданин Князев Василий Васильевич.

Год, место рождения — 1887 г. гор. Тюмень.

Литератор, исключен из Союза Советских писателей. Арестован 19 марта 1937 года, осужден 14 июня 1937 года Ленинградским областным судом по ст. 58 ч. 1. УК РСФСР к 5 годам лишения свободы, с последующим поражением в правах его на три года.

На основании ст. 3 и ст. 5 закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, гр-н Князев Василий Васильевич реабилитирован.

Помощник Генерального Прокурора Российской Федерации Г.Ф. Весновская».

Он был реабилитирован через 55 лет после своей смерти. И последним годом его жизни стал 1937 год, год его 50-летнего юбилея.

Почти три года ушло на поиск материалов о Князеве в архивах Тюмени, Екатеринбургa и С.-Петербурга, встречи с родственниками поэта, с родственниками людей, которые когда-то знали его отца. Многое удалось узнать, но, несмотря на это, еще многие вопросы семейной хроники Князевых остаются без ответа. Думается, что это лишь дело времени.

Салымские остяки

(Из материалов к этнографии южных остяков)*

Настоящий очерк — результат двух поездок на реку Салым: одной, сделанной по зимнему пути с реки Демьянки в верховья до юрт Айдаровых в 1909 году, и другой, летней, по всему течению Салыма вверх от устья до истока и обратно в 1911 году. Последняя поездка сделана по поручению и на средства Тобольского губернского музея.

Кратковременность этих поездок, которые первоначально предполагалось дополнить третьей, не могла не отразиться на полноте очерка. Пишущий тем не менее решился издать его ввиду крайней скудности данных о салымских остяках в литературе; насколько известно, они сводятся к упоминанию вскользь отдельных сведений в следующих трудах: U.T. Sirelius «Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen», его же «Über die Sperrfischerei bei den finnisch — ugrischen Völkern», его же «Muster der Ostjaken und Wogulen auf Birkenrinde und Fell», Dr. Janko J. «Einnahmen und Ausgaben eines ostjakischen Haushaltes», его же

«Über die Quadratstichstickerei bei den Ostjaken», С.К. Патканов «Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Тобольского округа», его же «Die Irtyschostjaken und ihre Volkspoesie», его же «Vocabularium dialecti ostjacorū regionis fluvii Irtysch», К. Karjalainen «Ostjakkeja oppimassa».

А.А. Дунин-Горкавич «Север Тобольской губернии». Статьи в ежегоднике Тобольского губернского музея Б.Н. Городков «Поездка в Салымский край» со «списком растений, собранных на р. Салыме в 1911 году»; последние две статьи посвящены вышеупомянутой поездке в 1910 году, так же, как «Краткое сообщение о поездке на р. Салым» Л.Р. Шульц.

Недостаток средств, к сожалению, не дает возможности иллюстрировать очерк и издания имеющейся съемки Салыма, а отсутствие общепринятого для транскрипции урало-алтайских языков шрифта нуждается к передаче остяцких имен русским алфавитом.

* Текст воспроизводится по изданию «Записки Тюменского общества научного изучения местного края: Вып. I. Тюмень, 1924. (С.166–200). Комментарии к словам, имеющим цифровой надиндекс, приводятся по вышеуказанному источнику.

Наименование отдельных групп остяков по обитаемым ими рекам, принятое почти всеми исследователями, не является случайным; реки в северной части Тобольского уезда, а также в Сургутском и Березовском, являются почти единственными путями сообщения, по которым и расположены населенные пункты. Остяки, проживающие по отдельным рекам и их притокам, почти все говорят на общем наречии и живут в более или менее одинаковых бытовых условиях, отличаясь в то же время от жителей других речных бассейнов, часто смежных, но в то же время изолированных друг от друга трудно проходимыми водоразделами. Остяки, проживающие по Салыму, в общем по своему наречию и по быту могут быть отнесены к так называемым «иртышским». Сюда, кроме остяков, обитателей Иртыша, принадлежат жители реки Демьянки с ее притоками, р. Чиликанки, обитающие по Конде с притоками, по Согому, по низовью р. Назыма и по Оби, в пределах от устья Салыма до устья Иртыша.

Обширная территория, заселяемая салымскими остяками, или вернее занимаемая их промысловыми вотчинами, расположенная вдоль реки Салыма, приблизительно между $60^{\circ}30'$ и $61^{\circ}15'$, т.е. границами ее служат болота на водоразделе между Салымом и Иртышом с запада; между Салымом и Де-

мянкой, вернее, ее притоком Кеумом — с юга и такие же водоразделы между Салымом и Юганом, между средним течением Салыма и малым Балыком с востока; на севере границей служит протока под названием Салымская Обь, или Большой Салым. По весьма приблизительному подсчету площадь этой территории составляет от 10 до 12 тысяч квадратных верст; орошается или, вернее, осушается она рекой Салымом или ее притоками.

Река Салым, по-остяцки «Содом», берет свое начало из Моровского сора и протекает в преимущественно меридиальном направлении к северу около 200 верст до своего впадения в обскую протоку под названием Салымская Обь; считая же по всем многочисленным извилинам, длина Салыма составляет около 360 верст. Название Салым река получает, начиная с места слияния с рекой Ай-Содом, или Пайманковой — Малым Салымом, до этого места она называется «Торсап». Салым летом и зимой не может быть назван многоводным, зато весенний подъем воды достигает громадной высоты для сравнительно небольшой реки и мелкого рельефа местности: у устья Ай-Содома и на Вандрасе разность между меженным и высокими горизонтами достигает четырех сажен.

Во время такого подъема бассейны Салыма, Большого Юга-

на и Демьянки сливаются в одно непрерывное водное пространство, в котором более возвышенные места являются островами; встречаясь на востоке с разливом Васюгана, они образуют часть так называемого Васюганского «моря» с Демьянкой и посредством ее с Иртышом. Салым сообщается и не во время половодья через речку Чечгут-его, протекающую из озера (сора) Чагирева, из которого в свою очередь по рекам Немечь и Кеум попадают в Демьянку. Главнейшие притоки Салыма: слева — Вандрас, Пулу-яг и Малый Салым (р. Савкони́на), притоки справа — река Вавликова (впадает в Соровской сор), р. Пайманкова, или Малый Салым.

Крупных озер в присалымском краю мало, зато тем больше число староречий, часть которых успела обратиться в озеро; те из них, которые сообщаются с рекой во время подъема воды, остяки зовут «уре», глухие же зовут «маге».

Зимой Салым наравне с большинством северных вод подвергается так называемому замору, или горению.

Вода в это время темнеет, приобретает неприятный вкус и запах и становится непригодной для питья и для обитания в ней рыбы, которая тогда массой собирается около ключей со свежей водой, так называемых живунов.

Замора не бывает в некоторых глубоководных озерах, как Кинитусовский сор и Чагирев сор; зато в них наблюдается другое явление: во время больших морозов, когда лед достигает значительной толщины, он сразу с шумом трескается, распадаясь на отдельные глыбы, как бы от взрыва.

Весь Салым протекает в зоне высокоствольных лесов; по характеру растительности берегов он может быть разделен на три части: в верхней части преобладают заливные луга, пригодные для покосов с разбросанными по ним группами хвойного и лиственного леса¹. Для средней части типичны правильно чередующиеся с ярами чисто прымые пески. Выше песков тянутся в несколько параллельных рядов гривы, поросшие ближе к воде тальником, а выше — лиственным и хвойным лесом. Хороших лесов по Салыму мало; чисто сосновые бора встречаются редко, главным образом по верхнему течению. По среднему течению встречаются довольно крупные кедровые леса, отчасти сохранившиеся от опустошительных пожаров 60-х годов, отчасти вновь появившиеся и вытеснившие березовый и осиновый лес на местах старых гарей.

Из фауны Присалымья известны только те животные, которые имеют то или иное значение для промысла или хозяйства

¹ Подробные данные о растительности по Салыму см. Б.Н. Городков «Ежегодник Тоб. музея», вып. XXI 1912 г.

остяка; об остальных почти совершенно не имеется сведений, в особенности это надо сказать по отношению к энтомофауне.

Из млекопитающих наиболее важные: медведь бурый (*ursus arctos*), медведь-муравейник (*ursus formicarius*), росомаха (*gulo borealis*), лисица (*vulpes vulgaris*) трех разновидностей: белодушка, сиводушка и чернобурая; соболь (*martes zibellina*), куница (*martes abietum*), метис соболя и куницы, так называемый «кидос, колонок» (*mustela sibirica*), горноста́й (*mustela erminea*), ласка (*mustela vulgaris*), выдра (*lutra vulgaris*), белка (*sciurus vulg.*), заяц-беляк (*lepus variabilis*), северный олень (*cervus tarandus*), лось (*cervus alces*), редко встречается волк (*canis lupus*), рысь (*lynx vulg.*), барсук (*meles vulg.*), бурундук (*tamias striatus*) хотя обыкновенен, но не имеет промыслового значения, так же, как и белка-летяга (*pteronomus vulgaris*), которая сравнительно редка.

Из птиц тетерев (*tetrao tetrix*), глухарь (*tetrao urogallus*), рябчик (*bonas betulina*), белая куропатка (*lagopus alba*), многочисленные породы уток (*anas boschas*, *anas penelopa*, *netta rufina*, *fuligula cristata*, *clangula*, *glaucion* и др.), гусь серый (*anser cinereus*), лебедь-кликун (*cygnus musicus*), гагара большая (*colymbus arcticus*) и малая (*colymbus septentrionalis*), считаемая остяками как священная птица; сравнительно редок

вальдшнеп (*scolopax rusticola*), зато кроншнеп (*numenius argoatus*), бекас (*scolopax gallinaga*), дупель (*scolopax major*) встречаются в изобилии, но их не промысляют.

Из рыб, водящихся в Салыме и в озерах, важнейшие: щука (*esox lucius*), чебак (*cyprinus lenciscus*), мегден (*cyprinus dobula*), карась (*carassius carassius*), язв (*cyprinus idus*), налим (*gadus lota*), окунь (*perca fluviatilis*), редко встречаются сравнительно ерши (*acerina cernua*) и линь (*cyprinus tinca*), сырок (*coregonus vimba*) водится в самых глубоководных озерах и отличается несколько от речного, моксун (*coregonus muksun*) и нельма (*coregonus nelma*) встречаются в низовых Салыме и в Салымской протоке.

Из гадов обыкновенна лягушка (*rana*), которой имеется несколько видов; змеи представлены гадюкой (*pelias berus*), ужом (*propidonotus natrix*).

Как весь почти север Тобольской губернии, Салымский край был заселен издавна, об этом свидетельствуют многочисленные городища и могильники, разбросанные повсюду, а также отдельные археологические находки. Среди городищ можно различить два типа: одни из них обычно занимают высокие прибрежные мысы на больших реках и озерах, господствующие над окрестностью, такие городища укреплены одним или несколькими рвами и ва-

лом сильных профилей; другие, в большинстве случаев небольших размеров, расположены среди болот или около озер, в глуши и в стороне от главных водных путей.

В Салымском краю встречаются городища только второго типа.

Не вдаваясь в определение того, кто именно были обитатели этих городищ и производители или владельцы находимых вещей (народ ли «сибир», по мнению С.К. Патканова, или югра, по мнению Лерберга, Дмитриева и др.), можно полагать с большой вероятностью, что это не были остяки, и с уверенностью, что они имели тесную связь, если не были тождественны, с современными им обитателями Оби и Иртыша. Сходство и тождество находимых по Салыму бронзовых изделий с такими же по Оби и по Иртышу может быть объяснено предположением о привозе их из общего источника, но груды обломков керамической посуды, иногда не вполне отделанной, заставляют думать, что она производилась на месте, а ее техника и орнамент совершенно одинаковы с обской и иртышской. Не исключена также и возможность того, что предки остяков умели обрабатывать металлы и выделывать гончарную посуду, и что это умение утрачено впоследствии,

но этому противоречит предание, общераспространенное среди всех остяков: оно приписывает их, так же, как сооружение городищ и могильников, народу ар-ях, который остяки определенно отличают от своих предков ханда-ях.

Против единства ар-яхов и остяков говорит и то, что на городище-могильнике около Кинтусовского озера среди черепов брахио- и суббрахиоцефальных, какие у современных остяков, находят долихоцефальные, какие у остяков не встречаются. О том, что этот могильник служил раньше местом погребения ар-яхов, а позже остяков, говорит также предание среди жителей юрт Кинтусовских.

О себе и о заселении Салыма остяки говорят следующее: недалеко от Салыма, на возвышенности среди болота лежит городище Нюром-Вож (болотный городок), в старину в нем жил богатырь (по-остяцки «урт») Емин-Тув-Ике² с четырьмя помощниками и двумя женами, все вместе они именуется «ас-икаве», т.е. обские старики. Их потомки, носящие название «вар-пух-ях», и потомки другого богатыря «ай-урт» являются коренными жителями юрт Кинтусовских, старейшего остяцкого селения на Салыме; к ним переселились в разное время остяки с Иртыша, с Юга-

² Ике — старик, множест. — икаве и икае (старуха), обычные эпитеты остяцких божеств и героев фольклора.

на и с Демьянки. После пришествия русских и оскудения охотничьих угодий часть жителей Тарханской, или, как ее раньше звали, Колпуховской волости переселилась в верховья Салыма, основав там юрты Соровские, Айдарские, Вавликовы, Тимкины, Алабердины и Пайманковые. Из них Тимиковы и Вавликовы вымерли; жители юрт Пайманковых переселились в низовья Салыма на урочище Сивохраб, то есть Налимий яр, основав юрты Сивохрабские, а единственный оставшийся житель юрт Алабердиных поселился вместе с остяком-юганцем на месте бывших юрт Пайманковых.

Жители юрт среднего течения Салыма, согласно преданию, пришли с Оби и поселились на Салыме раньше тарханцев, они образовали юрты Аламины, бывшие Маклаковы, Милясовы, Сулины, Старомирские, Варламкины, Рымовы, Лемпины и на Малом Салыме — Савконины; к ним также переселялись остяки, иногда издаля, как, например, из Нарымского края, или даже татары из юрт около Тобольска. Не имея, к сожалению, документальных данных о переселении остяков с Иртыша на Салым, можно все же найти подтверждение предания в том, что вышеназванные юрты, несмотря на то, что они находятся на территории Сургутского уезда, в административном отношении принадлежат к

Нарымской волости Тобольского уезда, а в нее в числе прочих вошла бывшая Тарханская.

Некоторое различие в говоре жителей юрт по верхнему и среднему течению также говорит за разность происхождения. Дальше, сейчас еще в пределах Тарханской волости на Иртыше имеется протока Тимкина, одноименная с вышеупомянутыми юртами на Салыме. Относительно юрт Кинтусовских интересно отметить, что усадьба так называемых вар-пух-ях находится на самом высоком месте, никогда не затопляемом, чему подвергается остальная часть юрт в годы больших вод; это говорит за правильность предания о первенстве их поселения.

Наконец о приходе жителей юрт среднего течения с Оби свидетельствует их принадлежность к Тундринской волости и общая с ней тамга «вохсар» (изображение лисицы), в то время как у жителей верхнего течения тамга вообще отсутствует так же, как у остяков, живущих по Иртышу. Кроме всего, вышеизложенное положение подтверждается тем обстоятельством, что верхнесалымскими остяками почитается один общий тонх (божество — покровитель рода), а жителями Среднего Салыма — другой. Всего в 1910 году по Салыму с притоками было 12 юрт с числом дворов от 1—10 и с населением в 254 остяка; из них 127 мужского пола и 127 женс-

кого, против 270 душ (136 мужского и 134 женского) в 1891 году. Кроме них, в юртах Кинтусовских живет одна русская женщина, принявшая не только остяцкий язык в качестве разговорного, но и разделяющая все верования остяков; в юртах Лемпиных проживает один татарин. По поводу его приема в общество приходилось слышать от остяков, что татар (хатан) они почитают за родню. «Старики друг у друга невест брали», «на одной площадке плясали», «хатан для нас первые люди», — говорили остяки. Если припомнить, что остяки Тарханской волости³ вели свое происхождение от татар, то такое отношение остяков к татарам может тоже служить косвенным указанием на тождество тарханцев и салымцев верхнего течения.

Выше уже было упомянуто, что говор остяков юрт Соровых, Кинтусовых и Айдарских несколько иной, чем у жителей юрт ниже по течению; к этому надо добавить, что различие настолько незначительно, что они совершенно свободно говорят друг с другом так же, как с придемянскими остяками. Намного больше, по их же словам, разница с наречием юганцев, которые каждую зиму прикочевывают с оленями к Салыму. В антропологическом отношении, насколько можно судить без измерений, незаметно

разницы между жителями верховой и среднего течения. Салымцы роста ниже среднего и среднего, особой высокого роста не наблюдалось. Телосложение в общем пропорциональное, хотя у иных мужчин как будто замечается некоторый перевес в развитии туловища и рук в ущерб ногам; это может быть объяснено тем, что, провозая почти третью часть жизни в лодке, остяки работают маховым веслом, причем нижние конечности бездействуют. Остяков, производящих впечатление особо сильных людей, не встречалось; это видно между прочим при сравнении салымских сторожевых луков с такими же остяко-нарымца — последние никто из салымцев не мог натянуть.

В движениях салымцев замечается некоторая неповоротливость и неторопливость, которая при привычных остякам работах искупается выносливостью и целесообразностью приемов, указывающих на долголетнюю и преемственную тренировку. Женщины по сложению своему также несильные, с мало развитой грудью и бедрами. Ступни ног и руки у них небольшие, несмотря на тяжесть и обильные работы. Монголообразные черты (монгольский веко, скуластость и пр.), найденные некоторыми исследователями у остяков, в салымцах мало или совсем незаметны, и если сказыв-

³ См. Г.Ф. Миллер «Описание Сибирского царства». С.-Петербург. 1787.

ваются, то больше у женщин. Это, между прочим, не мешает некоторым из молодых и детям быть вполне благообразными. Глаза почти у всех темно-карие, голубовато-серые пришлось заметить только в одном случае — у остяка Борисова, одного из «вар-пух-ях» юрт Кинтусовых и в то же время единственного обладателя светлых волос. Является ли данный случай атавизмом, указывающим на светловолосых до остяцких предков, или это просто продукт новейшего смешения с русскими, сказать, конечно, трудно. Две родные сестры Борисова — темноглазые и черноволосые, как все салымцы.

Чаще, чем у других остяков, попадаются среди салымцев мужчины со сравнительно обильной бородой. Лиц, изуродованных оспой, очень мало. Трахома, сильно распространенная по Конде и по Оби, по Салыму совсем не встречается. С явными следами люэса пришлось видеть только одного остяка.

У салымцев, как у большинства остяков-рыболовов, имеются селения зимние и летние. Первые из них служат постоянным местожительством и расположены недалеко от реки или старицы, но в то же время вне пределов весеннего разлива; вторые, обитаемые только во время рыбного промысла, стоят непосредственно у воды. Все, без исключения, юрты имеют в самом близком соседстве небольшую речку, носящую стереотипное

название Пухтын-Яга, то есть «деревенская речка», или Ай-Яга — «малая речка». На таких речках обычно устраиваются запоры, на которых мордами промышляют рыбу для ежедневного употребления в пищу.

Зимние юрты представляют собою группу разбросанных в беспорядке строений. Дворов как комплекса связанных общей оградой строений нет. В недалеком расстоянии от жилого дома стоит обычно хлебная печь и большой, вмазанный в глину котел для вытопки рыбьего жира и варки корма для собак. Там, где держат овец, для них устраивают помещения из жердей также недалеко от дома; дальше стоят амбары обычного вида и амбары на ножках для хранения разного домашнего имущества и запасов. Один из амбаров служит для помещения домашнего бога. Еще дальше находятся пригоны для лошадей; в тех юртах, где имеются бани, их ставят обычно на самом краю, около речки.

Жилые дома мало чем отличаются от изб прииртышских крестьян. В юртах Соровых они срублены из соснового леса, в юртах ниже по течению — из елового или пихтового, а изредка и из кедрового. Большинство домов состоит из одного сруба с сенями, но имеются и несколько пятистенных домов. Вокруг домов не устраивают завалин, стены срублены обычным способом в чашу.

Материалом для покрытия жилых домов служит тес, большей частью уже пиленный; колотые плахи редко встречаются в более старых домах в качестве материала для полов. Крыши на всех строениях, кроме овечьих хлевов, двухскатные. В жилых домах крыши обычно устроены на стропилах, причем стропильные ноги чаще всего делают из молодых еловых деревьев, у которых один из корней оставлен в виде крюка, поддерживающего отливину. Охлупень делают также из елового бревна, но потолще, на конце его служит коньком корень, обделанный то в виде птицы (тетерева в юртах Милясовых и Лемпных), лебеда в юртах Кинтусовых, то конской головы (в юртах Сивохребских), или похоже на корабельный роострум (в юртах Кинтусовых). Двери делаются из плах и подвешиваются на железных петлях — работа русских кузнецов. Расположению входной двери относительно стран света значения не придают. Двери запираются висячими замками на время отлучки хозяев для рыбного промысла на Обь, в остальное время их не запирают. Окна небольших размеров везде застеклены. Окон, обтянутых брюшиной, какие часто встречаются по Иртышу и по Демьянке, по Салыму не замечается. Вместо зимних рам во время морозов снаружи вставляется льдина. Большинство домов отапливается

чувалами, поставленными на сруб из плах в один-два венца. Чувал ставится около одной из стен, но не в самом углу, и очень редко против входных дверей; в промысловых же избах он всегда устраивается в углу. Свободным углом пользуются для помещения запаса дров, а с другой стороны почти везде пристроен большой вмазанный котел, топка которого выведена в чувал. Материалом для устройства чувала служат неочищенные от коры жерди таловые и осиновые; их схватывают в трех местах обручем из черемухи, затем их обмазывают в несколько приемов глиной, помятой ногами, с прибавлением конского навоза. Для придания более красивого вида не совсем еще обсохший чувал натирают просеянной золой. Обмазку зимой приходится часто подновлять, для этого держат в избе запас талой глины. Часть чувала, выходящую на крышу, в защиту от дождя обматывают берестой. На ночь закрывают чувал изнутри деревянным кругом, подпираемым палкой.

Амбары бывают двух родов; одни старого типа устраивают на ножках. Ножки делают или из круглых обрезков бревна с врубленным перехватом в защиту от мышей и крыс — такие вкапывают в землю, или же из нижней части ели и березы, срубленной вместе с корнями, — такие только подравниваются и ставятся в нужном месте,

не углубляя их в землю. Такого рода амбары называются «топас», другие, стоящие на земле, — позднейшего происхождения и носят русское название амбар; материалом для покрытия амбаров служит исключительно береста; отдельные листы ее придерживаются часто наложенными поперечными жердями, схваченными с продольными хомутами так же, как в жилых домах. Для подъема в амбары на ножках и на крыши домов служат бревна со сделанными в них зарубками.

Пригоны для крупного скота состоят из прясла и открытого кругом навеса, на котором складывают зимой запас сена. Наиболее архаическим типом из современных построек являются овечьи хлева. Их строят из жердей, поставленных наклонно вершинами, вместе, как остов чума, и обложенных навозом и землей; иногда такие хлева почти круглые в основании, но чаще продолговатые и несколько углубленные в землю. Интересно было бы проследить, поскольку эти постройки являются наследием дорусского периода. Старинное остяцкое жилище-землянка (мыг-код) в селениях не встречается, но служит до сих пор обиталищем во время охотничьего промысла в урмане; только в юртах Сивохребских один остяк устроил землянку в качестве постоянного жилья.

Неизбежной принадлежностью каждого селения являются

отдельно стоящие печи, по форме тождественные с такими же татарскими (миуц), без трубы, с обратным пламенем, сложенные из необожженного кирпича; обычно рядом с печами ставят большие котлы «калташихи», где варят пищу собакам; над теми и другими часто устраивают небольшую крышу.

Внутреннее убранство домов салымцев мало чем отличается от такого же у менее зажиточных крестьян-русских в волостях ниже Тобольска, если не считать чувала и котла, которые напоминают татарские жилища того же Тобольского уезда. В одном из углов, противоположном дверям, обычно расположены скамьи, а между ними стол. Иконы имеются во всех домах и размещены, как у православных крестьян-сибиряков, — в углу. Чаще всего встречаются иконы Богородицы и чудотворца Николая, особо почитаемого, которого, как по Иртышу и по Конде, зовут «Микул-иге», т.е. Николай-старик. Нередко можно увидеть небольшой, подвешенный к стене шкаф, в котором хранят посуду и всякую мелочь. Люльки подвешиваются к крюку из лосиного или оленьего рога, прикрепленному, в свою очередь, ремнями к кольцу, привинченному к матке. Люльки двух типов: одна дневная, более короткая, с высокой спинкой, рассчитанная на полусидячее положение ребенка; другая — со спинкой значитель-

но низшей, предназначается для сна ночью. Как та, так и другая делается из дерева (спинка и дно) и сосновой или еловой драни (бока), сшитых ремешками или веревками. Берестяных люлек не приходилось видеть, но говорят, что делают и такие. Кровати имеются в большинстве домов, ими пользуются старшие члены семьи, реже встречаются нары, такие, как в татарских домах, но обычно устроенные повыше. Встречаются часто табуретки, реже стулья со спинками своей работы. Там, где дом состоит из двух половин, причем иногда еще с перегородкой, так называемую чистую, или белую, половину стараются сохранить в чистоте, правда, довольно условной, но не меньшей, чем у соседей русских. Насекомые всех родов, кроме черных тараканов, неизвестных здесь, составляют, по-видимому, необходимую принадлежность всех домов. В юртах Рымовых пришлось удивиться образцовой чистоте в большинстве домов. Начисто выскобленные полы, косяки и лавки напоминают скорее дом крестьянина-старобрядца с Исети или с Тобола, чем остяцкое жилище, если бы не специфический запах сушившейся рыбы и квашеных рыбьих внутренностей, из которых добывают жир для приправы кушанья.

Летом живут и спят охотно в амбарах. Во-первых, в них прохладнее ввиду отсутствия

окон, да и домашних насекомых меньше, от комаров же вполне спасает полог из выстиранного ситца, который имеется в каждой семье.

Для освещения пользуются почти исключительно керосиновыми лампами небольших размеров, свечи покупные очень редки, а лучиной совсем не пользуются.

Из посуды самой ценной является самовар, который имеется в каждом доме так же, как покупные чашки, блюда и несколько тарелок. Самодельной посуды мало: несколько берестяных чуманов, сделанных довольно неискусно, пара-другая деревянных блюд и чаш, тоже грубой работы, и большие ложки-черпаки, которые русские наравне с остяками зовут «кэуль».

Утвари, приготовленной из бересты, салымцы имеют немного и невысокого качества. Как по прочности, так и по чистоте отделки и по украшению салымские пайвы, чуманы, корбки и прочее далеко уступают изделиям обских, ваховских, аганских и других остяков, достигших в этого рода изделиях высокого совершенства. Названный орнаментов по бересте не знают. Также не делают теперь уже давно кожаных узорных вещей, и то немногое, что встречается, выменено и куплено у юганских и пимских остяков. Пища салымских остяков довольно однообразна. Хлеб давно уже вошел в обиход, хотя

старики вспоминают, вернее всего, с чужих слов, те времена, когда хлеба не было; при этом такое воспоминание обычно ассоциируется с такими же бывшими тогда голодовками, когда ели все, вплоть до ремней и кож. Второе, а временами и первое место в пище занимает рыба. Преимущественно употребляется мелкая рыба, добытая близко от селения мордами; среди нее преобладает почти везде чебак (*leucyhetis rutilus*). Рыбу чаще всего варят, а иногда и жарят с рыбьим жиром на сковороде. Ее же коптят и в то же время сушат в горячем дыму под особым навесом, получая так называемый «шамыс». Шамыс, или, как иртышские крестьяне его зовут, «кунак».

Много употребляют в пищу щучины, причем из более крупных щук делают поземы; для этого срезают чистое мясо вместе с кожей со спинного хребта щуки и сушат его на солнце, делая предварительно неглубокие поперечные надрезы до кожи.

По мнению остяков, это самый вкусный вид рыбной пищи, который подносят почетным гостям для угощения и как гостинец. Много рыбы сушат на солнце и ветру, из нее составляется главный запас на зиму; таким способом, между прочим, охотно сохраняют карасей. В юртах Кинтусовых не едят налимов, водящихся в сору Еминтув, считая их священными, а в юртах Сивохребских налимов

не едят вообще, в других же юртах налимов употребляют в пищу.

Более ценные сорта рыбы, добываемые в низовьях Салыма и в протоках к Оби, целиком сдаются немногим скупщикам русским, также сырок из озера Емин-тув.

Мясо лосей и оленей раньше употреблялось в значительном количестве, теперь его добывают редко, едят его вареным или вяленым.

Довольно значительным подспорьем в питании является птица, добытая летом и вообще до холодов, пока ее нельзя хранить для продажи; главным образом, это утки и тетерева.

Как лакомство едят бруснику, клюкву, морошку, малину, княжнику, которая встречается редко, черную и красную смородину, а также черемуху и рябину. Чтобы ягоды хранили впрок, кроме клюквы и брусники, которые замораживают, не приходилось слышать.

Перед каждой едой или во время ее непременно пьют чай, которого вообще употребляют много. Чай исключительно кирпичный. Сахар, ввиду его дороговизны, употребляется не всегда, зато соль является обязательной приправой всех мясных и рыбных блюд.

Грибов салымцы, как и все остяки, не едят, кроме мухомора, который раньше, судя по рассказам, был в большом ходу как наркотическое средство.

Сейчас нам известен только один остяк, съедающий зато до 21 мухомора зараз. Мухоморы едят в сушеном виде кусочками и запивая глотками холодной воды, так же, как это делают по Иртышу и по Конде. Через некоторое время после приема наступает икота и опьянение, по-видимому, соединенное в высших стадиях с галлюцинациями, так как опьяненный, по его словам, видит и слышит разговоры разных сверхъестественных существ. Число 21 имеет значение как кратное семи — числа, пользующегося особым почетом у всех остяков. Вышеупомянутый остяк, хотя не очень еще старый, производит впечатление физически дряхлого и психически ненормального человека.

Небольшое сравнительно значение в питании салымских остяков имеет скотоводство и продукты его. Больше всего овец, но и их так немного, что редко приходится колоть какую-нибудь из них. Коровы имеются теперь только в юртах Лемпиных и Сивохребских, и они дают ничтожное количество молока, употребляемого в свежем виде. Домашней птицы совершенно нет, если не считать единственного петуха в юртах Сорových, оберегаемого для жертвоприношения; зато весной собирают яйца диких уток и гусей, добывая их иногда очень много.

Табак-махорку, а чаще так называемую линейку, курят все

мужчины и большинство женщин постарше, молодые девушки и дети не курят, чем отличаются от соседних прииртышских русских и остяков. Курят из трубок самодельных и покупных. Меньше нюхают табак; чтобы его жевали, как делают, например, кондинские и северные остяки, не приходилось видеть.

Сравнительно немного, но зато очень неравномерно употребляют салымские остяки водку; привозят ее на Салым главным образом скупщики рыбы и пушнины, а также арендаторы рыболовных песков в низовья реки, таким образом она попадает туда только зимой. Для большинства салымцев нужно небольшое количество водки, чтобы опьянеть, причем они меняются до неузнаваемости; обычно приветливые и смирные, они, пьяные, становятся придирчивыми и драчливыми, готовые взяться, как, впрочем, все остяки, за ружье из-за пустяков.

Салымские остяки давно уже вышли из той стадии хозяйства, в которой потребность в одежде удовлетворяется своими средствами. Охота почти не дает материала для одежды, и немногочисленные меховые вещи, имеющиеся в их обиходе, — или случайно сохранившиеся старые, или купленные у пимских и юганских остяков при встречах во время сдачи ясака. Холст из крапивы изготовлялся еще недавно, но те-

перь его перестали делать почти совершенно.

Фабричные ткани, готовое покупное платье, овчинные шубы заменили крапивный холст и оленьи шкуры. Праздничный костюм салымского остяка ничем не отличается от такового у приобского и прииртышского крестьянина-русского, если не считать неизбежного шейного платка-косынки, который летом в защиту от комаров надевается на голову под картуз, а чаще и вовсе заменяет последний. Волосы стригут в скобку или коротко, кос уже давно не носят. Рубашка-косоворотка почти совершенно вытеснила рубашку с отложным воротником и прямым разрезом. В будничной одежде своеобразны ноговицы с голенищами из грубого холста при кожаных головках и, ради красоты, с разноцветными вставками из материи в месте скрепления их. Обычно вставляют 3—5 полос красно-синих или красно-черных. Кожу для головок или покупают у русских, или выделывают сами приемами, усвоенными у русских же. Зовут остяки этого рода обувь «ханда-ньир», т.е. остяцкий сапог, в отличие от русского — всего кожного. Для шитья головок употребляют до сих пор нитки из лосиных и оленьих сухожилий, которые каждая хозяйка сама приготовляет; для этого предварительно высушенные сухожилия расщепляют

ножом и полученные полоски обрабатывают деревянной колотушкой, пока они распадутся на отдельные волокна, последние расчесывают деревянным гребнем и сучат на колене в нитки.

Обуваясь, кладут в ноговицу стельки из особого рода осоки, которую сушат, а затем мелко расчесывают, как кудель. Остяцкие меховые шапки-капоры, которые раньше шились самими салымцами, теперь покупаются у соседних остяков, а чаще заменяются суконными самодельными фуражками-бескозырками, похожими на арстантские. Совсем вышел из употребления ошейник из беличьих хвостов (танке-дур), раньше он имелся у каждого охотника, но с тех пор, как скупщики пушнины перестали брать белку без хвостов, он вывелся. Верхней одеждой во время промыслов, даже зимой, служит короткий шабур из грубого холста. Шубы во время лесного промысла не носят из-за тяжести. Несколько больше, хотя, в общем, тоже немного, старины сохранилось в женском наряде. Старинная праздничная рубашка из крапивного холста, вышитая разноокрашенной шерстью и носимая без юбки, вывелась почти совсем.

Очень немного сохранилось также шабуров из самодельного холста с прямым срединным разрезом донизу, на которых шитье расположено в виде поперечных параллельных полос

на груди и треугольником в нижних углах переда, а также по швам и на запястьях так, как на шабуре, изображенном в книге А. Альквиста «Unter Ostiaken und Wogulen». Встречающиеся рубашки не имеют полного шитья, большей частью вышиты только грудь и рукава. Большинство рубах донашиваются как затрапезные, или они хранятся немногочисленными старухами, чтобы служить в качестве савана. Из молодежи никто не вышивает нитками, и только некоторые пожилые женщины знают типы шитья и названия узоров, но и от них приходилось часто получать противоречивые сведения и далеко не такие полные, как, например, на Конде от известной мастерицы Ирины Пахтишевой.

Вышивки по Салыму встречаются всех видов техники, известной у иртышских остяков, то есть ханда-ханчъ, керем-ханчъ, руть-ханчъ, сеvem-ханчъ и эктем-ханчъ⁴. Из узоров удалось собрать следующие и установить для них названия: «морощка» — по-остяцки «морох-сам» (в двух вариантах — в юртах Лемпиных и в юртах Соровских); «хребет осетра» — по-остяцки «сах-тамме» (в юртах Милясовых); «душка от котла» — по-остяцки «пут-нор» (в юртах Соровых) и «пут-вагит» (в юртах Лемпиных); «заячьи уши» — по-остяцки «чавр-пит» (в юртах Соровских, Лемпиных,

вариант в юртах Старомирских); «зерно хлебное» — по-остяцки «тант» (в юртах Соровских); «шишка кедровая» — по-остяцки «нахр» (в юртах Соровских); «мышинный след» — по-остяцки «тэнкр-кур» (в юртах Вилясовых); «журавлиная нога» — по-остяцки «торе-кур» (в юртах Соровских); «мухомор» — по-остяцки «панк» (в юртах Кинтусовских); «лосиная лопатка» — по-остяцки «вое-панкет» (в юртах Старомирских и Лемпиных); «сорочье гнездо» — по-остяцки «сауне-тэгит» (в юртах Милясовых); «глухариный глаз» по-остяцки «йедернай-сэм» (в юртах Айдарских); «оленьи рога» — по-остяцки «ветте-хорангет» (в юртах Лемпиных); «голова» — по-остяцки «ох» (в юртах Старомирских); «воробьиная голова» — по-остяцки «шишкеле-ох» (в юртах Соровских и Лемпиных); «церковь» — по-остяцки «торм-кот» (в юртах Соровских); «щучий зуб» — по-остяцки «сорт-пэяк» (в юртах Сивохребских); «утки» — по-остяцки «васэ» (в юртах Сивохребских); «соболья лапа» — по-остяцки «нъехос-кур» (в юртах Сивохребских); «топор» — по-остяцки «таем» (в юртах Сивохребских); «огниво» — по-остяцки «най-вак» (в юртах Лемпиных и Старомирских); «оленьи кишки» — по-остяцки «ват-онтр» (в юртах Лемпиных); «малые штаны» — по-остяцки «ай-тагем-кюре» (в юртах Лемпиных); «узор

⁴ Подробное описание приемов вышивания см. «Ежегодник Тоб. Губ. музея», XX. «Вышивки остяков нитками по ткани». — Л.Р. Шульц.

бухтами или заливами» — по-остяцки «аугэ-люк» (в юртах Старомирских); «конский след» — по-остяцки «тау-лок» (в юртах Соровских); «старая баба» — по-остяцки «пириш-имэ» (в юртах Лемпных); «каньрас» — инструмент для выделки ложек (в юртах Лемпных); «рох-вак» — подражание оловянному литью на воротниках; «пляшущие остяцки» — «йокта-ханда», «гусь» — «тунги», «две ноги» — «кат-кур», «утка с утятами» — «васэ-отмыш», «змея» — «мыха-воэ» или «ай-пубе»; «утиные следы» — «васелокет».

Некоторые из узоров вышивок встречаются в изделиях из бисера, главным образом в коноплетках и в нашивках на плечах и запястьях рубах. Следующие бисерные узоры в вышивках установить не удалось, как, например, «муравей» — «хачне» (в юртах Старомирских); «вал», или волна — «таге-кюмп», «налимья шкурка» — «сиге-туйен» (в юртах Сивохребских); «бабочка» — «липентай», «солнце» — «хат», «полсолнца» — «чупхат», «половина (продольная) месяца» — «тилиш-пэлек».

Особый интерес представляют те узоры, в которых можно установить заимствование от финских народов Европейской России и от русских. Заимствование двоякое: в одних случаях самый узор и название его одинаковы у остяков и у других народов, в других один и тот же узор носит различные названия

или, наоборот, под одинаковыми названиями встречаются разные узоры. Например, узоры «заячьи уши» и «огниво» весьма распространены в вышивках мордовских и черемисских, совпадая в точности с того же названия остяцким узором. Узоры «морошка» и «щучий зуб» встречаются в вышивках мордвы, мокши, черемис, карелов, а также великоруссов и белоруссов, но называются «цветом яблони», «гребешками» и пр. Остяцкие названия узоров «оленьи кишки» и «глаз глухаря» соответствуют однотипным мордовским названиям «гусиные потроха» и «глаз рябчика», но рисунок их иной.

Было уже упомянуто, что покупные ткани, главным образом ситец, преобладают в женском наряде. Рубашки шьются с прямым грудным разрезом, причем верхняя часть, так называемые «рукава», делается большей частью из ситца, а нижняя — «стан» — иногда из старого крапивного холста, иногда же из купленного у русских. В праздник надевают еще ситцевую кофту, обычно яркой краски, с крупным узором, к ней пришивается полустоячий, шитый бисером или украшенный оловянным литьем воротник (сукин-рох). Полоской бисера также украшены грудной разрез, плечи и запястья. Юбка в будни холщовая, в праздники она из ситца и по примеру прииртышских крестьян делается

из большого количества материала, от 10 до 12 аршин, собранных у пояса сборками.

Непременной принадлежностью праздничного наряда женщин является большая шаль, часто обшитая кругом самодельной бахромой из ниток; ее надевают, складывая пополам, треугольником, таким образом, что два конца опускаются на плечи, а один на спину; ее прототип, так называемая «татарская косынка» (хатань-охчам), на Салыме уже не встречается, так же, как не встречается уже головная повязка из бисера (саравать, татарская «сарауц»).

Бисерные косоплетки, вернее, подвески к косам, сохранились больше других украшений в обиходе салымских девушек; реже заменяют их подвески из бус, а в юртах Кинтусовских вместо них служат бронзовые мелкие археологические находки, которые собирают на берегу озера Емин-тув. Косы заплетают или по-старинному, причем две косы, идущие от висков, соединяются в одну на расстоянии приблизительно около двух четвертей от головы или, по примеру русских, в одну косу у девушек и в две косы у женщин.

Распространенные по Конде и Иртышу ожерелья из бисера, на которых носят крест (пирне-пегет), почти не встречаются, так же, как головное украшение «ох-чундже».

В будничном наряде заслуживают внимания самодельные широкие пояса; их делают из шерсти обычно двух цветов, одна полоса из темной неокрашенной шерсти, а другая из белой шерсти, окрашенной в желтый цвет плауном (*Lycopodium complanatum*), или в красный корнями подмаренника (*Galium boreale*)⁵. Ткут пояса или на ткацких станках, служивших раньше для изготовления крапивного холста, или при помощи доски с двумя параллельными рядами дырок. Пояса около шести вершков ширины и настолько длины, что их оборачивают в несколько раз вокруг туловища над верхней одеждой. Еще носят пояса из материи, украшенной обыкновенными мелкими пуговицами, нашитыми разными узорами.

Ноги обувают в вязаные шерстяные чулки, украшенные вязаными же узорами, и в чирки. Во время ходьбы по лесу и в худую погоду носят такие же ноговицы, как и мужчины.

Рукавицы вяжут и поверх их надевают кожаные голицы; шитых бисером рукавиц, как на Конде, нет.

Оловянное литье для украшения воротников отливают в формы, вырезанные из сосновой коры («хомдат»), которую сверху покрывают берестой. Для вырезывания узора употребляют обыкновенный нож, а для круглых узоров нечто вро-

⁵ С.К. Патканов ошибочно приводит *Galium tinctorium*.

де циркуля из лосиной кости с острыми краями.

Зимой верхней одеждой служат овчинные шубы, иногда крытые какой-нибудь материей.

Самодельные орудия промысла и оружие салымских остяков не отличаются особым изяществом и тщательностью отделки. Особенно это надо сказать про вещи новейшего происхождения. Замечают это и сами остяки, и не раз приходилось слышать, что «старики-де были мастера делать то-то и то-то, а нам уже не суметь». Чем глуше место, чем отдаленнее от русских селений, тем больше вероятности встретить тщательно изготовленные утварь, оружие и орудия.

Необходимейший предмет для каждого остяка — лодка; в ней он проводит чуть не полжизни, а между тем особенно искусных мастеров-лодочников по Салыму нет. Лучшие лодки работают в юртах Кинтусовских, но и те уступают, например, работе юганского остяка, проживавшего некоторое время в юртах Соровских и оставившего после себя несколько обласов. Материалом для лодок служит исключительно осина, таловые неизвестны. Тесла получают от русских с Оби и Иртыша. Остяцкий струг («хандавоттеп»), который, кстати, теперь только при выделке лодок и употребляется, — самодельный, с железком из старых косгорбуш. В отличие от Конды,

Демьянки и Югана, лодки работают без маяков; толщину стенок определяют по звуку, постукивая по ним. Пользуются одинаково как обнабвоенными, так и лодками без набоев. Весла у остяков обычного вида, большей частью с искривленной лопастью, как более удобною в работе; украшенных резьбой и погремушками видеть не пришлось, но говорят, что такие раньше встречались. В конце шестидесятых годов, когда после больших лесных пожаров большинство салымцев вынуждено было жить и наниматься в рабочие на Оби, они научились строить каюки. До того отправлялись на Оби в обласах. Каюки большей частью средней величины с грузоподъемностью пудов на 300—500, преимущественно из кедровых досок и с верхом, крытым берестой. Верхушки каючных мачт и флюгера на них почти всегда украшены резьбой, колокольчиками и флажками. Паруса самые примитивные из четырехугольного куска холста или дерюги. При тяге бичевой надеваются лямки, сшитые из бересты, весьма удобные, так как они не намокают и не дают складок.

То же, что лодка летом, то зимой для салымского остяка собачья нарта. На нартах в течение зимы бабы и подростки везут из леса дрова и на таких же, только несколько больших размеров, нартах мужчины завозят в урман запас для себя и

для собак и доставляют оттуда добычу. Чрезвычайно легкие, они в то же время отличаются крепостью и способны поднять груз пудов в 25 и больше. Вообще по целесообразности и продуманности деталей собачья нарта — одна из лучших вещей остяцкого обихода. В верховьях Салыма работают их хорошо, лучше, чем на Конде и по Иртышу. По величине различают большие нарты и малые «атте-амп-огот» и «чачеке—амп-огот».

При постройке нарты совершенно не употребляется железо: отдельные части связывают между собой решетками и черемуховой саргой, которую перед употреблением в дело вымачивают в теплой воде. Собаки числом до 6 и более припрягаются лямками к черемуховому барану, который благодаря приданному ему выгибу пружинит, как лук, натянутый тетивой, его так и зовут «самоедским луком» — «йоры йогот». Управляют нартой при помощи одной оглобли, идя на лыжах рядом с собаками. Собачья лямка — простая петля, которая надевается на грудь и лежит своим продолжением на спине, где она поддерживается веревкой, идущей через спину и живот собаки. Все виденные нами лямки были сделаны из старой мережи от неводов и подбиты заячьей шкурой, чтобы не натирать кожи. Небольшая сравнительно быстрая езды позволяет не обувать собак, как это делается на севе-

ре. Кроме собачьих нарт, по Салыму имеются еще конные. В верховых юртах конные нарты напоминают несколько русскую кошевку, только узкозадую, на очень высоких копыльях и без отводин.

В низовьях Салыма и по Оби прототипом для конной нарты послужила собачья, но она соответственно грубее сработана. Лыжи салымцев обычного по всей Западной Сибири типа; те из них, которые должны служить весной при ходьбе по насту, делаются из так называемой кремлевой (то есть смолистой) сосны, и тогда они очень тяжелые. Подволоки, т.е. лыжи, подшитые мехом, делают из ели; на подбивку, кроме оленьих и лосиных «кис» (кожи с ног), стали, особенно в низовьях, употреблять жеребьячьи и даже телячьи шкуры. Делается это ради дешевизны и благодаря оскудению зверя. Особенностью салымских (и демьянских) подволоков являются холщовые мешки, или чулки, наглухо прибитые к дереву вокруг дужки для ноги; верхний конец мешка завязывается вокруг колена, таким образом нога и ремень остаются сухими, и снег не может подбиться под ногу. Редко встречаются тунгусского типа лыжи с так называемым «каблуком», то есть выдающейся подставкой для ноги также в защиту от снега. Лыжные палки — койки — двух типов: один с кружком из черемухи, прикрепленный ремнями

к нижнему концу, неокованный; другой — для пользования весной по насту, имеет железный наконечник, всаженный в дерево, охваченное железным или медным кольцом во избежание раскалывания; попадают также наконечники из отростка оленьего рога. Из числа оружия салымских остяков наиболее универсальное и необходимое — нож. Одним из тем же ножом пользуются при еде, на охоте, он же заменяет и струг, и бурав; зашибая его конец, получают «канрас», при помощи которого делают ложки и им же остро отточенным бреются. В настоящее время у салымцев все ножи покупные — русские, отточенные с обеих сторон, в отличие от старого типа ножей, у которых стачивалась только одна сторона, другая же оставалась плоской, так же, как у архаических бронзовых ножей. Ручки ввиду малой прочности покупных часто заменяются самодельными из березового корня или бересты. Ножи носят на поясе в ножнах, сделанных из двух деревянных пластинок, иногда обтянутых кожей, иногда же только соединенных сверху и внизу ремнями. В более старых ножнах к нижней части прикрепляется ремень подлиннее, которым они прихватываются к ноге, чтобы не болтаться на ходу. Все виденные по Салыму ножи и ножны самого простого вида, без всяких украшений. Медвежье копые — ро-

гатина — тоже очень простое: оно состоит из лезвия длиной до полутора четвертей аршина, шириной 1—2 вершка. Нижняя часть лезвия четырехгранная и заостренная, причем грани заострены снизу вверх, этой частью его всаживают в древко длиной около одной сажени, а чтобы последнее не расщеплялось, набивают на него железное кольцо. Лезвия и кольца заказывают русским кузнецам.

У нарымского остяка, проживающего по Салыму, имеется «пальма» тунгусской работы. Ручных луков своей работы нет хороших. Все луки делаются из одной сосны, двойных, склеенных из сосны и березовой пластинки, делать не умеют, и те, которые попадают, куплены на Оби у самоедов. Бьют из ручных луков почти исключительно уток, недавно еще добывали ими белок. Стрелы для уток имеют обычно наконечник развилкой, который делается холодным путем при помощи подпилка из куска железа. На белок употреблялись томары с костяной или деревянной головкой. Теперь стрелы хранятся как попало, раньше их носили в колчане из оленьих кис, который пристегивался к поясу при помощи небольшой деревянной рукоятки. Старые стрелы оперялись перьями орла в три прямые полоски; завитых спиралью не знают, теперь для оперения стрел берут перья и других птиц.

До последних годов на Салыме были в ходу только кремневые ружья, чаще всего тобольской (нижне-филатовской) работы, причем здесь, как и везде на севере, ценят ружья покойного мастера старика Пискунова; теперь кремневки вытесняются берданками, имеется и одна магазинка Винчестера. Стреляют с руки или со случайной подставки, подшошек мы не встречали. Для пьюжа употребляют «шигиц», т.е. мягкую древесную стружку. Белку и других мелких зверей в последние годы стали бить дробью вместо малокалиберных пуль и томаров. Помимо ружей, заряженных жеребьем, для добычи лося, оленя и редко уже медведя, пользуются сторожевыми луками. Размер луков колеблется в довольно больших пределах в зависимости от обычая в данных юртах и силы настораживающего, но как это ни странно — не от рода ожидаемой добычи. Попадают луки, поставленные на выдру, гораздо более крупные и тугие, чем рассчитанные на лося. Устройство сторожевых луков по всему Салыму в общих чертах одинаковое: самый лук делается из смолистой, так называемой кремлевой сосны, а тетива — из покупной конопляной веревки или пряжи; крапиву считают слабой для этой цели. Для настораживания служит деревяшка, которая одним концом при помощи зарубки упирается в лук, а на другом имеет курок,

удерживающий тетиву. Курок бывает различно устроен и устанавливается на желаемом месте деревяшки или при помощи петли-удавки, когда деревяшка гладкая, или глухой петли, когда она с зарубками.

При помощи спуска, соединенного с курком, и петельки лук соединен с «симой», т.е. тонкой веревкой из конского волоса, белого зимой, черного летом, другой конец которой прикреплен к палке, воткнутой по другую сторону тропы зверя, около которого лук поставлен. Задевая «симу», которая никогда не натягивается туго, зверь освобождает спуск и курок в тот момент, когда стрела направлена в убойное место.

Нацеливают лук различно в разных юртах. В юртах Соровских на месте, должествующем соответствовать своей высотой убойному месту добычи, отмеряют по палке сперва высоту колена и затем считают, окладывая при каждом названии по одной ручной четверти: «пубе, взтте, воз», т.е. «медведь, олень, лось», причем если ожидают очень большого лося, добавляют еще до четверти. Милясовские остяки меряют сразу с земли четвертями, считая до четырех, переходя затем на те же названия, как выше сказано. Стрелы употребляют без оперения, для лосей и оленей им дают наконечники треугольные, чаще всего из не толстого листового железа; для выдры употребляют наконечник,

привязанный к древку и имеющий у переднего конца зазубрину, обращенную назад, как у удочки, а на заднем — ушко, к которому привязывают веревку, прикрепленную другим концом к самому луку, так что раненая выдра не может от него освободиться. Те и другие стрелы, немного отступая от наконечника, надрезают настолько, чтобы они, войдя в тело добычи, тут же переломились.

Для ловли горностаев ставят чирканы и шемихи такого же типа, как у татар и крестьян русских Тобольского округа, от которых они, по словам остяков, заимствованы.

Белок ловят еще так называемыми плашками, т.е. двумя досками, из которых одна насторожена над другой при помощи небольшого клина; ставят их аршина на $1\frac{1}{2}$ от земли между деревьями на поперечинах, по которым белки любят перебегать с дерева на дерево.

Петлями добывают зайцев, глухарей, белых куропаток, меньше рябчиков и тетеревей, последних ловят в большом количестве при помощи ям, устраиваемых в таких местах, где на берегу реки или озера имеется галька или крупный песок. Ямы копаются глубокие, до сажени и больше, причем они внизу шире, чем в верхней части. От ямы до ямы, оставляя только узкий проход над

каждой, делают невысокие загорода из небольших деревьев и хвороста. Верхние отверстия ям прикрывают ветками настолько тонкими, что птицы проваливаются в них. Попадают в ямы иногда несколько десятков птиц. Меньше в ходу слопцы для тех же тетеревов.

Остяки юрт Сивохребских добывают уток перевесами, т.е. сетями из тонких черных ниток, которые при помощи блоков поднимают вдоль высоких жердей, последние устанавливаются по краям просеки между рекой и озером. Вечером утки, перелетая с озер на реку, попадают в сети, которые в момент попадания опускают, накрывая иногда целую стаю. Те же остяки вешают на деревьях в пределах разлива выдолбленные обрубки деревьев или часть дуплистого ствола. Некоторые породы уток пользуются такими дуплами как гнездами, из которых остяки достают потом себе яйца.

Рыболовные снаряды салымцев можно подразделить на два типа по своему происхождению⁶. К первому, туземному, принадлежат морды, рукав, запоры и котцы; ко второму — заимствованные от русских летние снасти, т.е. невода, ставные сети и фитили. Удочки и крючковые снасти не в употреблении; только дети промышляют иногда самодельными удочка-

⁶ Подробное описание см. U.T. Sirelius «Über die Sperrfischrei bei den finnisch-ugrischen Völkern» Helsingfors.

ми с крючками из булавок в виде забавы.

В большом ходу зато дорожки, которые во время своих поездок остяки всегда берут с собой и которыми при всяком удобном случае добывают щук и изредка окуней; блесны, распространенной в районе Конды, не знают. Лучшие морды изготавливаются в верховьях и служат для добычи ежедневного запаса пищи себе и собакам в течение круглого года. Рукава имеются только в юртах Сивохребских, где ими пользуются весной во время разлива.

Морда (пун) — необходимейшее орудие рыбной ловли туземного происхождения. В верховьях Салыма, особенно в юртах Кинтусовских, морды делают в совершенстве, хуже работают их в нижних юртах. Морды делаются высотой до одной сажени, материалом для их изготовления служат сосновые лучины (варсагит), которые щеплют при помощи ножа из прямых сосновых обрубков такой длины, какой стена морды. Основа морды делается из таловых ветвей, не очищенных от коры, в виде прямоугольника. В нижнем конце морды с внутренней стороны основания привязывается входная воронка, ее связывают при помощи вязки (нъуч) из кедрового корня, расщепленного вчетверо. Вязка охватывает непрерывной правильной спиралью воронку.

С наружной стороны того же основания привязываются лучины для внешней оболочки морды; они длиной до сажени и выше. Начиная с двух третей высоты, дранцы вгибаются внутрь и связываются верхушками. Сбоку вырезают в стенке морды четырехугольное отверстие для выемки рыбы, которое во время лова закрывается берестой. Морды ставятся около заграждения, более или менее прогонного, в специально приготовленные отверстия (пун-хур) при помощи заостренного кола отверстием вниз по течению⁷.

Рукава (по-остяцки «титъ») употребляются только в юртах Сивохребских во время весенней ловли.

Сенокосение не занимает большого места среди промыслов салымцев. Больше всего они ставят сено в верховьях Салыма, в юртах Соровских имеют много покосов по Тарсапу и в юртах Лемпиных и Сивохребских, где покосы имеются на единоименных сорах. Косят горбушами, косы-литовки хотя известны остякам, но не прививаются, считают, что трава поглубже, во-первых, легче косится горбушей, а во-вторых, ложится не валами, а россыпью и поэтому быстрее сохнет. Что последнее обстоятельство имеет большое значение, видно из того, как ставят сено; его сперва сушат на кольях, а затем кладут между высокими жер-

⁷ Подробное описание снарядов и способов ловли заграждениями см. U. T. Sirelius «Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern» Helsingfors. 1906.

дями, воткнутыми в землю в виде стены, которая легко продувается ветром. Сено идет, кроме прокорма своего скота, еще для лошадей ямщиков, приезжающих за рыбой, ягодой и орехом с Иртыша в верховья Салыма и с Оби в низовья. Кедровый орех по Салыму добывается в незначительном количестве и то в годы урожая, которые чередуются с годами, когда он совсем не рождается. Промышляют кедровые шишки лазом при помощи когтей или колотом, добытый орех сразу чистят и выносят из леса, не оставляя до зимы. Добытую рыбу, пушнину, ягоды и кедровые орехи салымцы сбывают небольшому числу постоянных скупщиков, главным образом торгующим крестьянам Демьянской и Самарской волостей. Раньше вся добыча отдавалась целиком в обмен на товар, в последние же годы остяки стали предпочитать уплату деньгами, которые, однако, редко кому из них приходилось получать, так как почти каждый в долгу у упомянутых крестьян.

Салым — единственное место, обитаемое южными остяками, где сохранились в обиходе старинные меры. По Демьянке старые меры хотя известны, но не употребляются. Мерой длины служит ручная сажень «тэт» — приблизительно около двух аршин; от нее отличают трехаршинную казенную сажень —

«хон-тэт», т.е. ханскую. Остяцкая верста «эдеп» равняется семи русским верстам. Кроме того, существует мера «пут», т.е. котел, соответствующая тому расстоянию, которое можно пройти, пока сварится содержимое котла, очевидно, это было когда-то мерой времени. Расстояние по реке измеряется плесами, причем каждый плес состоит из одного песка и одного яра. При делении предмета на две части, или половины, различают деление вдоль и деление поперек, в первом случае половина называется «пелек», во втором — «чуп». Число семь, как у всех остяков, пользуется особым значением: в семилетние сроки приносят жертвы тонхам; семь или кратное от семи число мухоморов съедается для приведения себя в экстаз, на части, состоящие из семи песен каждая, делятся гимны в честь медведя, семь — число «асикаве», т.е. семьи «емин-тувике», состоящей из его братьев и жен; семь — число жертвенных животных при полном жертвоприношении «йир», и т.д.

Развлечением салымским остякам служат музыка и пляски. Музыкальных инструментов три. Наиболее старинным инструментом считается домбра (нарес-юх); она состоит из корпуса, напоминающего своей формой лодку с раздвоенным концом⁸, крытую декой, с отверстием в середине. Раздвоенные кон-

⁸ В остяцком фольклоре часто упоминается «богатырская лодка с раздвоенным концом». См. С.К. Патканов «Die Irtysch-ostjaken und ihre Volkspoesie».

цы соединены перекладной, на которой при помощи колков из косточек от соболиных (эти считаются лучшими) или беличьих лап притянуты пять струн. Струны делают из сухожилий с ног лося или оленя, ссушенных и смазанных для прочности рыбьим клеем, к другому концу корпуса струны прикреплены петель из таких же сухожилий. Лебедь, вернее журавль (тороп-юх), по словам салымцев, позаимствован у обских остяков, он имеет корпус в виде птицы с длинной шеей, выдолбленной из куска елового дерева вместе с корнем. Лебедь имеет 9 медных струн из тонкой проволоки, идущих от колков в шее лебедя к планке с дырочками вдоль деки. Третий инструмент «хомыз», или губная домбра, как уже показывает название, заимствован у татар и состоит из пластинки костяной или железной с вырезанным в ней узким вибрирующим язычком, который приставляется к губам. Все три инструмента, среди которых хомыз встречается наиболее редко, все чаще вытесняются русской гармонией, на которой остяки хорошо играют как свои, так и русские мотивы.

Большинство плясок носит характер пантомим. Кроме плясок в честь убитого медведя, пришлось встретить в юртах Сивохребских пляску «кур-йокта», т.е. пляску ног; начинается она с того, что под музыку двое мужчин приносят носилки, на кото-

рых лежит третий на спине, покрытый какой-нибудь одеждой. На одну ногу надета рубашка, а в ее рукава просунута палка, которую действующее лицо держит за концы; при помощи ноги и палок он изображает движения и жесты пляшущего человека. Главной причиной успеха «кур-йокта» служит, по-видимому, трудность исполнения, на которую остяки особо указывали. Вторую пляску в тех же юртах остяки называли русским именем «наборщик», при ней пляшущий изображает все действия по забрасыванию невода и собиранию невода, напоминая отдаленно матлёт или английский джиг без их живости. При обыкновенных плясках женщины или мужчины довольно медленно кружатся под музыку гармонии или лебедя, причем, полусогнув ноги в коленях, держат ступни близко одна к другой; женщины при пляске обязательно надевают шаль, надвигая ее далеко вперед настолько, что почти закрывают лицо, а концы придерживают распростертыми руками. Вместе с гармоникой распространились и русские плясовые мотивы, под которые пляшут русскую, и др.

Забавы и игрушки детей салымских остяков немногочисленны. Девочки играют в самодельные куклы, свернутые из тряпок, с лицами из утиных клювов, а иногда из дерева; куклы интересны своим сходством с домашними божками. Игру-

шечные люльки и сани — точные воспроизведения настоящих. Весьма интересной игрушкой является сверло с тетивой, с насаженным на него кругом, точно такое, какое в старину употреблялось для добывания огня путем трения. Мальчики забавляются самодельными луками и стрелами, упражняясь в стрельбе, и удочками с самодельным крючком из куска проволоки или булавки, ими приобили рыбы они добывают не крупные экземпляры. Девочкам небольших размеров берестяные чумашки и кузовья служат для собирания ягод. В юртах Кинтусовских в качестве игрушек нередко служат археологические находки с озера Еминтув. В числе игр пришлось заметить игру в мяч — «пакаль»; перенятую, по-видимому, от русских игру в городки — «чука-чахте», и игру, состоящую в стрельбе из лука — «мора-чахте»; при последней играющие становятся друг от друга сажень в десяти или более и втыкают около себя в землю узкую дощечку. Задача состоит в том, чтобы попасть в дощечку противника. Попавший подвигается к противнику на длину лука и снова стреляет; выигравшим считается тот, кто первый доберется до метки противника. В городки и в мяч играют так же, как русские дети. Дети также забавляются подражанием плясок взрослых в честь убитого медведя, причем стараются

так же наряжаться и исполнять те же пантомимы.

Особых обрядов, связанных с рождением ребенка, у остяков не удалось заметить. Известно только, что мать после рождения считается нечистой и очищается окуриванием бобровой струей или корой ели — «остяцким ладаном», как ее называли остяки. Выше было упомянуто, что в юртах Кинтусовых при рождении мальчика вешают вотивный лук и стрелу, а в случае рождения девочки — ступку для толчения крапивы с пестом и веретешко.

Салымские остяки стараются брать жен по возможности из юрт подальше на Оби, отдавая в свою очередь туда своих невест.

Сватанье не сопряжено с особым обрядом и сводится главным образом к установлению размера калыма, который колеблется в зависимости от зажиточности семьи жениха и приданого невесты. Ограниченное количество невест-остячек привело в общем к непомерному вздорожанию калыма, так что многие остяки остаются холостыми до старости. Из старинных обрядов сохранился между прочим один: когда невесту везут с Оби в лодке, то, проезжая мимо высокого яра Нотьев-рап, стреляют из ружей по направлению к нему; раньше стреляли из луков, о чем говорит самое название (Ньот-стрела). Помнят также, что лод-

ка с невестой украшалась красным сукном и ситцем, и что весла были украшены резьбой и погремушками, в последнее время этого уже нет.

Обычай прятать свои лицо и в особенности босые ноги от мужчин соблюдается салымскими остячками только по отношению к мужчинам-остякам и в особенности по отношению к родственникам мужа. Что для возникновения этого обычая, имевшего целью предохранить жену от покушений со стороны родни мужа, имелась почва, это можно заключить из довольно свободного полового общения между теперешними салымцами. В юртах Соровых известен случай сожительства брата с сестрой. К этому их соседи относятся без особого осуждения, а скорей насмешливо, как, между прочим, русские крестьяне Сургутского уезда, где такие случаи нередки. Такое явление противоречит как будто обычаю экзогамического брака, установившегося среди остяков, и указывает на другой, более древний аналогичный старо-якутский обычай «хотунур», упоминаемый В.С. Серошевским в его «Якутах».

Своих покойников салымцы хоронят, соблюдая также древний обычай, правда, несколько измененный, но все же очень стойкий. Места похорон разные в отдельных юртах. В юртах Кинтусовых, по словам их жителей, старики хоронили своих покойников на старинном мо-

гильнике — городище у озера Емин-тув, причем их клали головой к озеру. Хоронили на доске, обернув труп берестой, на небольшую глубину, судя по находкам. В головах покойника клали стрелы, ножи и другое оружие. Теперь хоронят на другом кладбище в гробах-колодах, а над могилой устраивают сруб в виде домика высотой около $1\frac{1}{2}$ сажени. В головном конце сруба делают маленькое отверстие, в которое покойнику приносят пищу в дни поминок; вместе с покойником кладут вещи, необходимые для него, как-то: топор, нож, огниво и даже самовар; последний послужил между прочим причиной кражи, произведенной демьянским остяком, проживающим в юртах Кинтусовых, и интересно для характеристики салымцев, что, несмотря на общее возмущение этим поступком, о нем никто не довел до сведения властей. Вещи, которые кладутся в могилу, предварительно портят: нож ломают, котелок продырявливают и т.д.; интересный остаток анимизма, так как такая порча делается для того, чтобы убить душу предмета. В юртах Сивохребских на довольно большом кладбище с такими же домиками-могилами на них пришлось видеть поломанные весла и прялки, указывающие на то, что тут похоронен мужчина или женщина. Священник из села Селияровского на Салыме бывает один раз в год и сразу

исполняет тогда все требы: венчает и тут же крестит годовалых детей брачующихся и отпевает давно похороненных.

Налога или штрафа за «скверноядение», т.е. за употребление в пищу во время охоты беличьего мяса, на Салыме, по-видимому, нет, в то время как во многих других приходах он существует.

Все салымские остяки считаются официально и сами называют себя христианами, на самом же деле их верования — смесь христианских и старых языческих, в которых христианский бог и святые отождествляются с божествами остяцкого пантеона и с героями фольклора.

Сохранилось несколько культов: культ Торма, культ предков, культ медведя, а также, по-видимому, следы тотемизма и анимизма. Торм — общеостяцкое мировое божество, изображения которого не делают, он же «Сорпи-сапке», т.е. олицетворение неба и света. Салымские остяки Торма называют богом, а мифического героя Тунк-пак, или Пайрахта — Христом. По рассказу салымцев, Пайрахта совершил ряд чудесных подвигов, из которых особенно популярна охота за шестиногогим лосем (Кут-карт-вое).

Этот лось и поныне виднеется на небе, куда его загнал Тунк-пак, в виде созвездия Большой медведицы, а след его чудесных лыж, на которых он с каждым шагом делал несколь-

ко сот верст, — в виде Млечного Пути, на котором даже заметно, где его лыжи разжались. По другому преданию, Млечный Путь проложен Пайрахтой для того, чтобы служить дорогой птицам при их перелете на юг. О самом Торме знают только общераспространенный среди остяков миф о сотворении земли. Давно, когда все было покрыто водой, Торм плавал по ней в деревянном домике; чтобы сотворить землю, ему необходимо было достать хоть небольшую частицу ее, для этого он велел нырнуть большой гадаре, но она вернулась, не доставши земли, после этого он послал малую краснозубую гадару; дважды она нырнула в воду тщетно, а на третий раз принесла в клюве немного илу, при этом она настолько устала, что у нее от напряжения выступила кровь, след которой до сих пор виден в оперении зоба.

Наиболее цельно сохранился культ предков, хотя и он претерпел известную эволюцию, став из родового культом территориальной группы. Известную долю влияния на культ предков оказало и христианство. Выше было упомянуто, что в юртах Кинтусовских члены семьи Борисовых считают себя и почитаются другими за потомков легендарного богатыря Емин-тувике, Тох-тынь-ике или Токонике. Культ этого родоначальника, ставшего тонхом, носит целый ряд признаков, типичных

для культа предков. Важнейшим признаком, конечно, является то, что право приношений жертв тонху имеют только члены упомянутой семьи Борисовых, и притом мужчины. Запрещение женщинам не только присутствовать при обряде, но даже приближаться к амбару с изображением тонха и проходить по восточному берегу озера, вблизи которого амбар стоит, будет легко понятно, если припомнить, что браки остяков раньше были строго экзогамические, так что жены являлись чужеродками. Одновременно с утратой сознания о принадлежности к одному роду и замены его семьей забылась первоначальная причина запрещения для женщин-чужеродок, сменившись понятием о женщине, как о существе нечистом; в настоящее время кинтусовские остяки, заставляя женщин обходить озеро кругом по западной стороне, мотивируют это тем, что женщины во время менструаций нечисты и могут вызвать гнев тонха. Лишним подтверждением того, что культ тонха был первоначально культом предков, служит то, что вместе с тонхом почитаются его братья, то есть члены того же рода. То обстоятельство, что почитание тонха не ограничивается одной семьей Борисовых, которые, как Варпух-яхи пользуются привилегией приношений жертв, но распространено во всех юртах в верховьях Салыма, позволяет предположить, что в

этих пределах раньше был распространен род потомков тонха. Это тем более вероятно, что в этих же пределах живут остяки бывшей Тархановской волости. Отсутствие родовой тамги и архивных изысканий, к сожалению, не дает возможности судить о принадлежности этих остяков к общему роду.

Весьма вероятно, что, застав на местах теперешнего поселения варпух-яхов и заменив их, они в то же время от них переняли культ тонха и сохранили его до сих пор.

Для культа тонха Емин-тувике со временем выработался целый ритуал, который начинается с изготовления изображения. Каждые семь лет в роще из священных кедров на западном берегу озера Емин-тув из кедровых плах делают изображения тонха, его четырех помощников или братьев и двух жен и одновременно изображения медведя, змеи и юра (значение последнего слова не удалось добиться от остяков, можно только сказать, что это, по-видимому, какое-то водяное животное. С.К. Патканов считает, что юр является водяным жуком-плавунцом). После изготовления фигуры ставят около кедров рощи стол и приносят им в жертву или петуха, или барана, кровью и салом которых мажут им рот; фигура тонха высотой около двух аршин, грубо вытесана. Руки только намечены, ноги вытесаны раздельно, так же, как утрированных

размеров мужской член. Фигуры братьев тонха несколько ниже, одна из них двухголовая, с округлыми, небольших размеров головами. На всех изображениях место сердца отмечено трехгранным углублением.

Следует заметить, что лица тонхов напоминают по общему складу (длинный прямой нос, продолговатое лицо) идолов северных остяков, но отличаются от них прямо срезанной верхушкой головы, в то время как те всегда остроголовые. Изображения идолов, находимых в могильниках и городищах, в том числе и Ар-ях-вож, напоминают современных тонхов, но лица шире.

Рядом в вышеупомянутыми фигурами стоит изображение богатыря Ай-урт, оно меньше, не имеет ни рук, ни ног и голову с округлой верхушкой. В той же роще остяки юрт Цингинских (на реке Немечь, впадающей через Кеум в Демьянку) изготовляют изображение богатыря Салхана, почитаемого ими тонхом.

Из рощи изображения переносят в амбар (тонх-топас), который стоит близ восточного берега озера, на полянке среди густого урмана, поросшей березами после пожара. Амбар имеет вид низенькой избушки с двухскатной крышей и с небольшой входной дверью. На косяках двери вырезаны изображения стражей тонха. Окон в амбаре нет, и в нем даже днем полумрак. У стены против двери

стоит тонх с помощниками, по сторонам пред ним две жены. Лицо тонха покрыто жестяной пластинкой, на которой намечены нос, глаза и рот, последний вымазан кровью и жиром. Все фигуры покрыты куском белого коленика до шеи. Перед тонхами стоит низенький стол, служащий для размещения жертв; тут же рядом небольшой, жестью обитый ящик для денежных приношений. Вокруг стоят и лежат предметы вооружения тонха: железный обоюдоострый короткий меч («атта Кетче») с желобком для стока крови и с раздвоенной рукояткой, сделанной из одного с ним куса типа гальштатских мечей. Один отросток рукоятки обломан, а через другой продето железное же кольцо; дальше — бронзовый, отлитый вместе с рукояткой нож из красной бронзы, сплошь покрытой темной патиной. Нож отточен с одной стороны, как у современных остяцких ножей. Нож, называемый «тит-хур кетче», по преданию носился в рукаве (тит — рукав) и служил для скальпирования убитых врагов. Находящийся тут же железный бердыш напоминает своей формой так называемый татарский «ай-балта», то есть топор с лезвием в виде полумесяца; он обладает чудесным свойством: если рыба плохо заходит с Оби, то стоит только привязать бердыш к лодке, чтобы она шла вслед за ним в Салым. Четвертым оружием является железн-

ный боевой топор небольших размеров с закругленным лезвием, напоминающий и средневековую франциску, и венгерский фокош, и, как они, насаживавшийся на палку. Все предметы, несомненно, древние и носят на себе следы огня; действительно они горели вместе с амбаром во время лесного пожара, уничтожившего большую часть урмана около юрт Кинтусовских. Тут же висят миниатюрные луки (тув-йогит) с такими же стрелами и ступки для толчения крапивы (тув-кир-вай) с пестами и веретена (тув-йенит); это приношения тонху по случаю рождения сына или дочери.

Жертвоприношения, как обычно, у остяков делятся на малые некровавые — «пор», которые совершаются в неопределенное время в случае какой-либо нужды, и на кровавые — «йир», приносимые через определенный цикл лет, именно через семь. Первые состоят из кисловатого пива («пуща»), очевидно, заимствованного от татар («буза»), которое в небольшом количестве варят из овсяной муки; или из кусков ситца и платков, надеваемых на фигуры тонхов, или, наконец, из денег.

Фигуры жен, которые покрыты общим коленкорovým покрывалом, обмотаны материями и тряпками. На голову тонха одеты три шляпы одна на другую; нижняя войлочная шляпа — гречневик — крестьянской работы, а верхняя —

детский суконный картуз; на груди висит оловянное блюдо.

Оружие тонха и жестяное лицо являются наиболее почитаемой частью его изображения. Деревянная фигура меняется каждые семь лет и после выслуги срока складывается лицом вниз на землю около амбара. При совершении некровавой жертвы «хозяин» тонха Борисов ставит перед его изображением деревянную чашу с бузой или с водкой, как это было в нашем присутствии, и говорит, по-видимому, в традиционных выражениях обращение к тонху, а затем высказывает свои пожелания и нужды; в упомянутом случае это была просьба о прекращении лесного пожара, угрожавшего юртам. Остальные участники моления стоят перед амбаром и также молятся. Окончив молитву, выпивают принесенные с собой бузу и водку, причем выливают некоторое количество на землю для угощения «миг-имя» (в буквальном переводе — земляная старуха), т.е. духа земли, или, как его зовут демьянские крестьяне, «хозяин места».

Каждые семь лет тонху должна приноситься большая кровавая жертва — «йир». Ее приносят в особом месте, так называемом «йир-карре», на городище Нюром-вож, в котором по преданию тонх и его братья когда-то жили. Для жертвоприношений съезжаются остяки всех верховых юрт, предвари-

тельно купив в складчину лошадь или, при недостатке средств, овцу. Кровавую жертву так же, как другую, приносит представитель рода Боровых. Часть жертвы, посвящаемая тонху, кладется на маленький столик, состоящий из простого кола с доской на нем, который стоит у подножия большой старой березы.

Присутствовать при таком жертвоприношении не пришлось, из расспросов же остяков выяснилось, что жертвенных животных убивают, перерезывая горло: старинный способ умерщвления при помощи заостренного кола, который в ходу у юганцев, салымские остяки осуждают как жестокий, они же говорили, что раньше полное жертвоприношение состояло из семи животных, но с обеднением населения число жертвенных животных уменьшилось.

Выше упоминался тонх Айурт, «хозяин» этого тонха также проживает в юртах Кинтусовских. Сам тонх хранится почти в таком же амбаре, как Емин-тув-ике, на той же восточной стороне озера. Атрибутом этого тонха служат две археологические находки, свалившиеся, по рассказам остяков, с неба. Первая из них круглая пластинка из белой бронзы диаметром около $3\frac{1}{2}$ вершка с выпукло отлитым геометрическим орнаментом своеобразного стиля; вторая тоже белобронзовая привеска в виде па-

лочка 2–2,5 вершка с двумя лосиными головами, симметрично расположенными на концах и с ушком на середине. Кроме этих археологических находок, рядом с тонхом стоят небольшие деревянные изображения медведя «пубе» и змеи «айпубе». Также, как фигуры тонха, их меняют каждые семь лет. Здесь так же, как у Емин-тув-ике или у Салхана, право жертвоприношения присвоено только членом рода, или семьи, так называемых «хозяев тонха».

В беседах с остяками юрт Кинтусовских приходилось неоднократно слышать, что напрасно русские их зовут шайтанщиками, а тонхов — шайтанами. «Тонх — это все равно что святой, а мы делаем из дерева как бы икону его, это его ликхур», — говорили остяки, стараясь, очевидно, примирить в своем сознании старый культ с христианским.

Неоднократно говорилось, что, по словам остяков, сила не в деревянных изображениях тонхов, а в древних атрибутах. Археологические находки вообще, и в особенности с изображением людей и животных, пользуются почетом. В юртах Соровских две такие находки сами служат тонхами. Тонх Ивана Степанова Баяндина (по прозвищу Мотков) — круглая пластинка из красной бронзы с изображением горельефа человеческой фигуры, держащей в руках круглый сосуд с отверсти-

ем. Отверстие в сосуде сквозное, и из него, по мнению остяков, тонх выпускает дождь и бурю в случае гнева. Название тонха — Вот-ике. Тонх другого остяка Ивана Темлякова (по прозвищу Согра, потомком переселенцев из Темлячевской волости) состоит также из красно-бронзовой пластинки, слегка выпуклой и прямоугольной, с закругленными краями по своей форме; по-видимому, она служила раньше пряжкой, орнамент на пластинке звериного стиля со сквозными узорами. Этот тонх, носящий название «Вальтавен-хур», шлет удачу на охоте; он хранится на березе недалеко от юрт, вокруг него по деревьям развешены куски ситца и черепа животных. Первый тонх хранится в амбаре на ножках в самых юртах около священного кедра.

Култ медведя среди салымских остяков утратил свое почти значение как таковой, приняв скорей характер традиционной забавы.

Почему именно так случилось, трудно установить; по всей вероятности, помимо влияния русских надо это приписать тому, что по мере улучшения вооружения утрачивался страх перед сильным зверем, в котором следует искать первоисточник этого культа — медведь по Салыму чаще всего называется «пубе»⁹, эпитеты — «ошнин-ике», то есть «старик в шубе», «кунджен-ике» — старик с ког-

тями и «емин-вое» — «святой зверь» — хотя известны, но не в ходу. Среди салымцев, как у других остяков, распространено предание о том, что медведь первоначально был сыном Торма. В наказание за проступок Торм спустил его с неба на землю на железной цепи. В юртах Кинтусовских пришлось слышать, что медведь раньше не имел шерсти, как человек, но, сброшенный с неба Тормом, попал в развалину между сучьями дерева, где провисел до тех пор, пока не оброс шерстью. Распространенного среди остяков предания о том, что медведь послан для наказания дурных людей, не приходилось слышать. Обряды, совершаемые салымцами в случае добычи медведя, уже не представляют из себя стройного целого, как у северных остяков или у сосвинских вогулов.

В отдельных юртах исполняют разные части обряда более или менее полно, при этом, по словам самих остяков, только немногие среди них, которые постарше, знают, что надо делать. В юртах Соровых, например, знатоком обряда почитается один остяк Согра, по его же словам, свое знание он перенял у юганских остяков, у которых, как более первобытных, обряд сохранился полнее.

Но и Согра знает немногие из нескольких сот медвежьих песен («пуб-аре») и главным образом исполняет только пан-

⁹ С.К. Патканов переводит «пубе» словом «идол».

томимы под аккомпанемент музыки. В них изображается медведь в разные моменты жизни: на охоте за добычей, при встрече с охотником, на которого он бросается, ухаживающий за медведицей и т.д. Исполнение всех сцен отличается большим реализмом, особенно сцены эротического характера, которые тем не менее нимало не смущают присутствующих женщин и девушек. Музыка исполняется обязательно на семиструнной домбре (нарес-юх), а не на девятиструнном лебеде (тороп-юх), который является инструментом позднейшего происхождения. Мотив, сопровождающий пантомиму, состоит из немногих повторяющихся нот и чрезвычайно архаичен.

В дополнение к пантомиме главного действующего лица женщины и подростки исполняли разные танцы. Один из них состоит в том, что танцующий, надевая на голову шабур или другую верхнюю одежду, в один рукав которой просунута палка, изображает пляшущего журавля. Берестяные маски, по словам Согры, употреблялись раньше, но не обязательно; в юртах Лемпиных ими пользуются и сейчас, но в ином виде, чем у северных остяков. Маски [миль] имеют вид берестяного обруча с пришитым носом и с намазанными углем глазами и ртом; их надевают на голову, а не привязывают перед лицом. В тех же юртах Лемпиных старик остяк

знает довольно много медвежьих песен, но все же, как он сам говорит, далеко не все. Для счета песен делают особые бирки, на которых каждая песнь отмечается мелкой зарубкой, а каждая седьмая — крупными.

Из всех прежних обычаев, связанных с чествованием убитого медведя, сохранились только следующие: на грудь и живот убитого медведя, положенного на спину, накладывают поперек семь небольших палочек, если это самец, или пять, если это самка. Разрезая ножом шкуру, чтобы ее снять, перерезают одновременно палочки, показывая этим, что расстегивают шубу. Голову отрезают от туши и снимают ее вместе со шкурой.

Когда медведя приносят в юрты, то женщины и дети поливают всех встречных водой или забрасывают снегом, если дело происходит зимой. Значение этого обычая остяки объяснить не могли. Шкуру вносят в дом добывшего ее охотника и стелют на лавку в том углу, где стоят иконы; при этом передние лапы и голова кладутся на стол. Женщины и девушки убирают шкуру платками и шальями, а на когти надевают кольца, снятые со своих рук. Перед головой в особом корыте ставят угощение, состоящее из самой вкусной пищи, какую в данный момент можно найти в селении. Вечером сородичи охотника и остяки соседних юрт собираются для чествования медведя.

Никакого порядка в исполнении пантомимы и плясок не придерживаются, также необязательно празднование медведя в течение определенного числа дней. По окончании праздника шкура убирается и продается, как всякая другая. Раньше обрезали передние лапы и хранили между прочим для приношения присяги; теперь и этот обычай не наблюдается. В юртах Кинтусовых и Лемпиных, когда шкура медведя лежит на столе, возле нее ставят маленькие деревянные изображения медведя и змеи, которая на Салыме носит название «ай-пубе».

Крайне интересно, но в то же время трудно установить, поскольку в верованиях салымских остяков сохранились следы тотемизма. Имеется налицо целый ряд запрещений, относящихся к убийству и к употреблению в пищу тех или иных видов животных и почитания других, но ни то, ни другое в отдельности не дает уверенности в том, что они тотемического происхождения. Некоторые запрещения, как, например, употребление свинины, явно заимствованы у татар; трудней объяснить другие, как, например, запрет есть налимов из озера Еминтув, тогда как другие породы рыб из того же озера употребляются в пищу. Мясо медведя, несмотря на его почитание, употребляется в пищу, в то же время старых и в особенности больших головных шук избегают есть, хотя

щука вообще составляет один из наиболее распространенных продуктов питания. Избегают убивать змей, гагар и в большинстве юрт лебедей. Распространенный от Финляндии до Алеутских островов культ медведя может быть объяснен страхом первобытного охотника перед сильным зверем, и остяки не составляют исключения в этом отношении; почитание гaгары объясняется ее вышеприведенной ролью в остяцкой мифологии. Почитание лебеда, по словам салымских остяков, имеет причину в общеизвестном и распространенном также среди них предании о том, что при сожжении самаровского идола под названием «Обской старик» он поднялся на небо в виде лебеда. Наиболее под понятие тотемического культа подходит почитание налима остяками юрт Сивохребских. Во-первых, они не ловят и не употребляют в пищу налима вообще, независимо от места их промысла; во-вторых, они ему приносят жертвы, бросая перед началом рыбной ловли мелкие деньги в воду. Такое почитание налима вызывает даже насмешки со стороны остяков других юрт: «Сивохребцы молятся налиму», — говорят они. Интересно сопоставить с этим название самих юрт, происшедшее от остяцкого «Сивох рап», то есть «Налимий яр». Следы анемизма можно усмотреть в почитании кедра и во многих легендах и преданиях,

которые связаны с редко находимыми по Салыму крупными камнями и высокими ярами; например, камень, лежащий близ юрт Саровских на берегу речки Катын, есть, по рассказам остяков, зять, превращенный в камень за то, что во время купания подсмотрел своего обнаженного тестя; интересна параллель с библейским рассказом про праведного Ноя и Хама.

Верования салымских остяков не исчерпываются вышеупомянутыми культами и остатками культов. В культе тонхов отличительной чертой является поклонение, оказываемое предмету не своего изделия, а происхождения более чудесного, мифического (археологические находки). Кроме тонхов, многие из остяков имеют своих домашних божков, которых они делают сами; от посторонних остяки обычно их скрывают, но в вымерших юртах Тимкиных в ящиках, стоящих внутри покинутого дома, удалось найти домашних божков. Один из божков был сделан из дерева в виде куклы без рук, с головой овальной формы, напоминающей голову идола с могильника у озера Емин-тув, но несколько более круглый. Весь божок был завернут в несколько слоев тряпок, в том числе шелковую. Другой божок состоял из грубо отлитой оловянной фигуры, изображающей человеческую; на туловище в виде

прямоугольника с узором, отлитым в виде перекрещивающихся линий как у спеленутого ребенка; голова не отделена от туловища, и на ней отлиты выдающийся острый нос и два глаза в виде горошинок, и эта фигура завернута в тряпки. Судя по тому, что в ящике лежали две шкурки белок и медные монеты, этим божкам делались приношения, а из того, что их в течение нескольких лет никто не трогал, можно заключить о почтении, которое они внушали другим остякам, кроме своих умерших хозяев. Кроме богов, еще много существует разного рода духов: лесных, водяных и земляных. Лесной дух леший «мэнг», по рассказам остяков, имеет вид человека и иногда сходится с женщинами-остячками, отчего рождаются дети — полулюди, полулешие. Около яра¹⁰ Перит-вож, т.е. «городок духов» (перит), по рассказам салымцев, живут духи в виде маленьких людей, их видели иногда около ключа у подножия яра.

Находимые в ярах останки мамонтов и носорогов, по мнению остяков, подтверждают распространение среди них, как и во всей Сибири, предание о том, что мамонты живут под землей и погибают, когда выходят на воздух. Дракой мамонтов между собой объясняют остяки упомянутое в начале очерка внезапное растрескивание льда на озе-

¹⁰ Сравни вотяцкое название «пери» для лесных и других божеств.

рах. Иногда мамонт, по рассказам остяков, принимает другой вид; так, например, соровской остяк Темляков Согра рассказывал, что он видел мамонта зимой на озере Емин-тув в виде змейки, быстро ползущей по льду. Приходилось также слышать, что у очень старых больших шук в конце концов вырастают рога, и что они тогда становятся мамонтами. Интересно отметить, что тунгусы(?), живущие в верховьях реки Кети, различают мамонтов двух родов: одних «сури-козар», т.е. мамонт-зверь, и других «кволи-козар», т.е. мамонт-рыба; последний мамонт получается от превращения старых шук¹¹.

Остается сказать несколько слов об остяцком народном эпосе на Салыме. Военные песни «тарнинь-аре», говорящие о подвигах древних остяцких богатырей и распеваемые речитативом под аккомпанемент домбры, на Салыме забыты, и в памяти остяков сохранились только отдельные имена и эпизоды. Так, например, вспоминают иногда кровавого богатыря Сонг-хуш или богатырей городка у Стерляжьей протоки «карыс-поспатурдат-вож», или легендарного героя Куй-мурухта-севэн-урт, Куй-мурухта-ве-

ген-урт. Сказки тоже плохо сохранились, и записать ни одной целой не удалось. Любопытно отметить, что имя героя сказки, известной по Салыму, по Демьянке и по Иртышу «Пой-липэтэ-каплят хой, Пой-липэтэ-тамплат-хой», в настоящее время призывается во время камлания. В юртах Цингалинских по моей просьбе старуха остячка, приступив к обряду камлания, съев предварительно семь сушеных мухоморов и запив их водой, после начала икоты, что считается вступлением сношения с духами, начала призывать упомянутое лицо. Так называемый процесс вымирания на Салыме можно считать установленным, об этом говорит ряд ныне уже необитаемых юрт (Маклаковы, Тимиковы, Алабердины и Вавликовы), предания среди жителей и сопоставления данных переписей. Причина вымирания, по-видимому, двоякая: с одной стороны, большая смертность детей при невысоком проценте рождаемости и эпидемии, с другой — сношение с русскими и ассимиляция остяков последними; второе явление более заметно по Иртышу и на Конде, на Салыме же вымирание должно быть приписываемо primero.

¹¹ С. Чугунов. Обь-Енисейский канал//Естествознание и география. Т. XII. 1909.

Книги, вышедшие в издательстве Ю. Мандрики в 2000 г.

Пионт Е.Л. У родного порога: Книга стихов. — 2000. — 144 с.

ISBN 5-93020-046-7

От морозов до морозов: Фенологические наблюдения / Сост. А. Тарханова. — 2000. — 224 с. + 32 с. илл.

ISBN 5-93020-047-5

Зобнин А.И. Иисус Христос: Поэмы. — 2000. — 144 с.

ISBN 5-93020-048-3

Мостипан В.И. Нового года солнце: Монологи, этюды, зарисовки, дневниковые записи о природе Приполярья. — 2000. — 112 с.

ISBN 5-93020-049-1

Фронтовые подруги: Воспоминания участниц Великой Отечественной войны / Сост. Н. Соловейчик. — 2000. — 224 с. + 32 с. илл.

ISBN 5-93020-050-5

Войнов Н.М. Послания Истинного Луча Милосердия, опаленного в знамении Вечности. — 2000. — 432 с.

ISBN 5-93020-051-3

Кувшинов А.С. Нефтяные горизонты: Воспоминания геолога. — 2000. — 216 с.+ 16 с. илл.

ISBN 5-93020-052-1

Устав Ханты-Мансийского автономного округа Российской Федерации. — 2000. — 144 с.

ISBN 5-93020-053-X

Салмин В.Д. Гордость Югры: Книга о лидерах. — 2000. — 256 с.+32 с. илл.

ISBN 5-93020-054-8

Наркомания: Причины, последствия, меры защиты / Под общ. ред. А.Н. Горанского. — 2000. — 284 с.

ISBN 5-93020-055-6

Черных П.Ф. Во имя Победы: Девятая книга стихов. — 2000. — 224 с.

ISBN 5-93020-056-4

Пивоваров С.П. Песенка благодарности. — 2000. — 48 с.

ISBN 5-93020-057-2

Сибирский самородок: Воспоминания о Василии Васильевиче Бахилове / Под ред. Ю. И.

Переплеткина. — 2000. — 256 с. + 16 с. илл.

ISBN 5-93020-058-0

Якин Х.Х. Шел солдат к Победе: Воспоминания фронтовика. — 2000. — 216 с. + 16 с. илл.

ISBN 5-93020-059-9

Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края в трех томах: Т.1./Под ред. В. Темплинга. — 2000. — 368 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-060-2

ISBN 5-93020-061-0 (Т. I)

Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края в трех томах: Т.2./Под ред. В. Темплинга. — 2000. — 368 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-060-2

ISBN 5-93020-062-0 (Т. II)

*Ланцуй Л.В. Песнь моя — моей земле/*Сост. Н.И. Ного, предисл. В.В. Рогачева. — 2000. — 432 с.

ISBN 5-93020-063-7

Их провожал и встречал Сургут: Рассказы о фронтовиках / Сост. Г. В. Кондрякова. — 2000. — 160 с. + 8 с. илл.

ISBN 5-93020-064-5

Наедине с природой: Книга для чтения /Сост. О. Гаврилова. — 2000. — 288 с.

ISBN 5-93020-065-3

Бирюков В.П. Годы и люди земли тюменской. Ч. I: Родом из чалдонов. — 2000. — 160 с.

ISBN 5-93020-066-1

Подвижник из Угута: Петр Семенович Бахлыков. Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества/Сост. М. Дмитриева. — 2000. — 144 с. + 25 с. илл.

ISBN 5-93020-067-X

Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах: Т.1. О церковных древностях Сибири/Под ред. В. Чупина. — 2000. — 480 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-070-X

ISBN 5-93020-068-8 (Т. 1)

Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах: Т.2. О сибирском духовенстве/Под ред. В. Чупина. — 2000. — 912 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-070-X

ISBN 5-93020-069-6 (Т. 2)

Словарь рифм Евг. Евтушенко/ Сост. А. Бабакин. — 2000. — 336 с.

ISBN 5-93020-071-8

Тюменские дороги: Справочник автомобилиста/Ред.-сост. Виталий Самойлик. — 2000. — 48 с. + 16 с. илл.

ISBN 5-93020-072-6

Ефремов В.А. Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска.

— 2000. — 32 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-073-4

Шатилов М.Б. Ваховские остяки/Под ред. С. Пархимовича. — 2000. — 288 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-070-X

ISBN 5-93020-068-8 (Т. 1)

Коняев Н.И. Отголоски-отзвуки: Рассказы и документ. повествование/Предисл. В. Захарченко. — 2000. — 288 с.

ISBN 5-93020-075-0

Ядринцев А.И. Сочинения: Т.2. Сибирь как колония/Под ред. С. Пархимовича. — 2000. — 480 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-076-9

ISBN 5-93020-077-2 (Т. 2)

Ткачев Б.Ю. И аз воздам: Роман. — 2000. — 224 с.

ISBN 5-93020-078-5

Выдающиеся тобольские и сибирские губернаторы/ Сост. С. Пархимович и С. Туров. — 2000. — 488 с. + илл. 24 с.

В книгу вошли работы: Ф. Соймонова «Древняя пословица СИБИРЬ ЗОЛОТОЕ ДНО», «Замечания о Сибири сенатора Корнилова», Д.Н. Бантыш-Каменского «Шемакин суд в XIX в.», Н.Л. Гондатти «Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири» и «Кульг медведя у инородцев Северо-Западной Сибири» и др.

ISBN 5-93020-079-3

Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края в трех томах: Т.3./Под ред. В. Темплинга. — 2000. — 224 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-060-2

ISBN 5-93020-080-7 (Т. III)

Ханты-Мансийск: 1637—1999/Сост. С.Ю. Волженина, О.М. Павлова. — 2000. — 480 с.

ISBN 5-93020-081-5

Серебряные россыпи души: Сборник стихов/Сост. А. Добрянская и Н. Ханова. — 2000. — 192 с.

ISBN 5-93020-082-3

Бирюков В.П. Годы и люди земли тюменской: Книга в трех частях. — 1998. — 488 с. + 16 с. илл.

ISBN 5-93020-083-1

Ядринцев А.И. Сочинения: Т.1. Сибирские инородцы, их быт и современное положение/Под ред. С. Пархимовича. — 2000. — 336 с. — [Краеведч. б-чка ж-ла «Лукич»]

ISBN 5-93020-076-9

ISBN 5-93020-084-X (Т. 1)

Салмин В.Д. Город на заре: О тех, кто создавал Нижневартовск и прославил его. — 2000. — 216 с. + 24 с. илл.

ISBN 5-93020-085-8

Леонтьев Ю. Мелодии таежного Пура: Стихи. — 2000. — 96 с.

ISBN 5-93020-086-6

Белобородов В.К., Пуртова Т.В. **Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг.:** Библиогр. указ. — 2000. — 400 с.
ISBN 5-93020-087-4

Легенда Самотлора: Воспоминания о Романе Ивановиче Кузоваткине/Под ред. Ю. И. Переплеткина. — 2000. — 192 с. + 16 с. илл.
ISBN 5-93020-088-0

«Большой» пожар в Тобольске 27 и 28 апреля 1788 года

Не так давно исполнилось ровно 210 лет со дня трагического происшествия в многовековой судьбе старой сибирской столицы — страшного пожара 1788 г., уничтожившего почти весь город. Эта печальная дата и находка нами в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) новых уникальных документов, позволяющих восстановить некоторые детали и последствия этой трагедии, подвигнули вновь обратиться к этой теме.

Как известно, пожары были одним из бичей древнерусских городов, и многие из них не по одному разу полностью исчезали в огне. По своей тяжести и опасности пожары упоминаются в старинных летописях наряду с такими «Божьими попущениями», как эпидемии болезней и нашествия иноземных завоевателей. В пожарах погибали люди, строения, архивы, культурные и материальные ценности. Не был исключением и Тобольск, где в XVII — первой половине XVIII веков неоднократно случались пожары. Однако пожар, происшедший уже на излете «просвещенного» правления *Екатерины II*, потряс город

и своей неожиданностью, и своей продолжительностью (город горел почти двое суток), и своими разрушительными последствиями. *А.Н. Радищев*, побывавший в Тобольске три года спустя после трагедии, в 1791 г., сообщал в письме графу *А.Р. Воронцову* (брату знаменитой княгини *Е.Р. Дашковой*) от 15 марта того же года об этом пожаре, что он «истребил лучшие 4/5 частей города», а сам город охарактеризовал как «остатки погоревшего Тобольска».

Обстоятельства этой трагедии мы узнаем из донесения тобольского губернатора статского советника *Александра Васильевича Алябьева*, отца известного композитора, пермскому и тобольскому наместнику *Евгению Петровичу Кашкину*, написанного почти сразу же после пожара. «Сей первой час имею свободной, чтоб донести Вашему Высокопревосходительству в подробности несчастье, постигшее городу Тобольску», — так начал *Алябьев* свое письмо, и далее весьма подробно и выразительно описал происшедшее.

В воскресенье 27 апреля (8 мая по современному стилю) 1788 г. в 11 часов утра во время

совершения Божественной литургии в приходе Архангельской церкви на дворе мещанина *Бессонова*, находившемся на улице под литерой *А* (прообраз современных номеров домов), начался пожар. Для его тушения прибыла «обыкновенная» в таких случаях команда военных. Так как незадолго перед этим более 1000 человек было отправлено на одну из сибирских крепостных линий, военных людей в городе в это время было немного, да и те, по словам *Алябьева*, «старые, дряхлые и из школьников определенные, еще весьма молодые». Но поднявшийся сильный ветер, дувший с востока на запад, способствовал быстро распространению огня, и пожаром уже было охвачено 4 двора. Хотя опасность была велика — огонь стал угрожать даже Гостиному двору, однако никто не мог и предполагать, что это только начало трагедии. «Представить было невозможно, — писал *Алябьев*, — чтоб опасность от сего пожара была и на горе, которая, во-первых, имеет 26-ть сажен перпендикулярной высоты, отделена от подгорного строения больше 150-ти сажен, и первые дома, на горе стоящие, под железными кровлями».

Однако вдруг разыгралось почти апокалиптическое действо — «вихорь так умножился, что рвал кровли, и так огонь бросал, что никакие силы противоборствовать оному были не в состоянии». Огнем были охвачены не

только гостиный двор и мясной ряд, находившиеся по улице под литерами *Б* и *В*, «но и вся сия линия (улица — *В. П.*) до реки Иртыша». Более того, в первом часу дня «ветер поворотился на гору, то есть с полудня (юга — *В. П.*) на север». Таким образом, под влиянием внезапно переменившегося ветра огонь перебросился на нагорную часть города, где находились губернские административные здания и другие важные сооружения. Тогда основные усилия были направлены на их спасение, «но тщетное старание: уголья падали как дождь на все нагорные дома, так что дом архиерейской (ныне здание Тобольского музея — *В. П.*), дом ваш (наместнический дворец — *В. П.*), дом мой и вице-губернаторской почти вдруг загорелись, каждой в пяти или более разных местах». От огненного дождя погибло несколько человек. В подтверждение своих слов — «сколь сильно с вихрем уголья на гору падали, и как не только дома, но и люди были осыпаны оными» — *Алябьев* приводит случай с младшей дочерью вице-губернатора *Екатериной*, которая, будучи по малолетству не в состоянии что-нибудь предпринять для своего спасения, «получила рану на груди от горящего угля». «Тогда, — продолжает он, — мы увидели ясно, что спасения городу уже не остается. И подлинно: вихорь, умножаясь час от часу, и настоящей дирекции (направления — *В. П.*) уже не имея, ежемоментно пово-

рчиваясь во все стороны, разнес огонь везде, так что весь почти город обращен в пепел».

Пожар окончился только на следующий день, 28 апреля, в 10 часов вечера. Последствия его были страшными: в огне погиб 41 человек. Вице-губернатор, «спасая казначейства, едва не лишился жизни». «Архиерей (им в то время был архиепископ *Варлаам I (Петров) — В. П.*), я и вице-губернатор, — продолжает *Алябьев*, — только что спасли себя, в прочем лишились всего (кроме, что было на нас)». «Свех больше потерпевшим» называет тобольского губернатора *Алябьева* и *А.Н. Радищев*. Как ему передавали, «счастливым себя почитал он тем, что оставался в доме его овчинная шуба, в которую кутали трех его детей при случившейся тогда холодной погоде».

Огромными были и материальные потери. Сгорели магазины с провиантом, «хотя также прилагается было к спасению оных всевозможное старание». Документы из разных государственных учреждений были «вынесены на средину площади и в другие места (кои казались совершенно безопасными), но и тут спастись все не могли, и большая часть погибла». Находившуюся в разных местах денежную казну, «которой было до полутора миллионов», удалось спасти, только «утрачено у канцелярских расходчиков в разных местах 1834 рубли 60 копеек». Жители, хотя и успели многое из своего

имущества вытащить из горящих домов, но лишились всего, так как «не имели времени оттащить оное так далеко, чтоб поставить его в безопасность. И потому и на тех местах, где было вытаскано, все сгорело».

О масштабах потерь более подробно можно узнать из ведомости, составленной сразу же после пожара, которую *Алябьев* приложил к своему донесению. Сгорело 15 приходских и соборных церквей, однако в некоторых из них частично уцелело внутреннее убранство. Еще 5 храмов огонь не тронул. Сгорели казенные (государственные — *В. П.*) каменные здания: трехэтажный архиерейский дом и при нем двухэтажный монашеский корпус, двухэтажная консистория, трехэтажный генерал-губернаторский дом (наместнический дворец, построенный в 1782 г. к открытию Тобольского наместничества — *В. П.*) «с двумя служебными корпусами, конюшнями и сараями, и двумя каменными погребями, со всеми бывшими в нем мебельями». Из деревянных казенных построек сгорели двухэтажный губернаторский дом (первый этаж был каменным) со всеми службами, вице-губернаторский дом, 2 двухэтажных корпуса присутственных мест (помещения губернских учреждений власти, тоже построенные в 1782 г. — *В. П.*), корпус, в котором находились гауптвахта, кордегардия и чертежная. Также сгорели деревянные магазин «с разными инструмен-

тами и мебельями, принадлежащими к казенному строению», 3 сарая, в которых хранились кирпич, известь и другие материалы, шлюз «для поднимания лесу с нижней на верхнюю часть города», 2 винных магазина, покрытых дерном, и в них 215 бочек 9536 ведер 2 осьмины вина и медная посуда, как принадлежавшая магазину, так и «приготовленная для отправления в города», 23 питейных дома (кабака — *В. II*), 1 трактир, 2 соляные лавки и в них 1827 пудов соли, 12 рублей 25 копеек денег и весы и гири. В помещениях губернского и уездного казначейств сгорело мягкой рухляди (мехов) на 110 рублей 27 с половиной копеек. Сгорел каменный архив с документами бывшей Сибирской губернской канцелярии (огромная потеря для исторической науки — *В. II*). Также сгорели 2 запасных провиантских магазина и в них 1237 пудов 37 фунтов муки и 742 четверти ржи, и дом, «заведенной от приказа общественного призрения для народного училища». Из материальных ценностей также сгорели 1832 рубля 60 с четвертью копеек денег, предназначенных «на жалованье канцелярским служителям и на расход», архивные документы и документы текущего делопроизводства и канцелярские припасы, «кроме сохраненных самой малой части». В огне также пропали 11 соляных магазинов и магазинов ведомства Тобольской генерал-провиант-мейстер-лейтенантской

комиссии, аптека «с медикаментами и разною посудой», старый деревянный оружейный двор, «на нагорной части старое каменное здание, называемое Гостиным двором (знаменитая постройка *С.У. Ремезова — В. II*), в котором помещены были аптека, банковая контора, губернское и уездное казначейства, обер-кригскомиссарская комиссия и часть артиллерийского цейхгауза» и «в гарнизонных батальонах и штатной роте некоторое число мундирных и амуничных вещей».

Из партикулярных (частных — *В. II*) зданий сгорели: каменное здание городского магистрата (городская администрация того времени — *В. II*), 4 деревянных торговых ряда с лавками, 10 каменных обывательских домов и 1112 деревянных, 14 каменных и деревянных богаделен, 38 рогаточных караулов и мостов, 4 харчевни и «некоторое число огнегасительных инструментов».

Уцелело в этом грандиозном пожаре только 5 церквей, как уже выше говорилось, и два казенных здания — каменный рабочий дом с темницами (тюрьмой) и деревянный цейхгауз. Также из губернского и уездного казначейств удалось спасти 764821 рубль денег, которых столько и должно было быть по настоящему реестру приходных и расходных книг, из губернаторской канцелярии — 2323 рубля 78 с половиной копеек. Удалось также спасти гербовую бумагу и печатные бланки покормежных

паспортов, 68658 пудов соли, денежную казну и делопроизводительный архив Тобольской банковской конторы, 843 рубля 5 копеек денежных сборов губернского почтамта и 12411 рублей 87 с половиной копеек государственными ассигнациями и деньгами, «полученных с почт». Из частных зданий уцелели 1051 обывательский дом, но «из которых большая часть самых бедных граждан и небольшие».

«Мое первое старание, — писал *Алябьев* о своих действиях после пожара, — состояло и состоит теперь, чтоб прокормить всех жителей здешних, не имеющих никакого средства к пропитанию». Для этого он отправил капитана-исправника и заседателя в близлежащие селения с распоряжением их жителям, «чтоб везли на продажу печеной хлеб и ржаную муку». Эти меры были весьма своевременными — в дотла сгоревшем городе могли начаться голодные беспорядки, о чем упоминает и *А.Н. Радищев*: «На другой день по пожаре в городе большая часть людей — не только нищих, но посредственных — не имели хлеба. Народ здешний, хотя не столько, как иркутский, но столь же, как и в столицах, шаткий, скоро бы вышел из терпения». Однако этого надолго бы не хватило, поэтому *Алябьевым* также были отправлены нарочные для доставки в Тобольск «запасного хлеба, состоящего в Курганской округе близ Ялуторовска, на берегу Тобола,

и в городе Томске». Из Ялуторовска прибытие обоза ожидалось дней через 8, из Томска «колько возможно без замедления». Пока же из окрестных деревень, сообщил *Алябьев*, «ежедневно привозят в город как печеной хлеб, так и ржаную муку. И как недостатка теперь в хлебе нет, так и цена нимало не возвышается».

О доставке сразу же после пожара погорельцам хлеба окрестными сельскими жителями слышал и *А.Н. Радищев*. Он писал, что они «печёные хлебы голодным и неимущим посылали горожанам безденежно, и целую неделю ближайшие селения кормили город». Это обстоятельство, по его словам, тронуло его до слез: «Сия черта существенно означает доброту души сибирских многих округ поселян. Без внутреннего удовольствия сего слышать не можно. Но если сельские жители толикое соболезнование оказали к страждущим горожанам, о городском сего я не слышал ни об одном. Если разум в городе острится, то сердце ослабевает». Однако это сообщение *А.Н. Радищева*, явно основанное на устных, быстро обраставших сентиментальными, но не всегда достоверными подробностями, рассказах, не подтверждается документально. Как явствует из процитированного выше донесения *Алябьева*, жители близлежащих селений получили распоряжение привозить в сгоревший город «печеные хлебы и ржаную муку» **на продажу**, тем более что у администра-

ции было и чем заплатить — как уже говорилось, денежную казну удалось спасти от огня. Тем не менее именно благодаря расторопности тобольских крестьян, организовавших во исполнение губернаторского указа выпечку и продажу хлеба, а также муки, город смог существовать до подвоза крупных партий казенного хлеба.

Было проведено и расследование, «отчего ж в доме мещанина *Бессонова* сделался пожар». Как выяснилось, причина его заключалась в том, «что того дня поутру варен был на огороде позади сарая мещанином *Прянишниковым* для дома его, *Бессонова*, мед, и во время разогревания воды загорелся сказанной сарай сверху». Оба незадачливых любителя сладкого были «взяты под стражу и отосланы к суду».

Пермский и тобольский наместник *Е. П. Кашкин*, получив это донесение, должен был в свою очередь сообщить об этом страшном событии в Петербург. По неизвестной причине он не стал писать об этом в своем обычном отчете о состоянии наместничества, а снял точные копии с донесения *Алябьева* и ведомости о последствиях пожара и отослал их к секретарю *Екатерины II* графу *Александру Андреевичу Безбородко* для сообщения императрице.

Как видно из донесения, *Алябьев* был не лишен литературного дарования и смог, хотя и находясь под сильным впечатлением от происшедшего, в

сухом официальном делопроизводственном жанре прозаическим языком описать эти события на уровне высокой трагедии. Ему удалось, вольно или невольно, обрисовать стихийность и грандиозность пожара, а также подчеркнуть свои активные действия по борьбе с ним и предпринятые им меры по преодолению его последствий. Этот бюрократический по форме текст написан в соответствии с канонами модного тогда сентиментализма, из чего можно заключить, что его сочинитель был человеком начитанным, знакомым с современной ему литературой. И неудивительно — *Алябьев* был известен как покровитель искусств и образования, при нем в Тобольске выходил один из первых русских провинциальных журналов «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Город не только в который раз вновь возродился из пепла и был опять отстроен (восстановленные тогда здания теперь и предстают нашему взору в историческом центре), более того, это «общее злополучие, как обыкновенно случается в делах вековых, было начальным наставлением просторной расколотки улиц и правильной постройки домов». Древний Тобольск пережил и это обрушившееся на него тяжкое испытание, но и еще более полувека оставался губернским центром и столицей всей Западной Сибири.

К вопросу о клеймах

В свое время мной была подготовлена и опубликована книга «Тобольское серебряное дело в XVII—XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске. — М.: Галарт, 1997. С. 10—41). За время, прошедшее после выхода в свет книги, встретились некоторые интересные документальные источники по ювелирному искусству нашего края. Первый документ, кроме всего прочего, интересен там и тем, что в какой-то степени говорит о производстве серебряных изделий на Урале, о чем уральцы, на мой взгляд, знают мало, если не сказать больше — не знают ничего. В доказательство своего утверждения, не вдаваясь в подробности, приведу только выдержку из дискуссии по поводу уральского ювелирного искусства, развернувшейся под рубрикой «Круглый стол ювелиров» на страницах журнала «Уральский следопыт», № 8, 1985 г. С. 30—32.

Участники «круглого стола» ювелиров, естественно, прослеживают довольно неплохо исследованную тему уральского камнерезного искусства, первой огранки камней и т.д.

Когда же речь заходит об оправе камней, то авторы приходят к выводу: «Была ли у камней XVIII века металлическая оправка, выполненная на Урале? Вряд ли, но если и была, то

только из привозного драгоценного металла или из меди».

Благодаря публикуемому документу мы сможем предположить, что серебряники, творившие в Екатеринбурге, Туринске, на уральских заводах, могли использовать ювелирные камни в своих изделиях. У нас нет пока документальных подтверждений, но ведь до этого и об уральских серебряниках не было известно практически ничего. Сейчас же мы знаем: они были, они работали. Время и поиски позволят выявить имена и фамилии неизвестных мастеров, а при большой удаче, возможно, отыщутся и какие-то их изделия.

Второй документ интересен тем, что помимо серебряников Тобольска называет и ряд других специальностей, тесно связанных с ювелирным производством.

В 1997 году в московском издательстве «Галарт» вышла книга «Ювелирное искусство в Тобольске». Первая часть этой книги «Тобольское серебряное дело в XVII—XIX веках» была написана автором этой заметки. В публикации рассказывалось о становлении ювелирного мастерства в Сибири, его развитии, о мастерах серебряного и пробирного дела. В заключение текста приводился список известных (и выявлен-

ных) имен пробирных мастеров и мастеров — производителей серебряных изделий.

К настоящему времени автору удалось обнаружить ряд

новых клейм, уточнить некоторые даты. В результате появилась следующая уточненная и исправленная таблица указателя клейм.

Городские клейма

Герб Сибири — два соболя, стоящих на задних лапах, между ними — две перекрещенные стрелы под короной. 1765—1782.

Герб Тобольска — пирамидка на пьедестале с винской арматурой, со знаменами, барабанами и алебардами. 1792—1794.

Герб Тобольска. 1822.

Герб Тобольска. 1808.

Герб Тобольска. 1856.

Пробирные мастера

— Сорогин Федор, 1737.

Власов Лев, 1757—1782.

Неизвестный пробирный мастер, 1776.

Богданов Михаил, 1788—1828.

- Вершинин Андрей, 1828—1843.
- Вершинин Василий, 1831.
- Дуткин Петр Борисович, 1845—1850.
- Моор Александр Яковлевич, 1845—1852.

Д·О
1856

Основин Дмитрий Матвеевич, 1854—1856.

Ф Б
1860

Богомолов Федор Яковлевич, 1860—1872; 1851—1860 в Минске.

Мастера

АЧ

Неизвестный мастер, 1782 (молочник, ГИМ).

ВС

Соломотин Вениамин, серебряного дела мастер, 1856—1871 (чеканный оклад иконы, частное собрание).

Ш

Шипицын Илья Федорович, мещанин, серебряного дела мастер, 1774—1810 (чеканный стакан, ГЭ РО; чеканный оклад иконы, частное собр.).

М
П Ш

Неизвестный мастер, 1774—1780 (чеканный чайник, ГИМ; чайный сервиз с чернью, чеканная коробка, ГОП).

П.Б

Брюханов Петр Тимофеевич, цеховой, серебряного дела мастер, 1788—1823 (чеканная рамка иконы, частное собр.).

Неизвестный мастер, 1773–1776 (чеканные чарки и черневой стакан, ГИМ; чеканный оклад иконы, ТГИ-АМЗ).

Неизвестный мастер, 1774–1776 (черневой поднос, ГРМ; черневой чайник, ГИМ; чайница, ГОП; чеканный стакан, частное собр.).

Неизвестный мастер, 1776 (крест с черневыми дробницами, ГОП).

Неизвестный мастер, 1778–1808 (черневые чайник и кофейник, чеканный подсвечник, ГОП; чеканный оклад иконы, ВОКСМ; чеканный оклад, частное собр.).

Неизвестный мастер, 1770–1774 (черневые стаканы, подносик, ГИМ).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛУКИЧ» ЗА 2000 Г.*Оглавление***ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ****ПОЭЗИЯ***Л. Ветрова.* «Первый снег, как первый грех...».*Стихи* IV, 3*Е. Ганопольская.* Возвращаюсь к себе I, 3*К. Михайлов.* На краю логарифма V, 3*М. Плотников.* Янгал-маа. *Поэма* II, 21*С. Рычкова.* «Из закона простуженных луж...» III, 3*Д. Сизов.* «...жир сантиментов
и слякоть злословья...» VI, 3**ПРОЗА***С. Бурова.* Осень. Школа старения II, 44*Г. Дмитриев-Садовников.* Экскурсия по р. Сосве
и др. в 1919 г. *Дневник экспедиции* IV, 6*А. Захаров.* Уха для иностранца. *Глава из романа* III, 6*М. Знаменский.* Пятидесятые годы в Тобольске I, 7*Д. Пивненко.* Косы черные, расплетенные. *Повесть* V, 6*Д. Пивненко.* Косы черные, расплетенные. *Повесть.*
Окончание. VI, 6*Н. Горбачева.* Возвращение Михаила Знаменского I, 45**КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ***Ю. Мандрика.* В ожидании нового «Санина» II, 80*В. Макаров.* Грезы о земле и небе I, 55*В. Макаров.* Через тернии в... параллельность? IV, 64*В. Рогачев.* Вече Вячеслава I, 52**БИБЛИОГРАФИЯ**Книги, вышедшие в издательстве Ю. Мандрики
в 2000 г. VI, 141

Содержание журнала «Лукич» за 2000 г. VI, 155

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

В. Строгальщиков. Коняев: Неизвестная Россия V, 156

КРАЕВЕДЕНИЕ**ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ**

А. Петрушин. Старшина Оля из военной цензуры II, 3

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА

В. Белобородов. Загадка псевдонима II, 8

С. Пархимович. Последняя экспедиция

Дмитриева-Садовникова IV, 61

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Ю. Переплеткин. Многолюдная «Тундра» II, 11

ИЗ АРХИВА

Н. Балюк. История Сибири по документам фонда

Сибирского приказа Российского Государственного
архива древних актов III, 29

В. Ефремов. Материалы для истории оружейного

производства в Тобольской губернии XVIII столетия II, 82

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

С. Пархимович. Не без ложки дегтя..... III, 23

С. Пархимович. Новости из «космоса» V, 33

С. Пархимович. Загадки «дней задревних» VI, 43

ПО ДРЕВНИМ ГОРОДАМ

А. Болотова. К вопросу об истории училища для девиц

в Ялуторовске I, 126

С. Туров. Материалы к истории

Ялуторовского острога I, 135

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Колмогоров. Надежда Лухманова. *Эссе* III, 86

Михаил Плотников: Из дела о расстреле V, 42

Михаил Плотников: Из дела о расстреле

(*Продолжение*) VI, 56

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

В. Кулемзин. Михаил Бонифатьевич Шатилов.

«Ваховские остяки» IV, 93

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- Н. Гондатти.* Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь IV, 96
- Н. Гондатти.* Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. *Окончание* V, 100
- И. Завалишин.* Путевые заметки (Тобольская губерния) I, 58
- Ф. Зобнин.* Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа III, 59
- Судьбы православия в Сибири за минувшее 300-летие II, 114
- Л. Шульц.* Салымские остяки: Из материалов к этнографии южных остяков VI, 104

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

- В. Ефремов.* Кулачный бой в Тюмени II, 112
- В. Копылов.* Суконные мануфактуры Ядрышниковой и Андреевых I, 115
- С. Кубочкин.* Мост на Стриковской I, 94
- С. Кубочкин.* Над вечным покоем: *Из истории тюменских кладбищ* IV, 67
- С. Кубочкин.* Первая тюменская газета, или Один год из жизни города III, 41
- С. Кубочкин.* Старинные забавы II, 103
- С. Кубочкин.* «Улицу... назвать Голицынской» ... V, 86
- С. Кубочкин.* «Юбилейный год»: *По материалам следственного дела В.В. Князева* VI, 90
- В. Чупин.* А был ли Яша Шайчик? I, 104
- В. Чупин.* Тюмень. Республики, 60 III, 114

СООБЩЕНИЯ

- В. Белобородов.* Прабабушка югорских библиотек ... IV, 145
- О. Еремеева.* Первый директор музея Тобольского Севера II, 135
- И. Ермаков.* «Стратеги» Богандинки I, 156
- В. Ефремов.* Загадка клейма «Sibir» I, 146
- В. Ефремов.* К вопросу о клеймах VI, 151
- В. Ефремов.* Краеведческие мелочи I, 157

- О. Кардаш.* Легенды и духи Казыма II, 140
В. Копылов. К истории поисков золота тюменского Урала II, 130
Марсен. На санях и верхом к сибирским прокаженным. *Пер. с англ. В. Ефремова* III, 151
В. Перевалов. «Большой» пожар в Тобольске... VI, 145
В. Темплинг. «Еще могу сделать орудию...» IV, 150
А. Федулов. По материалам семейного архива III, 142
А. Чернышов. Совесть святой России I, 149

ИСКУССТВО**ВЫСТАВКИ**

- М. Косполова.* Русская удадь Юрия Акишева I, 141

TRIVIA (мелочи)

- С. Белов.* Кулачные бои в Тюмени в 1920-е годы IV, 158
С. Белов. Мокин V, 147
Два письма «Лукичу» в одном конверте II, 159
Суэта вокруг «Лукича»: *Два письма* IV, 159
Суэта вокруг «Лукича» VI, 160
Текутьев в газете «Вестник Западной Сибири» II, 156
С. Туров. Про НЛО, огненного змея и летающую головешку V, 150
У Чупина появилось «прибавление» III, 155
Федулов думал о себе лучше III, 157
В. Южаков. Ассоциативный словарь V, 159

Я И ВЕЛИКИЕ

- Из серии «Почти анекдот»: А. Омельчук I, 159
Из серии «Почти анекдот»: А. Рахвалов II, 160
Из серии «Почти анекдот»: Н. Шамсутдинов III, 158

Российская Федерация России

Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Эвенкийский автономный округ, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Читинская область, Агинский Бурятский автономный округ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
 «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»
 ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

630099, г. Новосибирск, ул. Урицкого, 19, тел. (383-2) 23-34-03, факс 23-77-38, E-mail: root@sibsogl.nsk.su

Об.с.ч. АООО № 1-398

Губернатору Тюменской области
 Рокецкому Л.Ю.

Губернатору Тюменской области Л.Ю. Рокецкому
 Уважаемый Леонид Юлианович!

Оргкомитет по выпуску научно-информационного издания, посвященного 10-летию МАСС и началу третьего тысячелетия, благодарит вас за активное участие в подготовке книги.

Проанализировав ваши предложения по представлению в издании региональной элиты, оргкомитет отметил его соответствие разработанной концепции, что позволяет создать реальную карту Тюменской области на рубеже веков.

Вместе с тем просим по возможности учесть некоторые предложения оргкомитета по уточнению списка.

Хорошо представлена политическая элита региона, но хотелось бы также видеть в списке мэров Тобольска, Заводоуковска и Ялуторовска, первого зама мэра Тюмени, представителей духовенства, национальных организаций, ветеранской, женской и молодежной общественности, профсоюзов.

Согласно концепции издания, должны быть представлены лица, действующие в 2000 году. Выдающиеся люди Тюменской области, которые являются гордостью Сибири, могут войти в очерке о регионе. Поэтому в разделе деловой финансово-хозяйственной элиты хотелось бы увидеть руководителей финансовых структур, крупных предприятий, представляющих топливно-энергетический комплекс.

В блоке интеллектуальной элиты хотелось бы увидеть ректоров и профессуру ряда местных вузов (государственной медицинской академии, юридического института, ТВВИКУ, государственной архивной академии, Института проблем освоения Севера, Тобольского педагогического института и др.).

К сожалению, в списке не оказалось ни одного представителя СМИ (хотя есть интересные и руководители, и журналисты, например, А.К. Омельчук), издателей (например, Ю.Л. Мандрика, выпускающий уникальные книги и журнал).

Очень мало представителей спортивной элиты, особенно ныне действующих спортсменов.

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

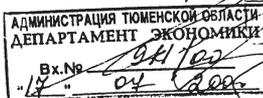
С уважением председатель исполкома МАСС **В. Иванков**.

- К сожалению, в списке не оказалось ни одного представителя СМИ (хотя есть интересные и руководители и журналисты, например, А.К. Омельчук, издатели (например, Ю.Л. Мандрика, выпускающий уникальные книги и журнал).

- Очень мало представителей спортивной элиты, особенно ныне действующих спортсменов.

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

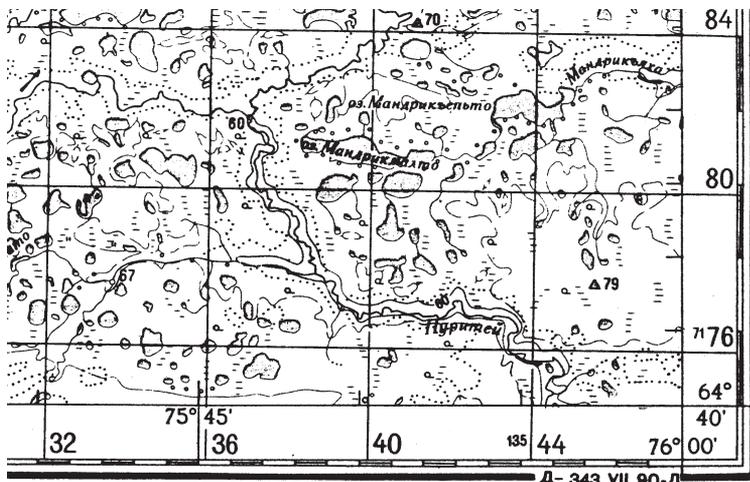
С уважением
Председатель исполкома МАСС

В. Иванков

* * *

Большой любитель рыбалки и охоты Юрий Орлов на карте Ямала обнаружил заповедные места — Мандрикьяха, Мандрик-малто. Но больше всего ему по душе пришлось озеро с названием Мандрикьяльто, которое, как он считает, вполне бы могло быть родовым угодием сотрудников журнала «Лукич».

Издано с оригинала ГУГК СССР

Составлено по материалам съемки
1970-72 гг., с использованием
дополнительных материалов на 1976 г.